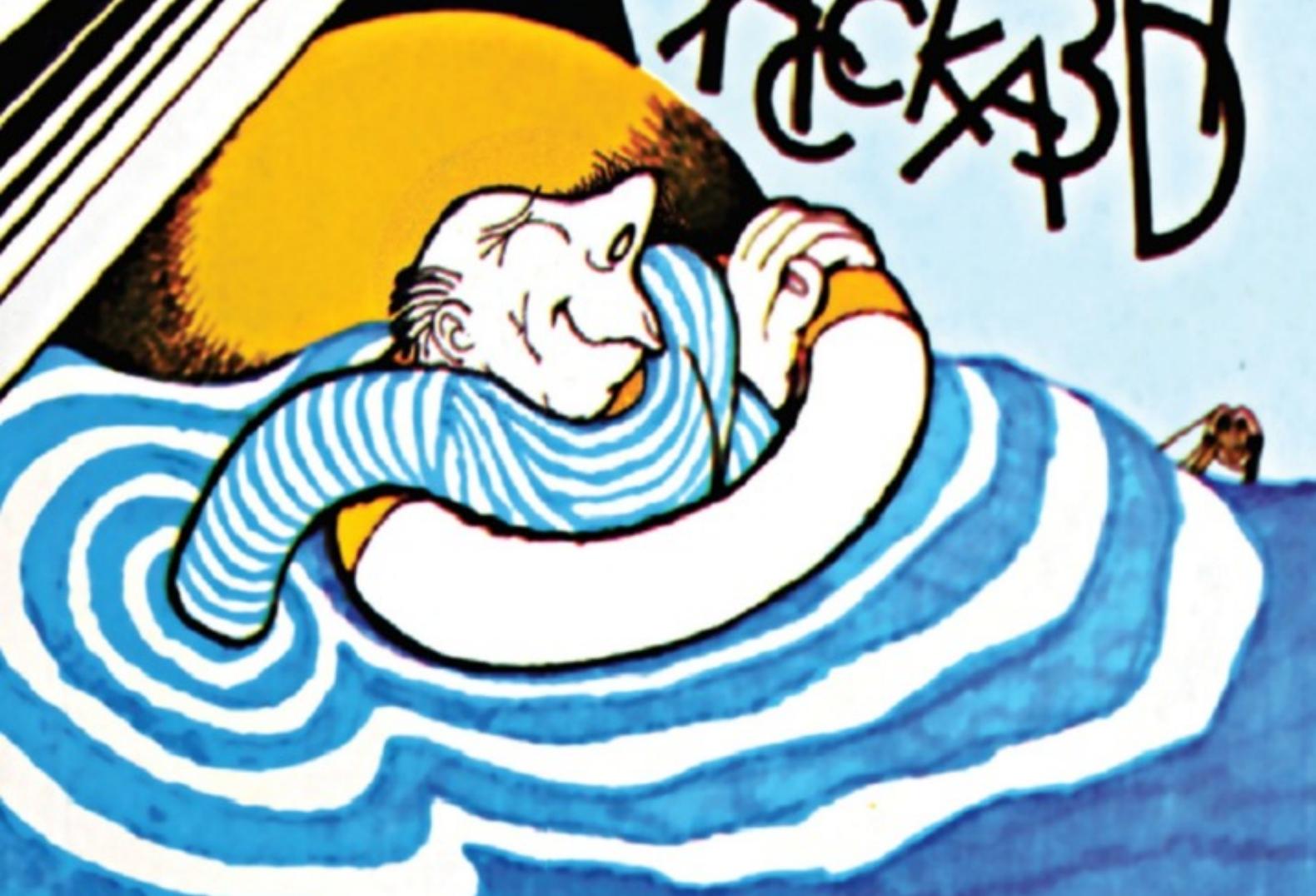

БОРИС ПУШКИН
«СЮЖЕТ»

КОМОСКИЕ

РАСКАЗЫ

Борис Мисюк

Юморские рассказы

«Издательские решения»

Мисюк Б.

Юморские рассказы / Б. Мисюк — «Издательские решения»,

Автор сердечно благодарит друзей — моряков и рыбаков за неоценимую помощь в рождении этой книги: Фёдора Новикова и многих других.

Содержание

Слово о друге-писателе	6
О себе, любимом	7
Юморские рассказы	9
«Шилом» море не согреешь...	9
Пароход берёт отход	15
Бэсамэ мучо	29
Мои года – моё богатство, или Спасибо Шаламову	34
Юбилейщики	40
Пирожки с икрой	43
Ах, марьяж, марьяж!	50
Улыбка Джоконды	54
Следопыт с «Голубого чилима»	57
Натюрморт с тазиком икры	59
Светлый верх, тёмный низ, или Happy end	60
Айболиты	65
Рассказ первый.	65
Рассказ второй.	69
Рассказ третий.	73
Рассказ четвёртый.	75
Рассказ пятый.	77
Рассказ шестой.	83
Трепортаж	86
Транс с историей и географией, или Виктор Маслобоев	93
Светлой памяти капитана Виктора Чистякова	98
1. ТБ и ПТ на МФ, или Не меняется только дурак!	98
2. Автобус на Марсе	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Юморские рассказы

Борис Мисюк

© Борис Мисюк, 2016

© Всеволод Мечковский, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово о друге-писателе

Жили-были два брата, Борис и Владислав, с которыми я давно сдружился, посылал письма – одному на крайний запад страны, в Белгород-Днестровский, другому на противоположный край – во Владивосток. Оба стали писателями, Слава склонился к исторической прозе (попробуй избежать влияния Белой крепости¹!), а Борис, овеянный ветрами Великого океана, естественно, стал маринистом. Радовался я их успехам, радовался и географическому размаху, да вот время подбросило нам свои каверзы, в результате которых Владислав оказался в «другой» стране – на Украине, ставшей «ближним зарубежьем». Вышло, что Дальний Восток стал для Москвы ближе, чем Одесская область... К тому же в недобрый час от разрыва сердца скончался Владислав Семёнович Мисюк, Белгород-Днестровский без него стал для меня ещё дальше, а Борис – ещё ближе...

Теперь Борису Семёновичу надо жить и писать за двоих. Ему надо выполнить известный наказ о том, что «в России писатель должен жить долго». В этом слове слышится «долг». Многое ещё предстоит написать Борису, таков его долг, его призвание, но и то, что он успел сделать – уже немало. Я встречаю каждую его новую книгу с уверенностью, что его талант, его чуткость откроют предо мной ещё одну вереницу интересных лиц, живых характеров на фоне таких морских (и земных) просторов, которые мне и не снились. Как будто смотрю кино. Всё видно и слышно. Австралия, конечно, для меня экзотика, но моряки, но люди-то наши, я с ними смеюсь и плачу.

Но Борис Мисюк не только проводник по неведомым краям, не только режиссёр-постановщик, живописец и портретист – он сам один главных героев своих книг, если не главный. Он постоянно (прямо или косвенно) присутствует в любом из своих произведений, его ум, доброта, юмор и жизнелюбие придают четвёртое измерение его прозе.

Мне нравится лёгкость письма Бориса. Он пишет, как бы шая, шутит, иронизирует – сам развлекается и развлекает читателя. Но это лукавая, обманчивая развлекательность. Писатель он серьёзный. Его порядочность, требовательность к жизни глубоко уязвлена острыми углами и пороками пережитого и переживаемого нами времени – от последних советских, «перестроечных» до теперешних рыночных (дико-капиталистических, а верней – криминально-бюрократических) лет. Читатель чувствует рядом с собою друга, весьма общественно-отзывчивого гражданина. Дай Бог, чтоб такими были не только писатели, но и депутаты!

Приглашая читателя в мир новой книги Бориса Мисюка, я понимаю, как нелегко сегодня ей добратся до «широкого» читателя. Нет теперь такого транспорта, который развозит книги по стране. В соседний город и то неизвестно – попадёт ли... Остаётся нам самим сообщать друг другу о хороших книгах и призывать на помощь Интернет. Как бы то ни было – книга не исчезнет, как не исчез театр с появлением кино и телевизора.

Я оптимист. Борис Мисюк – тоже.

*Кирилл Ковальджи,
г. Москва*

---

¹ Это древнее название города Б.-Днестровского.

О себе, любимом

Мы, пацаны военно-послевоенных лет, бредили, знаете чем – морской формой, лётной формой, ибо иных образцов красоты не знали. А ещё бредили этим, как его, НЗ, неприкосновенным запасом, выдаваемым носителям той формы. Море, небо и шоколад из обросшего легендами НЗ сливались воедино. И именно так в большинстве, бредя ленточками с золотыми якорями и ску-у-сным шоколадом, обворованные войной мальчишки становились моряками.

Флотским числю себя с пяти годов – как добыл первую свою бляху с якорем на ремень. С той бляхи всё и пошло. И мухой пролетела жизнь.

А может, не мухой, а чайкой? Жизнь оторванного от земли существа, не имеющего ни перепончатых лап, ни жабр. Ни семьи. Лишь весенний бриз, вдруг потянувший с берега, способен вызвать у этого существа лирическое восклицанье: «О! Кажись, помойки оттаяли. Весна! Щепка на щепку лезет. Пора и мне на берег...»

На берегу, однако, что-то не живётся, не пишется. Почти всё – девять из десяти книг – написано в море.

Автор просит:

Дорогие читатели! Приглядитесь: в конце каждого рассказа стоит год его рождения. Отразить свое время образно и понятно для людей нового века – задача любого писателя, большую часть жизни прожившего в XX веке. Вы замечали, до чего бывают интересны самые мелкие детали ушедшего? Даже такого далёкого, например, как век семнадцатый: чем жили люди, что пили-ели, как одевались в таком-то году...

Ну и, покончив с юморскими рассказами (не правда ли, как гармонично слились два слова: Юмор и Море?), будьте добры, настройтесь на серьёзный лад, ибо повести в отличие от рассказов – просто МОРСКИЕ, почти без «Ю».

Юморские рассказы

«Шилом» море не согреешь...

АЧТ набросился на ошмётки кальмара и, зверски урча, принялся пожирать их. Сизые с серебром, бесформенные ошмётки здорово смахивали на рваную плёнку в банке шаровой краски, когда плеснёшь туда чуток олифы и помешаешь щепкой. Противная такая рванина, но АЧТ от неё без ума. Я однажды записал на магнитофон его урчанье. На повышенной громкости слушать это невозможно – просто страшно. Думаю, львиный рык в пустыне не так леденит кровь. А если бы ещё увеличить самого АЧТ от котячьих до китячьих размеров, как сделал детский поэт, о, тогда всё – туши свет, как говаривал наш незабвенный боцман забывчивым электрикам.

Кит был маленький, домашний,
Кот – огромный, просто страшный...

И картинка: игрушечный китёнок, выгнув хвост, дурашливо сидит на заборе, а гигант-котище вразмашку плывёт по океану, пугая китобоев.

Лётчики, моряки, шахтёры, в общем все, чей «рабочий стол» качается, летает, рискует быть расплюснутым, в большинстве суеверны. Принадлежа к этому большинству, я и завёл себе чёрного кота АЧТ, чтобы нейтрализовать нечистую силу, клин клином, так сказать, котом котом вышибать. А имя просто из курса физики взял, из раздела оптики: АЧТ – абсолютно чёрное тело. В общем, как наша нынешняя жизнь.

Не дай Бог жить в эпоху перемен. Конфуций знал, что говорил! Тридцать лет отдать морю и вместо мяса, масла, которыми нас баловали на флоте, и даже вместо овощей, о которых мы лишь мечтали в долгих промысловых рейсах, остаться с сублимированной пенсией в зубах...

Чтобы не сдохнуть досрочно, я и вспомнил о кальмаре, о том, как ловили мы его, соревнуясь с японцами, которые знают в нём толк: кальмар – это ж чистый белок, притом он не мычит, не просит ни сена, ни стойла и заменяет говядину. Заменяет японцам, французам. Да весь мир, который мы называли «Запад», понимал это и ценил давно и прекрасно. И только мы со своим знаменитым «перекосом цен» до сих пор продолжаем ошарашивать здравомыслящих...

Только этот перекоп сейчас работает на нас. Я имею в виду себя и АЧТ и потому на эту тему пока умолкаю. Моя морозилка забита кальмаром, и каждый раз, доставая тушку-другую, я вспоминаю, как в начале восьмидесятых...

Мы рыбачим, вернее кальмарим с океанской стороны курильского острова Симушир. Весна, солнышко в небе, а небо, хоть и высокое, но какое-то заболоченное словно: там, в глубине-вышине гнездится серая, землистая муть. Наш РТМ, рыболовный траулер-морозилыцик, с натугой, как конь тяжёлый плуг, тащит по дну громаду трала, «авоську», способную поднять тонн семьдесят. Тащит час и два, а вытаскивает («Маненько есть», – приговаривает капитан) килограммов двести-триста. Потому что кальмар – не минтай, больших скоплений нет, да и дербанят его здесь давно и многоручно. Возьми бинокль и насчитаешь до десятка таких же мощных РТМов. Это только на видимости, а за дымкой, за горизонтом – ещё полстолько.

Фабриканты, это значит, матросы, работающие в цехе, на рыбофабрике, за час, к тому же валиком, справляются с уловом – сортируют, разделявают, укладывают в блок-

формы и замораживают. А трал тем временем снова пошёл в воду. Матросы-добытчики, работающие на палубе с тралом, для отличия от фабрикантов называются – тральцы. Пошёл трал в воду, змеятся на слипе ваера, стальные тросы-буксиры, а с катушки на «тайване» (похожая на мини-надстройку арка над слипом) сбегает кабель прибора контроля. Прибор смахивает на модель самолёта. Начинённый батареями, он сигнализирует о заходе рыбы или кальмара в горловину трала. Повязанный с кабелем тросик испаривает воду, струной звенит, скручиваясь от мощного натяжения. Тральцы на стрёме (ах, точный и ёмкий эзковский язык!) – считай, на переднем крае. Тут не зевай! Не то цепанёт – и мигом вылетишь за борт. И в лучшем случае поплаваешь в ледяной водичке. А в худшем...

Тьма глупышей над кормой РТМа. Это темносерые, короткохвостые, словно сутулые, чайки. В сравнении с изящными, стремительными белокрылыми красавицами чайками, они – бомбовозики. Толкуются над тралом тучей, сшибаясь в воздухе, то и дело напарываясь на кабель или ваер. Стальные пряди, с бешеной скоростью скручиваясь, захватывают перо, и всё – пошла птичка под воду.

– Эх, глупыш! – вырывается у тральца. – О, ещё один! Ещё! Ах ты ж, вот глупыш, а!..

Видно, так и стали эти птички глупышами. Через час-другой поднимут трал, а на ваерах – тут и там, через каждые пять-шесть метров, мокрые трупы с распластанными крыльями. Потом, в непромысловые дни (шторм, бункеровка, перегруз продукции), они высохнут до фанерной площади, и тралец, которому надоест лицезреть эти жалкие чучела, выдернет их одно за другим и предаст морю.

Кальмарим у Симушира, пашем тралом многострадальное дно, на коем после нас и «трава не расти», забиваем свои рефрижераторные трюмы мороженой продукцией, соцсоревнуясь с другими РТМами. И вдруг – радиограмма. От самого высокого берегового начальства:

**ВАШЕМУ ЭКИПАЖУ ОКАЗАНО ВЫСОКОЕ ДОВЕРИЕ ПЕРВЫМИ НА БАС-
СЕЙНЕ ПЕРЕЙТИ НА ПРОГРЕССИВНЫЙ ВИД ПРОМЫСЛА ЯРУСНЫЙ ЛОВ ВАШЕГО
ОБЪЕКТА ТЧК ПОЛУЧЕНИЕМ НАСТОЯЩЕЙ РДО СНИМАЙТЕСЬ ПОРТ ДЛЯ ПЕРЕ-
ОБОРУДОВАНИЯ ТЧК ИСПОЛНЕНИЕ ПОДТВЕРДИТЬ =
И ПОДПИСЬ: САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ-АДМИРАЛЬНЫЙ...**

Капитан наш, робкий с виду мужичок-колхозник, привыкший, по выражению боцмана, шлангом прикидываться, взял под козырёк и щёлкнул каблуками. Мы смотали удочки – кинули трал в трюм – и рванули домой. Рванули с радостью. Весна же. Щепка на щепку лезет – так наш боцман толкует весну. А тут месяц стоять в родном Владивостоке. Медовый месяц...

Навезли нам на борт кучу ярусных лебёдок, люстр, завалили палубу катушками со снастями – капроновыми верёвками, японской жилкой. Стук-грюк с утра до ночи. На пароходе и не усидишь – оглохнешь. Только вахта и выдерживает. Остальные – кто по домам, кто бабочек ловить. А «трио бандуристов» – кэп, зав, то есть заведующий производством, и дед (стармех) – каждое утро, что пацаны в школу, в главк маршируют, в «Дальрыбу». Береговые чиновники, рассказывал потом дед, учили их, как надо жить в море, объясняли, откуда у кальмара щупальца растут. Кэп, правда, добавлял, что не обошлось и без кой-какой пользы в том ликбезе: молодой ученый из ТИПРО поведал о всесветной головной боли, не морочившей еще нашей буйной социалистической головушки, – об угрозе белкового голода на планете, раскрыл маненько картишки с цифирками – международными, например, ценами на того же кальмара, сплошь из того же белка состоящего. «Дальрыба», а конкретней, ее самый респектабельно-презентабельно-импозантный «Отдел внешних сношений» эти же самые цифирки за семью замками ото всех прячет. Как взрослые ховают от деток

самое привлекательное – спички и презервативы. А еще тот ученый (трио сошлось на том, что это очень странный мужик: во-первых, с фиолетовыми глазами, а во-вторых, говорит так, будто всё время обижается), Олег Хвощук его звать, намякивал, что японцы дурят нас – через этот как раз сношательный отдел, – закупают кальмара прямо на корню, у наших берегов сотнями тысяч тонн.

А нам взамен они дают лицензию на отлов у их берегов копеечной рыбы, сельди-иваси. Боцман с этим не согласился и продекламировал:

Да на Руси
без селедки-иваси
и водку не соси!

Мол, для японцев та рыба пусть себе копеечная, а нам тот кальмар, может быть, до тети Фени, ага.

Надо сказать, все мы втихую были солидарны с боцманом. Ведь откальмарили ползимы да полвесны. Ты похрусти сапогами по алмазам, так и по грязи заскучаешь.

Наконец, приехал на борт представитель отдела внешних сношений и привез несколько здоровенных ящиков с заморским чудом – японскими кальмароловными крючками. Мы увидели их впервые и ахнули: ёлочные игрушки, да и только! Два сверкающих не то венца, не то ёжика, в каждом по шестнадцати игл из нержавеющей стали. Они сдвоенным зонтиком ошетилены кверху. А стебель зонтичный упрятан в пузатенькое пластмассовое веретёнце с блестящим колечком наверху. Главная красота заключалась именно в этих веретёнцах. Они были яркими, разноцветными: одни – густой кармин, другие – «розовые розы» (песня эта как раз звенела всюду), третьи – небо голубое, четвертые – свежая травяная зелень, пятые – шоколадки. Их так и хотелось – одни съесть, вторые нюхать, третьи просто понюхать в ладонях.

Весь экипаж (мы были уже на отходе, и нас держали только эти крючки) сбежался к ящикам. Море восторгов, ахов и охов. Цокают языками, щупают, нюхают, нянчат, многие уже и пальцы в кровь искололи. Народные умельцы, механики в основном, да мотористы прикидывают тут же, как эту красоту декоративно-прикладным образом использовать. Кто-то уже и по карманам успел рассовать их, несмотря на колючесть. Представитель нескромного отдела заметил, видать, и сказал: «Джиггеры, так называются эти ловчие крючки, – штука очень дорогая. Золотом за них заплачено, валютой. Вы берегите их и экономьте. А то ведь может получиться так – джиггеров нету, кальмар под бортом кишмя кишит, а взять его – тю-тю – нечем...».

Береговой месяц – как ириска во рту. Ты её принял за жвачку, а она – раз, и растаяла. И вот мы снова в море, только теперь поближе к дому, в Японском море, у самых берегов родного Приморья. Соревнуемся с японцами.

Лето, июнь, море паром исходит, солнышко прошибает туман, и синий мир смеётся от радости жить. Ловим по ночам. Они обычно беззвёздны, безлунны. Врубаем бортовые люстры с яркими галогенными лампами, и кальмар собирается под бортом, бросается на наши ёлочные игрушки, хватает их и...

Море наше до самого горизонта – в огромных, ярких светляках. Это японские шхуны кальмарят. Люстры у них помощней, лампы ярче наших примерно втрое. Но самое главное, уловы у них раз в десять больше!

В чем секрет? Где разгадка, где собака зарыта? И кто ту клятую собаку откопать может? Кто, кто, кто?..

Капитан на радиопереговорах с городом чуть не плачет: крокодил не давится, не растёт кокос. И вообще всё у нас, как в той песне: что они ни делают – не идут дела! Электрики собрали по судну все прожектора и чуть не все настольные лампочки из кают и все – туда, им,

кальмарам чёртовым: нате, радуйтесь, прыгайте, хватайте. Что, у вас повылазило? Вот же они, джиггеры, вот, сверкают алыми ягодками, зелёными огуречиками, сладкими шоколадками. Что ж вы, в рот пароход, мимо прыгаете, как будто не замечаете, а? Вытаскиваем ярус, на котором с полсотни джиггеров, а кальмаров на них – пяток, ну от силы десятков. Явно же зацепились случайно, боком, мантией – просто мимо проплывали. «Лопухов ловим», – резюмировал боцман, похлопав себя по свекольным, заветренным ушам, припорошённым первой сединой. Ну почему, почему не хватают, почему не хватают такие красивые, такие яркие, такие, черт побери, вкусные крючки, по-че-му???

Может, японцы их мёдом мажут?.. А хрен же их знает!.. Может быть, лебёдки у них яруса не так дёргают?.. Нет, братцы, наверно, люстры наши всё же слабоваты против ихних. Вон гляди, шхуна – она ж как солнце, а мы – как луна...

Затребовали мы с берега новые лампы, поярче. Два НИИ целый месяц соцсоревновались друг с другом, перепахивая носами японские да американские технические журналы и бюллетени. Нашли искомое, выдали «рекомендации» проектировщикам, те обещали «в сжатые сроки» что-то родить. Но родить, как известно, человек может лишь через девять месяцев, ну через семь, если в сжатые. Да, а потом ещё заводу ведь столько же потребуется, чтоб родить окончательно... В общем, «Дальрыба», офонарев видно, от наших воплей, плюнула на свои НИИ и пошла за фонарями к воякам. У тех же, известное дело, и птичьего молока навалом, и всего-всего что нужно для народного хозяйства, только все это от народа и от его хозяйства засекречено. Однако защитнички «пошли навстречу нуждам» и за десять бочек красной икры (вот где начало конверсии и военно-менового торгвли) выдали десять суперламп из зипа суперсекретного гиперболоида известного военспеца инженера Гарина.

Ящики с лампами нам доставили на торпедном катере. Между прочим, ваты, которая была в тех ящиках, швейной фабрике, шьющей ватные одеяла, хватило бы на пару месяцев работы. Уминая ее сапогами куда-то впрок и стойко терпя подъелдыкиванья машинной команды, боцман предложил выменять в Иванове наших мотористов-юмористов на тамошних швей-мотористок. Дескать, тройная совмещёнка будет...

Мечты развратника боцмана о медовом месяце прямо в море, представьте себе, реализовались, можно сказать. Но как-то очень уж извращённо. Да, не ивановские ткачихи «заколебали» нас в июле, а сами те лампы. Гарин-то проектировал их для супермощного гиперболоида. И как только мы включали их, наши бедные дизеля делали чах-чах-чах и чахли-глохли. Вырубало все до единого предохранителя. Электрики заменяли в них проволочки на гвозди, потом гвозди на болты. Но обуглились и болты, и электрики тоже обуглились, такие ведь чистюли всегда, аристократы машинной команды, на вахту выходившие чуть не при галстуках.

Август пришёл. А мы не взяли и июньского плана. Море, солнышко, кончились туманы, синий мир смеётся от радости жить... Что? От радости жить? Да он над нами смеётся! Над дураками русскими, ловящими у своих собственных берегов собственного головоногого моллюска, ага, ловящими, но не ловящими. И это в то время, как рядом, борт в борт, его, этого самого головоногого, лопатой гребут жёлтые люди...

«Трио бандуристов», кэп, зав и дед в конце концов решились. Не зря, видать, говорят так: ума решился. Они решились на жуткий криминал. Прошу не забывать: начало 80-х.

И вот мы крадучись, под утро, после промысловой (для кого промысловой, а кто и просто балду прогонял) ночи пришвартовались к японской шхуне. Трио в полном составе перелезло через зыбкую границу. Я стоял на палубе и отмахивался от назойливых видений: лесополоса, пахота нейтралки, кусты и карацупы в зелёных фуражках. «Стой!» И длинная, как за водкой, автоматная очередь: та-та-та-та-та...

Часа через полтора трио в полном составе, но уже на бровях, нарушило границу в обратном порядке. Здоровила зав тащил картонный ящик с жестянобаночным пивом, дед-

дохляк волок пачку ярких журналов, ослепляющих с обложек невиданными гологрудыми прелестницами. Кэп, крикнув, подозвал кока и повелел неожиданным для него царским жестом отдать туда, на шхуну, «маненько хлебца», сколько-то буханок.

На этом граница захлопнулась, железный занавес, скрежеща наподобие якорь-цепи, рухнул с розового рассветного неба меж наших бортов и, наверное, глубоко вонзился в илистое морское дно. Воровато-задорно гуднув, суда разошлись.

– Лебёдки у них, – рассказывали, проспавшись, «бандуристы», – от нашенских ничем не отличаются.

– Ага, спёрли, видать, чертежи в дальрыбовском НИИ, – бросил реплику кто-то из машинной команды.

– Лампы свои они нам разрешили только потрогать, – сокрушённо отвечивал дед на пламенно вопрошающие взоры электриков.

– А с собой дали вот это, – кэп, виновато пряча глаза, выложил на стол пару невзрачных сереньких джиггеров.

Мы ревниво разглядывали их и ощупывали: нет, они не шли ни в какое сравнение с нашими. Оно и понятно, наши-то за золото куплены.

– На тоби, боже, шо мени негоже, – резюмировал зав, до вечера угощавший пивом каждого, кто заходил к нему в каюту.

Боцман дольше всех так и сяк вертел в своих копчёных лапах японческие джиггеры и наконец подвёл черту:

– Шилом море не согреешь, хреном душу не спасёшь...

До конца лета мы вели свой «экспериментальный промысел», то есть (боцмана любимое выражение) гоняли балду. Наш рейсовый отчёт для отдела добычи главка вполне укладывался в капитанову формулу из двух (не чтя союза) слов: хрен да маненько. Отделу внешних сношений докладывать нам было не о чем, а вот отделу, с которым непосредственно сношается этот отдел, какой-то павлик морозов из нашего экипажа доложил о наших внешних сношениях в море. «Бандуристов» долго и очень нудно сноша... то есть воспитывали в том нерыбном отделе, после чего капитана сделали старшим помощником капитана, а зава (наверное, за то, что не поделился пивом) списали на берег. Дед (видно, за то, что поделился журналами) отделался строгачом.

ТИНРО тоже живо интересовался результатами рейса. Фиалковоглазый учёный Олег Хвошук, отодвинув в сторону диссертацию, неожиданно увлёкся невзрачными японскими джиггерами. В конце концов, потеряв теорию и насев на опыты, он сделал научное открытие. Оказывается, из-за того, что солёность и цветность воды в Японском, Охотском и других морях разная, по-разному смотрятся там и тела, то есть и сами кальмары, и объекты их питания – рыбки, личинки. Когда японцы промыслили у Курил в океане, где работали тралом и мы, там эффективны были цветные джиггеры. Но мы, перепахав дно, подорвали тамошние запасы кальмара. И японцы перешли к нашим берегам, где кальмар тралом не облавливался, зато отлично реагировал на свет и клевал на серенький джиггер. Тогда-то они и продали нам свои «ёлочные игрушки»... «Ну да, – сказал по этому поводу себе под нос наш капитан, – теперь понятно, на что это он все время обижается». Кэп имел в виду голос Олега Хвошука, удививший их при первом знакомстве.

Между прочим, сношательный отдел «Дальрыбы» закупил тех цацок не то на мильён, не то два мильёна – на весь флот, короче, и на все будущие времена, ибо японцы пошли навстречу оптовому купцу и сделали небольшую скидку.

Сдав ярусные лебёдки, как и положено, в металлолом (нам было некогда возиться, и мы сшибали их с мест кувалдой), мы снова вооружились тралом и рванули, как боцман сказал «по старым адресам» на океанскую сторону Симушира. Пахать перепаханное. По радио («Слушайте радиостанцию „Тихий океан“, программу для рыбаков и моряков Дальнего

Востока!») нас так и называют: пахари голубой целины. Под стометровым слоем воды кто ж там разберёт, целина оно или давно не целина.

И вот опять мы долго и нудно, по два или даже по три часа уже, таскаем по дну свою «авоську», разинутую на семьдесят тонн, и вытряхиваем оттуда «хрен да маненько» – сто, ну сто пятьдесят кг. Тоска. Правда, все мы, считай, поголовно научились спасаться от неё – делаем потрясные брелоки: розовые, карминные, голубые, как небо, шоколадные и зелёные, как трава, та самая, которая после нас – не расти. Золотые брелочки! Весь флот спасибо говорит золотому отделу золотых сношений...

АЧТ натрескался кальмарных ошмётков и разлёгся под телевизором – его любимое место. В октябре, правда, телевыстрелы его пугали, но нынче, слава Богу, уже без выстрелов живём. Снова телеболтовня пошла, только не централизованная теперь, не верховно-советская, а другая, дробная. Дурят опять нашего брата то патриоты, то демократы (кавычек на всех не напасёшься), то коммунисты, то социалисты, растущие капиталисты и давно отравившие себе «кухтыли» торгаши, бюрократы, казнокрады, разбойники в белых масках-халатах, в форме, в цивильном и даже в рясах. Ну когда же, когда мы, наконец, поумнеем, а, господа-товарищи?..

Боже, как славно было в море! Месяцами балду гоняешь, а тебя величают пахарем и кормят на шару. Да я как АЧТ жил! А что теперь? Остались теперь одни воспоминания. Море, море перед глазами, синее море и – глупыши, серенькие, как джиггеры, сутулые бомбовозики. И те, сушёные до фанерной площади...

Пароход берёт отход

Я очень спешил: моя плавбаза снялась с якоря во Владивостоке и уже часов пять-шесть полным ходом пилила в Охотоморскую промысловую экспедицию, а я застрял на Южных Курилах. Мне, кровь из носу, надо было скорей попасть на плавбазу. По заданию Рыбконторы я договаривался с местными добытчиками насчёт сдачи лосося на плавбазу. До начала лосо-сёвой путины было ещё целых два месяца, но мы готовили телегу зимой. Точнее, весной. А сейчас плавбаза торопилась после длинного зимнего ремонта, вымотавшего у экипажа все силы, кошельки и сберкнижки, наверстать упущенное на охотоморском минтае. Мнение о том, что зав на базе – король на именинах, я никак не могу разделять, ибо сам – зав, то есть заведующий производством. После пьяной стоянки и полупьяного ремонта у зава забот, знаете ли, по самую плешь. Пять суток перехода до промысла – это обычно подборание хвостов, отладка оборудования, сколачивание бригад и изгнание последних бесов. В общем самое продуктивное время.

Вот почему я и бился рыбой об лёд, дёргая островных связистов и тормоша пограничников: дайте мне связь с Сахалином, с рыбацкими конторами, скажите, когда будет «борт» на Корсаков, на Южный, на Холмск, да куда угодно! И мне, наконец, повезло. Мне дважды повезло: я связался с Холмским УМРЗФ, управлением морозильного, рыболовного и зверобойного флота, узнал, что у них на отходе в Охотоморскую экспедицию находится сейнер «Дубовцы», и узнал, что через час-полтора прямо на Южно-Сахалинск вылетает пограничный ИЛ-14. Ура! Значит, если я не опоздаю на отходящий сейнерок, то успею в проливе Лаперуза пересечь на свою плавбазу. Удача, редкостное везенье, тьфу-тьфу-тьфу...

И вот мы уже летим под сизыми кучевыми облаками, над сизым ребристо-гребенчатым морем, и я молюсь столь близким сейчас богам, небесному и морскому, чтобы «Дубовцы» не ушли без меня, чтоб их задержало что-нибудь – портнадзор, пограничники, таможня, да что угодно!

И вот мы уже приземлились в Южном. Мягкая посадка, отличная, солнечная погода. Я тут же ловлю такси до Холмска. Сплошная везуха, тьфу-тьфу-тьфу...

И вот уже, облегчённый от последних денег, я выскакиваю из такси перед конторой УМРЗФ и, размахивая полупустой сумкой, прыгаю через лве ступеньки на третий этаж, в диспетчерскую.

– Где «Дубовцы?! Стоят?! Ххэ... ххэ... хэ, – язык наружу.

– Должны были уйти, – спокойненько так, безразличненько. – Щас посмотрим, – листает журнал, затем поверх очков взглядывает на меня. – Власти заказаны на восемнадцать-ноль-ноль...

Я чуть не оторвал манжет на левой руке, узрел безжалостную стрелку, уткнувшуюся вниз, на полседьмого, и вскрикнул подранком:

– Где он?!

Диспетчер вальяжненько этак приподнялся в кресле, взгляделся в тёмный, униженный китовыми тушами сейнеров, заваленный сетями, толстыми чёрными сигарами пневмокранцев, контейнерами, испятнанный крупными предзакатными тенями причал и наконец изрёк:

– Нет, не вижу. Дебаркадер заслоняет. Они во-о-н там должны стоять, эти «Дубовцы», за ним... Бегите, может, ещё успеете...

«Спасибо» я выкрикнул уже в дверях. Горы вонючих неводов и тралов пролетали мимо, мимо. Сумка моя парусила за мной, как тормозной парашют за самолётом. Боже мой, думал я, сглатывая запёкшуюся под языком слюну, весь Сахалин-то на карте не больше тюльки, а тут по какому-то причалу его, понимаешь, полчаса бежишь и всё добежать не можешь. Бежишь, бежишь, бежишь и не можешь добежать...

Вот так жужжа я и прибежал к вожделенной цели, о чём свидетельствовали большущие белые буквы на чёрном борту: ДУБОВЦЫ.

По палубе ходили пограничники, те самые «власти» – два солдата и сержант в зелёных фуражках, с автоматами через плечо. Сердце моё оборвалось и повисло на тоненькой ниточке: может быть (Господи, помоги), а может и не быть (ох-ох-ох), нет, всё-таки может быть, они мне разрешат, пустят, внесут меня по-быстрому в дополнительную судовую роль. Я ж ведь просто не успел сделать всё официальным, законным путём, когда мне было успеть?..

С властями говорить, сами знаете, что с тигром в тайге. Помните Дерсу Узала: «Хорошо, хорошо, амба! Не надо сердиться, не надо!.. Это твоё место. Наша это не знал. Наша сейчас другое место ходи. В тайге места много. Сердиться не надо!..» Да, Дерсу-то хорошо, много места. А мне куда деваться? Мне именно этот вот пятак палубы нужен и никакой другой. И именно по нему амба расхаживает. Я застываю столбиком-евражкой, прислушиваюсь. Пограницы этак лениво, через губу, спрашивают у кого-то из членов экипажа, где, мол, капитан. В конце концов сержант, заголив наручные часы, останавливает на них затяжной взгляд (демонстративный такой, знаете, командирский жест) и изрекает:

– Всё, мы пошли, старпом.

– Да погодите, да он же сейчас, может, через пять-десять минут придёт, – выгибается перед сержантом старпом, серенький мужичок лет тридцати. – Вы б нам дали «добро» на выход, дали, а...

– Нет, без капитана я вам отход не дам, – на удивленье мягко, прямо-таки по-человечески отказывает сержант. – До завтра!

– Что, сегодня уже точно не уйдут? – Вырывается у меня, когда пограннаряд проходит рядом. Амба улетучился, и у меня начал прорезаться прежний страх опоздать на randevu с базой.

– Да куда они уйдут без капитана! – Сержант, похоже, дивится моей наивности.

Я себя в наивняках не числил никогда. Во всяком разе, до «Дубовцов». Привыкший с высокого мостика на промысле взирать на сейнера, чёрными жучками расползавшиеся от борта плавбазы, разве ж мог я предположить, что один из таких жучков станет вехой в моей размеренной, вполне сложившейся жизни, посягнёт на нечто в самой натуре моей? Нет, ни за что и никому вот сейчас, на этом захламлённом причале УМРЗФ я б не поверил, что какие-то «Липовцы», пардон, могут изменить мой – выношенный! – детерминизм (в словаре иностранных слов найдёте), обратив его в самый настоящий индетерминизм (см. там же). Да это всё равно что, как бы вам объяснить посовременнее, превратить, допустим, бодигарда – в трубадура. Через бодибилдинг, разумеется!

Короче говоря, вступив на палубу рыболовного сейнера «Дубовцы», я начал таинственным образом превращаться в свою противоположность. Капитаново кресло в кают-компании, его любимое место на мостике (допустим, с правого борта, за локатором) никто и никогда не займёт, никакой уважающий себя моряк. Ну а о капитанской каюте и говорить нечего, это алтарь, святыня.

Старпом повёл меня прямо в капитанскую каюту. Я мысленно собрался и приготовился представляться капитану, который, как было сказано, придёт через пять-десять минут. Только бы не отказал взять меня. Я-то знаю, как не любят капитаны лишних людей на своём борту, всяких-разных пассажиров, как правило, скромных лишь во время знакомства, а затем начинающих претендовать на всевозможные удобства, привилегии, отдельную каюту, притом «с солнечной стороны» (это случай из жизни), персональное кресло в кают-компании и пр., и пр. И вот, значит, сижу я в капитанской каюте на кожаном диванчике, сижу с прямой спиной, прижав к бедру тощую сумку, жду.

Проходит десять минут. И двадцать проходит. И сорок. Затем ещё столько. Вздохнув, словно выпустив пар, я расслабляю спину, «вот почему в гостях хорошо, а дома лучше», – думаю и откидываюсь на спинку дивана. Потом, отыскав на столе, заваленном бумагами с тарелками и кружками вперемешку, консервную банку с «бычками», закуриваю. Приоткрыв иллюминатор, невольно становлюсь свидетелем такого разговора:

– Ты умри сегодня, а я завтра, ага?

– Да нет, земля, не умирай никогда! Просто мне надо с женщиной, понимаешь, с женщиной попрощаться надо. Постой за меня до утра, а завтра я за тебя отстою. Две вахты отстою, земля ты мой родной!

– Нет, не надо мне две. Одну давай. Тащи одну бутылку, ага, и можешь отваливать.

– Да где ж её сейчас взять, земля, ночь на дворе!

Действительно, за иллюминатором было темно. Настольная лампа, прикрепленная к переборке на раздвижном штативе, горела, похоже, не первые сутки. Видимо, капитан прирек к ней и не выключал никогда...

– А это, извини-подвинься, твоё лич-ч-ное горе!

После сей сакраментальной фразы у меня обычно отвисает челюсть. Наверное, то же самое произошло и с «земелей». За иллюминатором повисла тишина. Обе договаривающиеся стороны, кажется, удалились в одну сторону. Счастливый путь, ребята, желаю обоим отстоять до утра каждому своё. А вот что мне делать? Спать уже хочется. Намотался, день был такой длинный, длиннее Курильской гряды. Куда б голову приклонить?

И только я так подумал, как за дверь, в кают-компанию, услышал голос старпома, голос незабвенный, выгибающийся, оказывается, не только перед властями:

– Слушай, кандюха, ты ж так уморишь нас. Обед не было, а ужина тоже нетути, а?

– Нет, чиф, ну ты даёшь! Я тебе что, из свежего воздуха обед изготовить должен? – Кандюха, то есть кандей, он же кок, раздалбивал непосредственного своего начальника. – Ты мне когда последний раз продукты выдавал?

– Вчера, – полувопросительно вякнул старпом, и мне его сразу почему-то стало жалко.

– Позавчера, – отбрил его Кандюха.

– Ну ладно, ладно, идём, идём, возьми там сколь надо тушёнки, картохи, настряпай чего-нибудь, а?

Он звякнул ключами, и оба исчезли минут на пять. Благо, сейнер – не плавбаза, от бака до кормы – всего-то метров двадцать. Когда же на плите зашипело, я не выдержал и открыл дверь. Интересно отреагировала эта парочка на моё появление. Чиф расплылся в повинной улыбке: прости, мол, дорогой человек, видишь, сколько тут забот, суеты всякой, подзабыл я про тебя. Кандей же, прямо наоборот, выстрелил дуплетом презрения из чёрных злых зрачков-стволов. Мне показалось, впрочем, что его презрение адресовалось не мне, а капитану! Магнетические глаза судового кормильца не отпускали от себя, и я увидел такую трансформацию: удивление (а это ещё что за бес?), мгновенное любопытство (что с тебя поиметь можно, бутылку-то хоть выкатишь?) и наконец гордая неприязнь (Господи, ещё один нахлебник).

Негоро! Это пиратское имя словно само выпрыгнуло на свет. От такого кадра, невольно подумал я, именно топора под компасом и можно ждать.

– Вы, наверно, кушать хотите. Извините, – старпом, извиняясь, кланялся, – сейчас, сейчас будет готово. Правда же, Кандюха?

Негоро, не удостоив его ответом, повернулся к плите.

Вскоре мы уплетали подгорело-сырую картошку с тушёнкой, на запах которой в кают-компанию стали слетаться орлы из экипажа. Длинный матрос в перемазанной суриком робе протянул коку эмалированную миску:

– Кинь от души.

Негоро брезгливо ляпнул в посудину общепитовскую пайку, уместившуюся на сервировочной подставке из нержавеющей стали, которым переворачивают блины.

– Мне ж для Макарыча, – спокойно объяснил матрос, – подбрось ещё.

– Мне по... для кого, для Макарыча или Лаврентий Палыча! – Взбеленился Негоро. Похоже, его вывело из себя именно спокойствие матроса.

Добавок всё же шмякнулся в миску, и матрос исчез.

Через двустворчатую рундучно-узкую дверь вышел из машинного отделения то ли механик, то ли моторист в замасленной спецовке и берете с размохраченным помпоном некогда красного цвета. Бахнулся на лавку, измождённо, как поленья к печи, бросил на стол грязные локти и гаркнул:

– Кандюха, корми!

Негоро высунулся из камбуза, хмурый, готовый к убийству. Сейчас как-как метнёт в крикуна секач или нож, подумал я. Но он лишь оценивающе взглянул и оценил-таки пролетарский экстерьер маслопуха. И наградил полновесной пайкой.

– Ложку! – Рявкнул пролетарий вдогонку исчезающему в камбузной двери коку.

Мы со старпомом поддевали жарёху алюминиевыми ложками, вилки на этом пароходе, я понял, не держали, считая это барскими закидонами.

– Нет ложек! – Бросил через плечо Негоро. – По каютам растащили, муфлоны.

– А это твоё лич-ч-ное горе! – Парировал гегемон, стоящий, как теперь стало ясно, вахту за землёю, который пошёл прощаться с женщиной.

Негоро остановился, уже перенеся через камбузный комингс одну ногу, развернул торс в нашу сторону.

– Чиф! – Возопил он, и я увидел, как вздрогнул старпом, услышал, как звякнула ложка о его зубы. – Когда кончится этот бордель? Я ходить по их свиношникам не буду! Где посуда?!

Старпом торопливо дожевывал остатки харчи и метнулся в каюту капитана. Там над койкой, в головах, висел коричневый пластмассовый микрофончик с чёрной спиралью шнура. Старпом щёлкнул тумблером и громогласно, на весь пароход, трижды дунул в микрофон:

– Фу! фу! Ффу-у-у! Внимание членов экипажа! Кто брал посуду с камбуза... и ложки, просьба принести в кают-компанию!

– Просьба! О-о-у! – Взвыл-зарычал Негоро.

– Немедленно! – Испуганно добавил чиф в микрофон и снова щёлкнул тумблером.

Машинный пролетарий, не дожидаясь результатов чифова воззвания, овладел его ложкой, одним движением обтёр её своей чёрной полкой и сосредоточенно приник к миске. Мир был восстановлен. Мы уже допивали полухолодный, явно позавчерашней заварки чай, когда в кают-компанию просунулась заспанная прыщавая физия упитанного юнца. Он держал в руке миску с закозленной в ней то ли гороховой, то ли иной какой массой, из которой торчало целых три алюминиевых черенка. Кандей кинулся к юнцу, как к родному сыну, потом, разглядев в миске «козла», длинно, по-боцмански отматюгал, выхватил миску и добавил:

– Если ещё раз, понял, Трояк, ты мне такое притащишь, я тебе эти ложки в ж... засуну!

Трояк, то есть третий штурман, третий помощник капитана, выслушав кока самым глухонемым образом, без малейших эмоций, сел за стол и словно прислушался к себе. Он ощущал какое-то неудобство, наконец разобрался, полез рукой в задний карман трико, вытащил оттуда белую эмалированную кружку с печатью губной помады и поставил на стол.

– О, – сказал он. И больше до конца чаепития я не слышал от него ни слова. И если краткость – сестра таланта, а молчание – золото, тогда Трояк – гений и первый богач на острове.

Произведя такое сложное умозаключение, я вдруг почувствовал усталость. Она свалилась на меня неожиданно, как мешок со штабеля. Усталость ото всего этого долгого дня,

перелёта, переезда, переживаний, перебежки, пере... И от парохода этого я тоже уже устал. И спросил старпома:

– А где бы мне голову приклонить? Что-то спать захотелось, притомился за день.

– Так вот же, вот же вам каюта! – Радостно, восторженно и удивлённо вскричал чиф, тыча пальцем в голубую дверь с чёрной табличкой: КАПИТАН. Он делал мне царский подарок, он был в восторге от таких своих чародейских возможностей, ну и, естественно, от души поражался, почему я не радуюсь этому вместе с ним. Ведь моя-то радость двойной должна быть: я ж получаю лучшую на пароходе каюту!

– А-а-а, – заблеял я, – а если капитан придёт?

– Не придёт! – Просиял старпом, воскликнув это с такой твёрдой уверенностью, какую в нём предположить было чрезвычайно трудно. И этим сразил наповал моё внутреннее сопротивление кощунству: мол, как же можно, орлы мои золотые, так грубо нарушать вековые морские традиции?

Вопрос сей очень вяло ворохнулся в моём уже дремлющем сознании, и я послушно двинулся к голубой двери. Слева от неё висела мини (как всё на сейнере) доска объявлений с прикнопленной бумажкой, гласившей:

Внимание! Всему экипажу быть на борту в 14 часов.

Капитан Демьянченко

С трудом удерживая веки полукрытыми, я мысленно пробормотал извинения капитану Демьянченко, вошёл в его каюту и нераздетым повалился на диван, сдвинув в изголовье кипу старых, истрёпанных газет.

Кто бывал на рыболовных сейнерах, тот видел этот капитанский диван, опять-таки мини, на нём не только никакую «бикини» не разложить (так что морским байкам о капитанских-донжуанских подвигах на том диване не шибко верьте), но и самому-то, даже если ты не гигант, а коротышка, приходится койлаться, как говорят моряки, то есть скрючиваться, поджав ноги.

Тем не менее я ухитрился выспаться и туманное апрельское утро встретил с оптимизмом. Ничего, что randevу с плавбазой в проливе Лаперуза не состоялось, зато я ведь уже не болтаюсь где-то на Курилах, а вполне определился и нахожусь на борту шустрого сейнера. Сейчас придёт капитан, мы отчалим и потопаем на промысел. Кстати, пока будем топтать, я свяжусь по радио с базой, узнаю обстановку на борту и дам кой-какие цэу. Поуправляю, так сказать, дистанционно родным производством...

Туманное утро постепенно перешло в пасмурный день, затем – не скажу, что незаметно – в ранние сумерки. И за всё время я только четверых членов этого доблестного экипажа лицезрел живьём: опять-таки кока, самоотверженно сварившего в обед суп из сайровых консервов, старпома, ставшего ещё более виноватым и прогнувшимся, того же требовательного машинного пролетария и сменившего его аж к вечеру Земелю, третьего, как выяснилось, механика. Пролетарий же оказался вторым механиком, то есть хозяином машины, корабельного, так сказать, сердца. Получив выстрадавший могоарыч, он, сердешный, быстро этак, словно провалился, исчез в недрах парохода и появился снова на свет божий, то есть в кают-компании, через час совершенно готовым зюзей. Такая скороспелость, решил я, объясняется либо закалкой-тренировкой, то есть алканавтским профессионализмом, либо элементарным отсутствием закуски. Утверждая меня в последнем, он пошарился на камбузе, изыскал у плиты кус полужидкого масла, ополовинил его, размазал по хлебной горбушке и вонзил в неё зубы. В этот самый миг и вырос на пороге Негоро. О, это было самое настоящее явление Громовержца.

– О-у-у! – Взревел он, мгновенно оценив урон, нанесённый механиком. – Ну, хрен вам теперь, а не жареная картошка! Ты ж, змей, последний шмат маргарина сожрал!.. О-у-у, как вы меня заколебали все! Вот бордель, так бордель!..

Перечитав за день половину «подушки», состоящей из двух подшивок сахалинских газет, я снова задвинул их в изголовье и отошёл ко сну. Отошёл, отплыл, отчалил. Ибо во сне камбуз «Дубовцов» вознёсся выше капитанского мостика и воцарился на его крыше, то есть на пеленгаторном мостике, где как раз имеется запасной штурвал. Негоро отбил склянки поварёшкой по кастрюлям, ухватил штурвал и рявкнул суровым своим баритоном в переговорную трубу, немного смахивающую на самоварную:

– В машине! Кончай бордель, вашу мать! Запускай двигун!

Как ни странно, «Дубовцы» вздрогнули, лошадиные силы в машине затабунились, из трубы, почему-то из той же, переговорной, прямо в нос Негоро ударил сгусток чёрного дыма. Самозванец, мигом ставший негром, пролаял туда, в дым, что-то невнятно-нецензурное, резко отвернул трубу в сторону, вынул из кармана украденный из капитанской каюты коричневый микрофон со спиральным шнуром, и по всему пароходу разнеслось громогласное:

– Наш капитан... снимите шляпы, муфлоны... безвременно сгинул... от голода!.. Вы сожрали последний маргарин. Па-след-ний! Больше нет. Чиф, подтверди!

– Да-да, – донеслось откуда-то снизу, с капитанского, похоже, мостика, подобострастное. – Нетути больше, нетути...

– «Нетути» и капитана, – передразнил его кок. – Всем остальным... слушать мою команду... – Он прочистил горло, рык, усиленный микрофоном, потряс атмосферу, сгустившуюся над «Дубовцами». – Отдать концы!

Боцман, единственный на палубе соблюдавший (или как?) ТБ, в каске с надписью белилами «Botsman», сбрасывает с причальных тумб швартовы.

– Всем, я сказал, всем, – снова заорал Негоро, – отдать концы!!!

На палубе возникло секундное замешательство, потом началась паника. Действительно муфлоны! Кто кидался отнимать у боцмана капроновые концы, кто выхватывал из-за пояса ракетницы (пираты да и только, подумал я, все вооружены, ты глянь), они приставляли – о, ужас – толстые стволы к головам и...

Бах! Бах! Ба-бах!.. Я устал считать сражённых. Откуда столько?! На сейнере ж всего-то... Бах! Ба-бах!.. И что за идиотизм вообще – нормальную команду «отдать концы» понять так буквально... Ба-бах!..

Просыпаюсь. Стираю со лба кошмар вместе с потом. И вдруг за иллюминатором – Б-бах! Ш-ш-ши-и!.. Подскакиваю на диванчике, боюсь смотреть в иллюминатор, страшусь увидеть воочию продолжение кошмара, всё же выглядываю, и вижу...

Нет, никуда мы не плывём, увы. Палуба залита... о, нет, слава аллаху, не кровью... она залита «бледным, лимонным, лунным светом». И ещё другим, но тоже лимонным – от снижающейся оранжевой ракеты. У траловой лебёдки, прямо под окном капитанской каюты, стоит, расставив ноги «по-флотски», юный Трояк и перезаряжает ракетницу. В двух шагах от него, у борта, застыла, восторженно раскрыв рот, столь же юная дева. Салют, надо полагать, прощальный, ну да, мореход прощается с берегом, о, теперь уже зелёной, как змий, ракетой (он целится прямо в луну) продолжается. И я привыкаю к ба-бахам, взбиваю, точнее взлистываю «подушку» и засыпаю уже до утра.

Утро третьего дня, типично островное для весны (да и для лета тоже), с холодным ветром и моросью, располагало к...

– Погода так и шепчет, да, земля? – Третий механик обращался, оказывается, ко мне. – Так и шепчет, зараза: продай штаны и выпей.

Мы стояли на палубе, под рострами. Наверно, я взглянул на него морским волком, потому что он тут же перешёл на «вы»:

– Простите, а вы к нам – пассажиром?

– Да, в район лова, – буркнул я, косясь на одинокую женскую фигурку, цокающую каблучками по причалу. – А вы не знаете, где наш капитан?

Этот вопрос вырвался у меня не первый раз. Вчера я весь день озадачивал им каждого встречного. Ответы были уклончивые, как мачты в шторм: нету его... болеет, не знаю... Земеля же оказался прямым, как гребной вал. И явно уважал себя за это.

– Конечно, знаю, – с достоинством объявил он. – На судне наш капитан. Просто мы его прячем от... – Земеля заглотнул какое-то слово, едва не подавившись им, и закончил фразу на пониженных тонах, пробормотав под нос, – от всяких врагов...

Женщина круто свернула к нашему трапу, уверенно этак, прямо по-хозяйски вошла на борт, бросила «здравствуйте» и спросила в лоб:

– Где капитан?

Я обернулся и понял, что вопрос адресован именно мне, потому что Земеля исчез. Словно сдуло его или смыло волной цунами.

– Я здесь гость, пассажир, – я пожал плечами, – не знаю. А вы, извините, кто?

– Жена капитана! – Она ошпарила меня взглядом. – Будь он проклят! Неделю домой не является, пьяница проклятый! Все вы тут один другого стоите!

Брезгливо, предплечьем отстранив меня с дороги, она прошла в кают-компанию, тайфуном влетела в капитанову каюту, что-то поразметала по переборкам, в том числе досталось и моей сумке, будто и в ней мог бы запрятаться негодник-муж. Звуковое сопровождение шло крещендо, и в нём клокотало доминантой:

– Прячете! Я всё равно его найду! Я вас всех, алкаши проклятые, выведу на чистую воду! Я вам устрою отход!!!

Я почувствовал в ней союзницу. Мои планы и её совпали, как створки морского гребешка. И если б удалось захлопнуть раковину так, чтобы её муж оказался внутри, отход, пожалуй, мог бы состояться сегодня...

Вот верно говорят, что история не терпит сослагательного наклонения: если бы да кабы. Всё, момент упущен! Тайфун пролетел. Капитанова жена метнулась по каютам и кубрикам, один из них, носовой, матросский, оказался «на лопате», она потребовала ключ, но хозяев кубрика на судне вроде бы было «нетути». Она взглянула на часики, пророкотала (так мне услышалось), что опаздывает на работу, и испарилась, процокотав по трапу и причалу.

Тишина на мягких крылах опустилась на «Дубовцы». После тайфуна так и бывает. В кают-компании лишь глухо позвякивали алюминиевые ложки, размешивая в кружках сахар.

В сотый раз, точно силясь дешифровать шумерскую клинопись, я вчитывался в бумажку на доске объявлений:

Внимание! Всему экипажу быть на борту в 14 часов.

Капитан Демьянченко

Боже мой, вот лишь когда до меня дошло главное: там даты ведь нет! Не-ту-ти даты, нетути. Может быть, они не три, а уже тридцать три дня «отходят». Без даты, без даты! И непременно, само собой, а как же иначе, ровно в 14 часов. Без даты...

Это я уже себя материл. И одновременно молился (нынче у нас такое возможно). Нервно перебирая в мыслях самые свежие из своих грехов, молился: Господи, за что ты меня наказал этими «Дубовцами», а? Вот влип так влип. По самые уши. Нет, надо бежать,

бежать... Скорей, в контору, в УМРЗФ это задрипанное (моя-то контора – Контора, БТФ, База тралового флота!), другой пароход найти, любой, только не этот...

И тут я вспомнил, что сегодня суббота. И взвыл, как Негоро: о-у-у! Завтра, значит, воскресенье, а это значит в свою очередь, что два, а то и целых три дня (в понедельник суеверные капитаны не отходят) – коню под хвост. О-у-у!..

Я дочитал «подушку» до самой «наволочки» и знал теперь все прошлогодние новости острова. Центр норовил, как водится, превратить Сахалин в сырьевой придаток, высасывая из него нефть, красную икру, рыбу, а взамен – ни хрена, кроме районного коэффициента 1,6. Задиристая молодёжная газетка изредка вскрикивала: братцы-островитяне, давайте же бороться за своё место под солнцем!.. Я хмыкнул. Какое на наших дальневосточных островах солнце, где оно? Неделями, месяцами – туман, морось, дожди. Это ж только в песне так:

Ну, что тебе сказать про Сахалин?
На острове нормальная погода...

Погода здесь, увы, Земеля прав, чаще всего как раз и «шепчет». И весь тот коэффициент с лихвой в тот шёпот и уходит. Я сам, как говорится, «не дурак» на сей счёт, однако сейчас, листая «подушку», невольно задерживал внимание на заметочках типа:

ПЬЯНСТВУ – БОЙ! НЕ ПРОХОДИ МИМО!

ВСЯ ЖИЗНЬ – МИМО! ПОД ХВОСТ ЗЕЛЁНОМУ ЗМИЮ!

В ЧУЖОМ ПИРУ...

И думал «со священным негодованием»: пьяный за рулём (штурвалом) – преступник! И вспоминал, как прошлым летом на Украине в небольшом провинциальном городке видел на стене два плаката рядом. На огромном красочном: «Партия – наш рулевой», а на маленьком, вывешенном ГАИ, как раз вот это: «Пьяный за рулём – преступник!»

Я совсем обжился на «Дубовцах», думая уже не о минтаевой, а о следующей за ней путине – лососёвой. Туда бы хоть успеть... Ко мне даже деньги занимать подходили, ну очень располагающе глядя в глаза и убедительно обещая отдать до отхода. Мне очень нравилось это «до отхода». То есть они проявляли заботу о том, чтобы я успел, как положено, «затариться», уходя в рейс. Такие миляги! Я б им давал, когда бы не был сам не прочь у кого-нибудь подзанять – до прихода, до борта своей плавбазы. О, только до прихода, слово джентльмена...

Сайровых консервов, как я понял, собственного прошлогоднего производства, на «Дубовцах» хватало, благодаря чему супешник Негоро сотворял каждодневно. И я смирился. И в воскресенье после обеда, наворачив полную миску, выбрался на палубу. Белёсое солнышко, разметав одеяла облаков, выпутывалось из пелёнок тумана. На крышке трюма сидел Антон, Трал, то есть тралмастер, в окружении троих матросов. Все четверо, заголившись, ловили лучи весеннего солнышка. Пропились они, как видно, в пух, ну и сейчас уже успокоились. Физиономии светили «фонарями» всех цветов и оттенков спектра – от нежно-розового (сошла корка) до густо-фиолетового (свежак).

– Иди, Семёныч, к нам пузо греть! – Пригласил меня Антон, которого звать вообще-то Виктор, а фамилия – Антонов. Он меня «вычислил» ещё вчера. Говорит, работал раньше в нашей БТФ, ну и сдавал, значит, рыбу на мою плавбазу, вот и запомнил, дескать, «личность».

Сбитый, среднего роста, в плечах округлый, обтекаемый, как морж, а особо «плечистый», как говорят на флоте, в животе – «кухтыль» имел уже в двадцать пять, десятков годов назад. Рыбак, видать, Божьей милостью. Такими мощными, толстенными руками, подумалось мне, он мог бы ворочать трал, даже мокрый, в одиночку. Лапы-кисти у Антона до того

обветрены и натружены, что смахивают на старые рыбацкие перчатки, знаете, такие из толстой резины бордового цвета, притом налитые тугой, тяжёлой кровью.

Я подошёл, присел рядом, на брезентуху. Антон протянул руку куда-то за спину и достал гитару. И начался концерт. Я не устал поражаться: как эти пальцы-сардельки виртуозно управляют со струнами и ладами! А сколько он знал песен, лирических, блатных – разных. Некоторые, «Бригантина», к примеру, так были обкатаны морем, рыбацким фольклором, что только мелодия в них оставалась.

Пьём за тех, кто краба на фуражке
Носит гордо и не для красоты,
Кто бросает деньги, как бумажки,
Сам стирает майки и трусы

На огонёк, на песни со всех щелей повыползали к трюму снулые бичи. И я наблюдал ряд чудесных превращений – светлели лица, яснили глаза. Трюмик на сейнере тоже ведь мини, как по Сеньке шапка, но вот на крышке его уселось уже семь или восемь. И вдруг вскакивают сразу двое, тесно было обсевших меня. И – наперебой:

– Садись, Макарыч... Макарыч, садись.

Тщедушный мужичонка в мятом пиджаке, таких же брюках, с лицом, одутловатым до воска, прямо как у Ленина в мавзолее, к тому же хромой, с трудом проковылял три шага и как-то боком, хотя места хватало, приткнулся рядом. Я вспомнил, как в первый день матрос в заляпанной краской робе просил у кока двойную порцию – «для Макарыча», и как Негоро отбрил его, но харчей все же выделил. Песни продолжались, пока Антон вконец не измохратил свои пальцы. Тогда пошли в ход рыбацкие байки.

– Эх, скорей бы в море! – Вздохнул Трояк.

– Ага, – поддержал Земеля, – в море и обратно, получить «бабки» кучкой и – в гастронорм.

– Это ещё ничего, ничего ещё, – заворковал старпом, взглянув сначала на Трояка, потом на меня. – Мы вот на «Авангарде», помню, отходили, вот это да было. Сначала портнадзор не выпускал: нетути у вас надкоечных расписаний по тревогам. Повесили, значит, расписания, а он на следующий день «барашки» расхаживать заставил. А пароход-то, вы ж знаете, знаете «Авангард», старьё, песок рыжий сыпется, его ж через год на гвозди списали. Ну, ладно, ладно, «барашки» кое-как расхаживали, так он на третий день давай нам тревоги учебные играть. Тут вообще – туши свет: пластыри погнили, спасательная шлюпка прямо у борта чуть не затонула – как решето, аварийный дизель никак, ну никак не запускается, ему ж тоже сто лет в обед. Трое суток механики из него не вылазили, сделали. Надзиратель пришёл, послушал чих-пых, махнул рукой механцам – молодцы, мол, молодцы, я ему подсовываю отходные документы, он берёт уже ручку – «добро» на отход, значит, подписывать, а сам смотрит куда-то в сторону, смотрит так, смотрит. Да вдруг палец и тычет в спасательный круг на крыле мостика: «А ну киньте-ка его в воду». Кинули, а он – камнем на дно. Трояк громко хихикнул.

– А чего, чего тут удивляться, – это старпом Трояку, – его ж двадцать лет, сколь ты на свете живёшь, вот столько ж свинцовым суриком красили.

Свинцовым! Это, прикинь, прикинь, сколь же плюмба на него накатали, а?..

Кто-то рассказал про длинный отход ещё историйку, в которой опять же были повинны никто иной как механцы, «маслопупы долбаные», у которых вечно чего-то в цилиндре или под цилиндром не хватает, ага...

– А вот мы раз отходили, – прямо на лету подхватил эстафету Земеля, – на «Гладышеве» дело было. Так у нас сначала Трояк загулял: пошёл за деньгами, за нашей зарплатой, ну

и – с концами, на третий день только вы тащили из кабака. Ага, облегчённого уже, само собой. Ну, плюнули на деньги, с путины отдаст, погнажи его отход брать. Власти притопали, а на борту радиста нет. Где он, такой-сякой?! А он с земелей с другого парохода (рядом стояли) рванул на родной хутор бабочек ловить. Послал кэп за ним старпома. Ага, козла в огород. Ну и ещё дня три простояли. И совсем уже уходить расхотелось. А тут как раз и погода испортилась. Ага, у «рогатых»² же вечно погода виновата во всём...

– Мой «Судак» в прошлом годе отчаливал – то была коза, – это Негоро подошёл, управившись на камбузе. – Кэп набрал водки – для сдачи рыбы, на базах приёмщиков поливать, чтоб не надували. То ж как: сдал пятьсот центнеров, он тебе триста пятьдесят пишет...

Подо мной брезентуха задымилась. Уж я-то знаю про «любовь» добытчиков к обработчикам. Все, казалось мне, обернулись в мою сторону. Во всяком случае, косяка стали давить. Трала взгляд я на себе точно поймал.

– Ну, наши муфлоны выжрали всё, и одеколон тоже, – продолжал кок, – и – гуськом к кэпу. А он же не железный, он из того же мяса. Одного пожалел, другого, сам маленько на грудь принял. К вечеру – рога в землю. Короче, только через двое суток отчалили – когда дожрали те два ящика, «для сдачи рыбы» которые.

– А я однажды пошёл, за полчаса оформил отход, и мы сразу отошли. – Это Трояк изложил в полной тишине.

– Да врёт, – беспрекословно обронил Негоро.

Трал снова взял гитару и будто отбивную из неё решил сделать, стал рубить стаккато:

Изгвозданный
несчастьями,
Матрос идёт
в кабак —
Как в церковь
за причастием,
Как в бурю
на маяк...
Молотит сердце
молотом,
И час тот неровён.
Швырнув на стойку
золото,
Скрепился он в проём...

– «Нахимовский патруль» называется, – бросил Трал во время проигрыша меж куплетов, явно для меня бросил. И продолжал:

Шагнул за комингс
в улицу,
А мысли – из орбит,
А улица
беснуется,
Позёмкой звенит...
Метель-зима на улице
Лютует и свистит.

---

² Рогатые – так машинная команда (маслопупы) зовёт палубную: дескать, как рогатый скот, носятся во время шватовок.

И чудится матросу:
Штормует в море он,
Взлетают мачты косо,
И – рынды мёртвый звон.
И палуба – откосом,
И к небу рвётся стон.
Налёг матрос всей грудью,
На румбе держит руль...

Здесь Антон словно обрубил струны и забарабанил по гулкой деке. И – вновь грянули струны:

Над ним толпятся люди —
Нахимовский патруль!
Нахимов,
сам Нахимов
Склоняется над ним,
И голосом глухим он
Роняет:
– Извиним!
Он – к морю головою.
Снести-ка на корабль...
Вот так
моряк и воин
Свой утверждал Коран...

Разошлись с палубы, когда белое солнце уже заглотали сизые тучи на западе. Я зашёл в каюту и остолбенел. В каштановых шмотках шарился тот серенький хромой мужичонка.

– Мироныч! – Окликнул я, чтобы привести его в чувство.

– Макарыч, – поправил он меня очень как-то робко, стеснительно, —

Александр Макарыч. А вас, простите, как?.. Мне старпом говорил, что вы с нами – пассажиром...

– В-вы, значит, получается, это... к-капитан?

– Да, – скромно подтвердил он. – Что, непохож?

– Н-ну почему, – замямлил я, – всякое бывает...

Взяв свою сумку с дивана, на котором провёл три ночи, я засобирился. Макарыч попытался меня остановить: у него, дескать, есть, где спать, так что я могу, если хочу, даже – на койку... Койка капитана – Боже мой – алтарь, как можно! Правда, я уже видел в «алтаре» простыни серого, а наволочку темно-серого цвета, но сейчас, наверное, не это меня покорило. Я заприсился в другую каюту.

Через пять минут я уже «прописывался» в каюте Трала. Ради «прописки» Антон сообразил где-то флакушку одеколona «Саша» – для мужчин. После моего отказа разделить с ним эту радость он выпил «Сашу» не морщась и очень серьёзно и трезво стал рассказывать о себе. Когда он мимоходом похвалил за что-то Макарыча, я не выдержал:

– А по-моему, Виктор, с таким капитаном мы не отойдём отсюда никогда!

– Эх, Семёныч! – Выдохнул он.

И до чего ж богаты бывают одни лишь модуляции голоса человеческого – просто поразительно. Не суди да не судим будешь... На Руси ж как, пьян да умён – два угодя в нём...

Внешность обманчива, как врут и все личины, маски... Вот сколько сумел вложить Антон в один вздох.

Он взял гитару с койки и начал наигрывать без слов мелодию романса, но тут же оборвал себя, отложил гитару. И, взгромоздив мощные руки на стол и уставясь в пространство, поведал о том, как зимой семьдесят первого в Бристольском заливе, что под Аляской (традиционный район промысла в 60—70-х годах), тонул. Он и тогда был тралмастером. Макнули трал, судно пошло на циркуляцию, Виктор встал, как обычно, на планширь и начал отдавать стопор траловой доски. А планширь-то, захлёстываемый волнами, обледенел. Виктор оскользнулся и – за борт. Тут нужно было немедленно рубить ваера, буксирные тросы трала, и возвращаться за человеком. А капитан продолжал циркуляцию. Тогда Виктор сбросил тянувшие книзу сапоги и на спине поплыл, глядя вслед уходящему родному пароходу. «Вот хрен вам, всё одно не помру!» – думал в сердцах, нахлебавшись ледяной солёной купели. Траулер, идущий следом, подобрал его, кинув выброску. Он поймал «грушу»³ и вцепился в неё мёртвой хваткой. И потерял сознание.

Очнулся на плавбазе, в тёплой ванне, и с недоумением увидел в руках своих эту «грушу» с обрезанным концом. Из подмышек термометры торчали. Они показывали 32°. Айболит плавбазовский удивлялся: с такой температурой – и выжил! Стало колотить. Дали стакан спирту. Заснул и проснулся совсем здоровым, вот так-то. Двадцать одну минуту плавал у кромки льдов...

– Сейчас, когда вижу, как отдают стопор с планширя, – Виктор глаза замуривает, – ору: слазь, твою мать! Слазь! Не могу смотреть.

Да, вот так бывает. А капитаном, как бы между прочим сообщил Антон, на том, втором траулере был Макарыч...

И наступил день пятый, тяжёлый, ибо – понедельник. Ровно в семь на «Дубовцах» был сыгран подъём. Сыграла его жена капитана. На этот раз она застала Макарыча в его родной каюте и выдала от всей души, полнонаборно:

– Ах ты гад такой, лежишь? Залил бесстыжие зенки и бока пролёживаешь? Да на кой чёрт и кому такой муж нужен! На кой нужен такой капитан! Алкаш проклятуций! Сейчас, сейчас я тебе устрою. Брошу к свиньям свою работу, пойду в твою контору и скажу, чтобы гнали тебя из капитанов поганой метлой!..

Ну и дальше теми же и другими нехорошими словами она поливала мужа примерно с четверть часа. Он пытался увещевать её, оправдывался болезнью: вот, видишь, мол, ходить не могу, потому и лежу. Пробовал закрывать дверь. Она её тут же распахивала и продолжала лаяться, распаяясь пуще прежнего. В конце концов всё же ушла, гневно процокав каблучками по трапу.

Испив чаю, Макарыч с трудом доковылял до каюты и закрылся.

– Что у него с ногами? – Полнобопытствовал я у длинного матроса в засуриченной робе, в чьём кубрике, как я понял, прятался от жены капитан.

– Да пожёг о батареею, – жалостливо объяснил матрос. – Уснул на диване, а ноги – на батареею, вот пятки и подгорели.

И таким он это добрым тоном сказал, словно вымолвил о любимом командире философское: ничто человеческое ему не чуждо.

Однако пятые сутки на борту «Дубовцов» сделали меня раздражительным. Судовые дизеля молчали, электропитание подавалось с берега, пароход казался мёртвым, нежилым. Я припомнил, как молился богам, пролетая над морем, чтоб они задержали отходящий пароход, и понял, что трагически переборщил в молитве. И вот меня стала раздражать тишина, шорох воды за обшивкой и мышинное шуршание за переборкой, в соседнем кубрике, запахи

³ «Груша» – деревяшка в форме груши в верёвочной оплётке, утяжеляющая выброску.

сайрового супа и прокисшего риса с камбуза, опухшие рожи, в молчанье поглощавшие тот суп, сикось-накось причавкивая челюстями, изукрашенными фонарной продукцией всех цветов побежалости. На плавбазе во время ремонта можно увидеть рожи не лучше. Но перед выходом в рейс я от таких обычно избавлялся. И сейчас прикинул мысленно, кого бы мог изо всей этой гвардии взять в свою команду. Только одного Антона! И только за его великую преданность человеку, с которым море связало его смертными узами. Ну и, само собой, мне, как работодателю, как работоторговцу, если хотите, импонировали его физические данные: могучие руки, звериная выносливость. Ну а все остальные бичи...

Я обрадовался, когда прямо в обед на борт пожаловала комиссия из конторы: чин из парткома и два представителя других служб.

Как посторонний, я убрался с импровизированного собрания на палубу. Но дверь кают-компании они не закрыли, и самый большой гудёж, возникший, когда был поднят вопрос о замене капитана, до меня долетел.

– Списывайте тогда и меня! – Я узнал голос Антона.

– С другим капитаном я тоже, да, я тоже не пойду, – это старпом-тихоня заявил.

– Стоп-стоп-стоп! – Чин перекрыл гудёж. – Где мы вам сразу найдём нового капитана, нового старпома да ещё и нового тралмастера?

– И я не пойду! – Земеля, кажется, выкрикнул.

– Можете и меня списывать!

– И меня!

– Другой капитан нам не нужен!..

Господи, неужели? Сдаётся, это был суровый баритон Негоро. Во дела! А куда же тогда отнести его давнюю элоквенцию насчёт Макарыча – Лаврентий Палыча?..

Комиссия ретировалась. Где-то на соседних судах изыскали спермацет и смазали капитану пятки. На борту «Дубовцов» целый день никто не пил и не пел. На палубе стучали молотки, из машины тоже неслись стуки-грюки, траловая бригада на кормовой площадке, орудуя иглицами, ремонтировала сетное полотно. Маясь от безделья, я перебрал вещи в сумке и обнаружил закаченный червонец. Как белый человек, сходил в город по морскому варианту культурной программы и вечером выставил на стол бутылку коньяку.

– Ты, Семёныч, на нас сейчас не смотри, – сказал Антон, когда мы допивали коньяк. – Приходи к нам летом, когда мы будем на сайре. Вот там мы пашем! Там даже кок выходит на палубу помогать, даже Земеля. Это после ночной вахты в машине!.. Макарыч умеет такие отыскивать поля, такие уловы брать, какие другому капитану не снилось!

– Ты знаешь, Витя, – расчувствовавшись, я приобнял Антона за круглые плечи, твёрдые, что кнехты, – сначала я хотел взять в свою команду только тебя. Ага, тебя одного хотел бы взять. А потом посмотрел, нет, послушал, как вы там, на собрании, нет, молодцы... Ага, молодцы ребята! За меня бы так на базе моей не заступились, не-е-т... Короче, я бы вас всех, да, всех бы вас – к себе... Ты меня прости, Витя, за эту, за мою элоквенцию.

– Ча-аво? – Скорчил смешную рожу Антон.

– Ну, за болтовню, значит, ага.

На базе-то давно привыкли к моей страстишке шибко умными словами изредка баловаться, ну а тут-то ещё нет. Пока...

Наутро «Дубовцы», робко гуднув, словно боясь разбудить кого не надо, отошли от причала. Сквозь морось и серость рассветную маячили на нём две женские фигурки – подружки Трояка и... кого б вы думали? Да, верно, это была именно она, гроза-тайфун, жена Макарыча, нашего капитана. Такой вот индетерминизм...

Чтоб не мешать заступающим на вахту, я пришёл чаёвничать попозже. Негоро опять ворчал, что нету кружек, одна всего осталась. Я вспомнил, что у нас, у Трала в каюте, есть кружка. Коньяк мы пили из складных пластмассовых рюмашек, купленных мной на Кури-

лах, а кружка стояла у него на полке. Сбегал в каюту, принёс и торжественно, как корону Российской империи, двумя руками вручил коку. Негоро взял кружку, поднёс к лицу, и вдруг рука его сделала странную такую отмашку в сторону, точно выплёскивая что-то из кружки за борт. Но я же знал абсолютно точно, что кружка пуста и суха, я ведь нёс её только что... А!.. Кружка летела в море! Я чуть не прыгнул за ней. Она нечаянно, конечно, вырвалась из руки Негоро... Но тогда почему он не прыгает? Он даже не дёрнулся...

– Что? Что такое? З-зачем?!

– Бесплезно, – успокоил меня кок.

Бесплезно прыгать за ней? Ну да, на ходу же...

– Что бесплезно?

– После одеколона бесплезно...

И булькнула кружка в Татарский пролив, и пошла на дно, и теперь сам Нептун пьёт из неё за тех, кто в море, а значит, и за славный экипаж сейнера «Дубовцы», за этих, чёрт их подери, бодигардов-трубадууров, прощаться с которыми мне, честное слово, было до слёз жаль.

Бэсамэ мучо

Давно это было, в начале шестидесятых. Я тогда ещё самым маленьким, четвёртым механиком работал на древнем пароходе «Поволжье». Вторую неделю стояли мы под разгрузкой-погрузкой в солнечной Италии. Валюта у всех кончилась, и недоступная красавица Генуя теперь только раздражала. Опереточный домик Колумба, мраморное кладбище Кампо-Санто – ну, короче, все посильные достопримечательности были уже осмотрены и ощупаны, как водится, по-русски. Из классического ассортимента *кино, вино и домино* нам оставалось последнее. Первый помощник капитана, страж матросской нравственности, разнообразил наш досуг политинформациями и беседами о бдительности. Он крепко смахивал на героя тогдашней детективной серии анекдотов майора Пронина. «Из глубины унитаза на шпиона глядели пронизательные и как всегда чуточку грустные глаза майора Пронина...» Мы так его и прозвали в благодарность за те беседы о провокаторах, которые кишмя кишат вокруг нас. До флота Пронин трудился по торговой части – рефмехаником Росмясорыбторга, и мы изошрялись в остроумии: все шпионы, дескать, до поры зрели в холодильниках.

Домино... Говорят, после перетягивания каната это вторая по интеллектуальности игра. Поначалу я её терпеть не мог. Заслышу на спардеке монотонный стук костяшек (а над ним то и дело взвизывает: «Козлы-ы!» – играли сразу три-четыре компании), да так и вижу бегущее по паркету стадо коз и взбрыкивающих в восторге черных козлят с серьёзными мордами. Я забивался с книжкой в какой-нибудь дальний угол палубы (в каютах донимала жара) и затыкал пальцами уши: меня преследовал цокот стада по паркету... Потом играл и даже увлекался...

Ну и вот, валяюсь я как-то на корме, в тени лебёдки, чумной от жары, скучищи и детективного чтива – другого у нас не было: судовую библиотеку самолично подбирал Пронин. Лежу, зеваю, на вахту мне не скоро. Над бухтой сонные чайки парят. На причалах, тоже полусонные, бесшумно вращаются чудные итальянские краны, коренастые, смахивающие на осадные башни. Недалеко от нас огромным альбатросом красиво сидит на воде «Леонардо да Винчи», трансатлантический лайнер, который бегаёт по линии Генуя – Нью-Йорк. Туристы в шортах, в сомбреро и с кинокамерами прохаживаются на променад-деке, прощаются с Генуей, поглядывают на наш пароход.

Ну, как Атлантика? Штормило на пути сюда?.. Сколько, восемь баллов? Ну, для «Леонардо» мелочи... Жара в Италии? Да, май. А в Штатах, как и в России, наверное, ни холодно, ни жарко?.. Да, чаще встречаться было бы неплохо... Яхта своя у вас? Прекрасно, приходите в гости... Что, война? Упаси Боже! Ах, Красная площадь, парад милитэр?.. Ну, это мы крепим оборонную мощь. Вы тоже?.. Да-да, как в сказке про щенка и котёнка, кто кого испугался. Точно... У вас, говорите, двое, мальчик и девочка? Понял. Нет, я холост... Сто долларов в неделю? Неплохо. Я сколько зарабатываю?.. О, уже убирают трап! Бегу. О'кэй! Счастливого плавания! Хэппи сэйлинг! Мир! Дружба!..

Увы, вместо такой, к примеру, милой беседы, хочешь – не хочешь, иди слушай очередную лекцию Пронина о бдительности.

«Кабо сан Висенте» – так назывался теплоход, пришвартовавшийся рядом с нашим «Поволжьем», корма к корме. Я рассматривал сникший в безветрии испанский канареечный флаг с замысловатым гербом, вспоминал светловскую «Гренаду». И вдруг услышал с пирса азартные крики и удары по мячу. Поднялся на спардек и увидел смуглых парней в одних трусах. Они в бешеном темпе неслись с мячом между штабелями грузов, перехватывали друг у друга, вели мяч головой, грудью, ногами, как олимпийцы на первой весенней тренировке. По трапу «испанца» сбегало еще несколько человек в спортивных трусах.

Наши «козлятники» как один стояли у борта, и в их глазах начинали вспыхивать живые огоньки, впервые за неделю. Кочегары, матросы и даже боцман со старпомом чесали нестриженные с России затылки и глядели на испанцев, наверное, как зэки на женщин. Впрочем, я – тоже.

Через пять минут наши брюки и рубашки уже валялись на траве, пробившейся сквозь пыль и гравий. У самого торца пирса, где кончаются подъездные пути, всегда обычно есть свободное место и там растёт хилая трава, зажатая с трёх сторон солёными шквалами, а с четвёртой – пылью и грохотом. Там вот и довелось мне стать участником матча, в те поры единственного, может быть, в своём роде в истории футбола.

Жара под тридцать. С нас – ручьями, а испанцам хоть бы хны. Если б не Горилла на воротах, продули б, наверное, с баскетбольным счётом. Был у нас здоровенный кочегарище – росту-то среднего, но и в плечах почти такой же ширины. Чёрный угрюмый парень годов двадцати семи. Звали его Гаврила, Гаврюха, но за глаза именовали Гориллой. Обычно медлительный, как лев в клетке, он преображался в деле непостижимо. Я видел его в кочегарке, на вахте. Вот если вообразить себе дьявола в аду, когда у него квартальный план по смоле «горит», вот только так, пожалуй, можно себе Гаврюху представить.

Короче, он за матч верную дюжину голов отвел. Испанцы его потом схватили – народ темпераментный – и ну качать. А Гаврюха наш зарделся девкой, стоит и лепечет... Впрочем, по порядку.

Соорудили мы, значит, ворота – по два тюка каучука из штабеля уволокли и, по жадности великой, рванулись в бой, даже не взглянув на часы. Когда забили друг дружке по голу, тогда только остановились, выбрали судью и засекали время. Всё чин-чинарём пошло. Испанцы с ходу – в бешеную атаку, мы – в глухую защиту, четыре-два-четыре, как учили. Пробыли они раза два, но Гаврюха спас ворота. Тогда они резко изменили тактику, – пустили нас на свою половину. И мы беспрепятственно прошли, как бывает вот – брусок масла перед тобой, ты думаешь, он твёрдый, раз его ножом, а нож провалился. В общем-то, понятно, испанцы нас куснули – не по зубам, давай, значит, вы теперь кусайте. Ну, мы – лавиной попёрли (застоялись, как кони), и вот уже ворота Испании. Собранность была – на пределе. Они перекрикиваются, а ты, хоть и с мячом, напряжённейший момент, но все видишь, слышишь и даже вроде понимаешь их «аллегро-мучо-доминанто». Спиной, кожей, каждой жилкой чувствуешь противника.

И наши все так играли. Я видел – глаза сверкают, рты перекошены, хекают, орут на бегу, хрипят в свалке. Иных прям не узнаешь!..

Первый гол забили мы. С моей подачи. Я с правого угла бил, а Рея, матрос один, длинный (за что Реей и прозвали), головой точно в «девятку» всадил. Вратарь-испанец тигром взметнулся, но поздно: только промаячил на фоне улетающего мяча. Взревел, бухнул себя кулаками в грудь, завертелся на месте, будто собственный хвост ловил. Артист. Мы загляделись на него, а он резко так хват мяч (мы думали, он его грызть начнёт или целиком проглотит) да как зафинтилил – чуть не к самым нашим воротам. А там никого – два испанца и Гаврюха. Они шарахнули с лету, он отбил. Тогда они подвели к самым воротам, он бросился под ноги, но тут уж просто – короткая перепасовка и – гол. Мы и добежать не успели. Один – один.

Вот когда мы жару почувствовали! И поняли: она – их союзник, наш враг. Мы прилично уже захекались и смахивали на загнанное племя краснокожих, вернее краснорожих. Рея ещё и в красной майке был, так это вообще умора, я вам скажу. Горилла заковылял к штабелям каучука за мячом. Смешно он бегал, по-медвежьки, но никто не смеялся, все активно дышали и присматривались каждый к своему опекуну-испанцу. «Оттянитесь, вашу мать!» – рявкнул Гаврюха, подгрребая в ворота с мячом. И мы, точно, увидели, что сбились стадом на своей

половине. И знаете, это наше «Ребята, не Москва ль за нами!» взыграло. И ещё – чувство вины перед своим вратарём.

Ну, опять собрались, сжались пружинами и – вперёд, в сторону моря. Наши-то ворота в глубине пирса были, их – у торца, у маячка. «Тигру мяч не давать!» – крикнул кто-то из наших. Но попробуй ему не дай. Метров с десяти, в упор, считай, долбанули, а он, как кот мыша, сгреб мячик одной лапой и опять рычит по-тигриному. Ну, тут уж мы разевать не стали, мигом оттянулись, каждый своего прикрыл, защитнички – Гаврюху. Тигр «свечу» врезал, да у нас защита теперь с головой была: взял на кумпол один, и мяч в центре очутился. Испанцы пошустрей нас оказались, рывок прямо спринтерский сделали. Мы оглянуться не успели – уже лупят по воротам. Но в спешке били, на-ура, и Гаврюха подмял шарик под себя. С медвежьей грацией, но все равно ловко это у него выходило. Медведи, знаете, какие вообще ловкачи! Тёпами это они прикидываются, а сунь им палец в рот...

Закончился первый тайм. Счёт два-два. Команда «Поволжья», получив новые ворота, веером упала в куцую тень маячного фундамента и дышала, как один мощный кузнечный мех. Команда «Кабо сан Висенте», напротив, резвилась с мячом, и Рея, приподнявшись на локте, заметил:

– Ребята, да они, похоже, греются! Замёрзли, с нами прохладяясь.

Добрую половину тайм-аута проплясали испанцы, пока мы дышалки свои налаживали. Тигр подошёл к нам и, улыбаясь во все тридцать два, похлопал по квадратному плечу Гаврюху. «Ты тожеть молодчага», приветливо прорычал наш Горилла и в долгу не остался – завёз эдак дружески своей «граблей» Тигру по спине и усадил рядом – мол, погударим про жизнь нашу моряцкую. Тут и остальные испанцы подгребли. Наладилось, как водится, толковище на пальцах да на обычном морском эсперанто – два слова английских, потом три нижегородских, ну и для связки что-нибудь из музыки или медицины вроде форте-модерато-спирито-микстура. Да много ли надо, чтоб узнать, куда и откуда держит путь моряк, как долго в море болтается да сколько у него дома «короедов». Кто-то из наших спросил: а на Кубу, мол, к «родственникам», так сказать, не заходите? А ведь это Франко у них ещё правил, ну я и подумал: вот лягнули мочалкой по больному. Но нет, ничего, они даже развеселились: О, но, но! Куба – территорий либре, Эспанол – территорию но либре». То есть – Куба свободна, Испания нет, ну и значит, Франко не пускает на Кубу. Тигр смеётся: «Фидель Кастро Рус!» И повторяет с напором: «Рус! Кубано комунисто – русо комунисто. О-о-о!» И ржёт по-цыгански.

Судья-испанец нам кричит: время вышло, игру, мол, пора начинать. А Тигр ему: Санчо-Панчо, погоди, дай договорить, интересно! Но тут один за другим наши стали подниматься, разминать ноги. И пошло опять дело.

Жара, я вам скажу, была... Помню, во втором тайме мне все время казалось, что она растёт, как на градуснике, опущенном в закипающий чайник. Счёт изменился на первой же минуте, и не в нашу пользу. После перекура мы еле ноги переставляли. Как будто кто надел нам водолазные ботинки со свинцом. Но первая «штука» нас разбудила. Взяли мяч, молодецки, чуть не с гиканьем, повели, довели к воротам, обманули Тигра (точь-в-точь, как они Гаврюху в первом тайме), и – порядок, сравняли счёт...

Что удивительно, испанцы радовались, похоже, одинаково – своим и нашим успехам. Гол – ура! Главное, что гол, что шарик летает, а куда влетает, это уже не так важно. Нет, мы не умеем так игре отдаваться. Для нас всё серьёзно – футбол, война, любовь, водка. А для них, наоборот, все – игра. Счастливая натура...

Ну, что ж, у них – субтропики, вечный Ташкент. А у нас три месяца пляж, потом осень. Она-то и научила нас думать о зиме, о будущем. А они и на войну поначалу идут, как на праздник. Для нас же одно это слово означает горе. Дети, игра... Взрослеть все равно придётся...

Когда счёт стал четыре-четыре, мыло из нас можно было добывать уже без всякого труда – оно само с нас капало. Мяч улетел в далёкий аут, и Рея наш последним стащил с себя майку. Она была уже не красной, а чёрной, вроде он продраил ей всю палубу «Поволжья», макнул в ведро и забыл отжать. Рея в гневе отшвырнул её, она, как швабра, шлёпнулась об землю, а испанцы начали кататься от смеха, тыча пальцами то в Рею, то на его майку. Один усатый, с залысинами в полбашки, до слез ржал. Наш радист показал ему на его плешь, где тоже сверкала изрядная роса: гляди, мол, кореш, ты также из мыла сделан. Усатый росу смахнул и – сухой, плечи только чуть поблёскивают. А мы заливаемся.

Ага, посмеялись мы, значит, друг над дружкой и – опять в бой. Испанцы, видно, почували наконец в солнышке своего союзника и устроили нам гонки. Вот где экзамен был по ГТО! Раза три-четыре прогнали нас к своим воротам и, не отдавая мяча Тигру, на пасовках – к нашим. Трижды били, Гаврюха отбился, а на четвёртый все-таки вкатили «штуку». Гаврюха мячик принёс, но не бьёт, ждёт, когда мы оттянемся, и спрашивает у судьи, сколько мол, осталось. Тот растопырил обе пятерни, показывает – десять. «Восемь минут до конца, братишки, – переводит нам Гаврюха, – наддайте!» Да как фуганёт. Чуть не Тигру в лапы. Я рванул, но чувствую – не успею. Ёкаю, как конь, селезёнкой, во рту уже не кисло даже, а сладко. Вроде как собственную кровь сосёшь. В глотке свистит. Мой обошёл меня и взял мяч. Повёл от ворот. Всё, думаю, если сейчас не отберём – шабаш, продули. Как во сне, без ног лечу над землёй, догоняю и – бух под него. Он через меня перескочил, а я глядь – мячик-то в ногах моих бесчувственных застрял. И откуда силы взялись! Вскочил я и сразу Рею увидел: недалеко, по прямой и – один. Столкнул я ему мяч, а сам чуть не рухнул тут же. И вот плетусь, качаясь, и вижу – бьют наши по воротам. Свалка. Мяч откатился, и к нему двое крайних летят, испанец и наш. Мне далеко да и не бегун уж я. Скорее ветряная мельница: крыльями машу, а ни с места. Вознёс молитву нашему русскому Богу. И услышал Он, видать, меня даже из Генуи. Оба крайних вроде одновременно ударили. Мячик петлями, петлями – и в ворота. Медленно, неверно, но вкатился. Пять-пять!

Сил на «ура» у нас уже не было. Да и матч ещё не кончился, пытка-то наша добровольная.

За пять минут, что оставались, раза два они ещё били по нашему вратарю. Но Гаврила не посрамил уже Россию-мать. И когда судья засвистал, что Соловей-разбойник с дуба, Тигр, первым примчался: «Компаньеро! Амиго! Вива! Вива Габриэль!» И давай они качать нашего Гаврюху.

Потом знакомиться начали. Анхел стал Женей, Хуан Ваней, Санчо, конечно, Санькой. И пошло-поехало. Идём по пирсу, обнявшись, болтаем. Да бойко так, будто всю жизнь только тем и занимались, что вырабатывали всемирный язык дружбы.

У нашего трапа остановились. И тут кто-то из наших же запел «Бэсамэ мучо». Испанцы заулыбались, подхватили песню и как-то незаметно, сплетя руки друг у друга на плечах, образовали тесный круг, сомкнулись с нами и стали раскачиваться в такт песне. Они, правда, поют ее немного не так, как мы, – медленнее, суровее, как балладу. И вот что я понял: полная гармония, чтоб никакого разнобоя, идеальная слаженность в песне возможны только так – руки на плечи...

Мы пригласили парней с «Кабо сан Висенте» вечером в гости, кино посмотреть. Ну, те конечно пришли да принесли с собой аккуратненький бурдючок белого сухого вина. Литров на пять кожанный бурдюк с бамбуковой трубочкой-мундштуком. И пустили его по большому кругу. В знак дружбы, значит.

Фильмы на «Поволжье» крутили прямо на открытом воздухе, на спардеке: летний кинотеатр, так сказать. Пока смотрели киножурнал – о стройках пятилетки, о новостях науки и культуры, – все шло прекрасно: испанцы восторгались размахом строек наших ГЭС и заводов (гигантов, конечно), ребята объясняли им смысл событий на экране. Но вот закончился

журнал, врубили свет, появился на спардеке помполит. У меня чуть не выпал из рук бурдючок. Я его по-быстрому сбегрил соседу-испанцу, а Пронин, гляжу, прямо ко мне пробирается меж рядов. «Что это у них?» – спрашивает на ухо. Бурдюк, говорю, сухое вино, тропическое. Нам-то ведь тоже вино давали, когда тропик пересекаешь. Попробуйте, говорю, винцо в порядке. Он в затылке почесал, в небо этак сосредоточенно поглядел и снова склонился ко мне: «Больше не пейте. Я сейчас возьму его на анализ». Я обалдел, а он пошёл по рядам и каждому из наших шепчет: «Не пейте... не пейте... на анализ». Мать его баба!.. Ну, тут кино, слава Богу, началось, свет вырубили, не видно стало, как наши уши в розы превратились. А он снова тут как тут, стакан припёр, да здоровенный такой, чуть не поллитровый. Взял бурдючок, нацедил полный стакан и отвалил в каюту. «Кто это?» – испанцы спрашивают. Что им ответить? Повар, говорю, кок наш, жрачку нам, показываю на рот, готовит. Толпа, слышу, ржёт потихоньку, а Гаврюха матерится: «Ну и дуб, туды его – растуды, ну и позоруха!» Не обращайтесь, говорю, внимания, кок у нас пьяница-одиночка, алкаш, мы уже привыкли...

Ну вот, все бы оно ничего, но Пронин наутро закатил собрание и давай «зачинщиков» искать – кто, дескать, игру с испанцами затеял, кто франкистов на судно привёл?.. Гаврила возьми тут и брякни на всю кают-компанию: «Да вы и правда – майор Пронин, сто процентов!» Помпа поначалу челюсть отвесил, а потом как возопит: «Вы слышали, товарищ капитан? Вы слышали?!» И преданно, как болонка, капитану в лицо заглядывает. А тот отвернулся и ворчит: «Да слышал, слышал. Гнать надо таких с флота». И в зал смотрит, а мы по глазам его видим, что он это – о Пронине, не о Гаврюхе. Без кочегара пароход и с места не сойдёт. Собрание, короче, закрыли, и шабаш. Ну а по приходу домой Гаврюха все равно списывался с «Поволжья». Так что опять, считай, пять-пять в нашу пользу.

Вот такое, скажу я вам, было у нас Бэсамэ мучо лет эдак тридцать с лишком назад...

1965

Мои года – моё богатство, или Спасибо Шаламову

Мясо дружит с картошкой, картошка – с мясом. Похлебай с мое – тридцать лет – флотские борщи, и ты тоже уверуешь в эту истину так, что никакой ученый тебя не своротит: мол, крахмал с белком – это плохо, нездорово, неграмотно и прочее.

На берегу я открыл эту истину заново. В родном Владивостоке зашел в овощной магазин, а там из подсобки мясом пахнет, вареным и жареным, – вкусно, во рту и в носу лепота.

– Люд, – кричат оттуда женским басом, – иди, готово!

– Щас! – Без румян румяная, гладкая Люда, которой не мешало бы и пост соблюсти (крестик-то на дорической шее вон торчит, цепочки едва хватило), смотрит сквозь меня: уматывай, мол, чё глазеть на гнилушки, все равно же не возьмешь.

Она права: такой картошки надо брать из расчета один к десяти, то есть из десяти кэгэ начистится один. Мне нужно пять, что в переводе на ишачий означает пятьдесят. Но я не Ходжа Насреддин, ишака у меня нет.

Тридцать лет оттрубив в морях механиком, не иметь даже ишака, не говоря уже о «тойоте»? Это дураком надо быть, скажете вы. И я соглашусь. Только чуть подправлю: моряком, сдуру, без памяти влюбленным в свою семью. Да, есть и «тойота» – у сына, и сберкнижка – у жены. А у меня зато есть твердый пенсион. В полста пять не каждый и это имеет.

... У моряка всегда в запасе развод к пенсии. Имейте это ввиду, братья водоплавающие. Тут всё закономерно. Вы же не притерлись, жили-то врозь, вот и упали друг другу в объятия под старость. А двадцати-тридцатилетние привычки запросто не сломаешь. У жены – свои, береговые, у тебя – свои, флотские. К тому же оба с характером. Притом у обоих в характеристиках: «Характеризуется положительно». А плюс с плюсом, известно же, резко отталкиваются. Вот и мы...

Короче, размен, разъезд, гостинка. Успокоился, книгочеем стал. Потом – знакомство в библиотеке, родство душ, свадьба, съезд. Депутатские съезды как раз в большую моду входили, раньше ночами одни футболельщики телик смотрели, а тут всех дальневосточников покорили ночные (для москвичей-то они вечерние) телесъезды. А у нас с Надей вообще кайф – два телевизора съехались. Я, к примеру, московский съезд по первой смотрю, она – краевую сессию по второй. Лад в доме, тишина политучёбная, прямо как в кают-компании. Лепота.

На пятнадцать годов моложе взял, сорокалеточку. С ребенком, само собой. И все бы славно. Надя в своей библиотеке зарплату получает, у меня пенсион такой же («за чертой», как говорится), но вот опять привычки подводят. Нет у моряка привычки копейку жать. В море, на казенных харчах, капает она в карман беззвучно, как масло в подшипник, а на берегу, в отпуске, моряк спешит навестать, тут уж он – реваншист и транжира. Не надо и красных дней в календаре, каждый день отпуска – сам по себе праздник. Нет, не обязательно с водкой, но музыка, цветы и фрукты – даже зимой – это, как говорится, закон.

Развод, разъезд, съезд и свадьба в четыре жернова перемололи все заначки. Пошел продаваться в портофлот, на буксирчик там, на плавкранчик, где сутки через трое вахтят, а мне: погоди, мол, дядя, сильно не спеши, места-то все забиты. Это только с моря так кажется, что в портах тьма «жучков» да баржишек всяких самоходных копошится. Сколько бы ни копошилось, а вашего брата, выброшенного на берег волной после тридцати ли морских годов, после первого ли рейса (это когда молодая жена: «Или я – или море»), все одно больше. А сколь годить-то, спрашиваю. Да пока кто-нибудь не загнетса, отвечают. Ну ясно.

Надин Тошка, славный такой парень тринадцати годков, пришелся мне как раз вместо сына. Ведь сын без меня вырос, я только помогал ему при пересадках: из люльки за парту, оттуда – на студенческую скамью, затем – в кабину «тойоты». Как там Чехов сказал? Каж-

дый человек должен построить дом, вырастить дерево и посадить сына. Или наоборот? Ну, в общем, довести до ума.

Так вот сермяга в том, что коли моряк чего упустил по причине дальних заплывов, то суждено ему все равно наверстать. А Тошка полюбился мне. Смешной такой, конопатый, задумчивый. За столом особенно. Бывало, задумается, полкило колбасы умнет и не заметит. Растет.

Ох, насчет колбасы придется подробнее. В море мы как-то, честно говоря, приборзели малость. От столовой колбасы за завтраком нос воротим, подай нам копченую-полукопченую, сервелат-салями. Да на берегу, проснитесь, братцы, и слов-то таких у народа давно уже нет. Пользуясь случаем и предоставленным мне словом, как говорят невесты и жены, поздравляя мужей — моряков в радиопередаче «Тихий океан», хочу обратиться прямо: товарищи журналисты-международники, уважаемые писатели и все прочие бывшие диссиденты, пожалуйста, Бога ради, перестаньте дразнить соотечественников ваших байками про триста сортов колбасы в магазинах ФРГ или где там еще, в каких австралиях да палестинах, куда вас стали пускать без намордников. Поймите же, что черной зависти у нас и так хватает. Мне-то еще ничего, я и сам повидал не меньше, у меня иммунитет, но окружающих жалко.

Да, я сам в свое время попижонил в фирме, поражая прямо в сердце наивных соотечественниц и понуждая фарцовщиков делать стойку. Но вот приземлился, маленько разглядел изнутри земную нашу расейскую жизнь и кое-что понял.

До слез, до нищеты, до голодной смерти, наконец, довести народ, живущий на тучных полях и пастбищах, покрывающих богатейшие в мире недра, это, конечно, надо суметь, за это, как говорится, спасибо партии родной. Но ведь и мы с вами, братья водоплавающие, тоже хороши! Зачем мы так бездумно дразним родную нищету всякой чужеродной роскошью? Вон они, бедняги, бьются на своем заводе, колотятся посменно, побригадно, а что получают за то? Да нашему работяге чудом природы кажется спецовка японская, не говоря уже о «тойоте». Твоя работа, надо признаться, легче его (оставим тайфуны, цунами и прочие там страсти-мордасти маринистам), а лимузин и тряпки, удобные да красивые, урвал ты, если взглянуть с его точки зрения, дуриком, *на шару*.

Зависть черную – вот что породил ты в душах, обставив в том намного даже журналистов. Смотри сам. Твои дети в школу пошли в сингапурских куртках и штанах, выдувая изо рта мерзкие пузыри японской жвачки. И какому же Макаренко, какому Ушинскому под силу объяснить их одноклассникам, что не в этом счастье, что лучше выделяться культурой, начитанностью, щеголять мастерством. Он будет потом, возможно, и начитанным, и мастеровитым, но – потом. А сейчас ему смерть как хочется пожевать такой жвачки, пощеголять в такой же куртке. В результате из-за жвачки – драчки, а куртку к концу дня благополучно из школьной раздевалки свистнули. И те, кто сделал это, не исключено, что выбрали отныне воровскую долю. Благодаря тебе.

Нет-нет, не только тебе, конечно. У них же и родители есть, которые «в меру сил» тоже... Одному, например, последние десять лет папаша чуть не каждодневно самодельные «бескозырки» дарит (кто не знает, объясню: алюминиевая крышечка, снятая с бутылки, с раздвоенным язычком), у другого мамаша сама возле валютного магазина за чеки водкой торгует, да и не только водкой.

Вот, подхватишь ты, родители! И пальцем ткнешь в их сторону. Но не спеши с ответами, думай. И не злись, пожалуйста, на меня за такие слова...

Сидим с Надюхой на камбузе, ужинаем. Тошка спать уже лег. Радио тихонько попевает. Прислушались, а это Вахтанг Кикабидзе:

Просто встретились два одиночества,

Развели у дороги костер.

Прямо о нас, честное слово. Гляжу, у Нади слеза вроде блеснула. Ну а дальше не о нас, да и «по-грузински» к тому же:

А костер разгораться не хочется,
Вот и весь разговор.

И некому, понимаешь, подсказать было певцу, что по-русски так нельзя.

Неужели действительно некому? Или побоялись? С одним земляком Вахтанга уже было такое. В славном 1945-ом. Написал он статью для «Правды» о Победе (а писал, в отличие от нынешних, сам), и там были слова: *наголову разбиты*. Он ошибся, хотя и считался великим грамотеем. Знаете песню: «Товарищ Сталин, вы большой ученый, в языкознании главный корифей...». Написал раздельно: *на голову*. Правдисты в шоке: что делать? *Сам* ведь написал. *Сам!* Не править же *Самого!* Посовещались и решили печатать как написано. А наутро разослали «цэу» во все редакции и издательства: наречие «на голову» – исключение, пишется раздельно. Подозреваю, что *Сам* в могилу сошел, так и не узнав, что стал автором уникального наречия. У меня есть (в букинистическом случайно купил) «Толковый словарь русского языка» издания 1947 года, там именно так и написано. И в учебниках тех лет – так же. Во дела!

А Вахтанг тем временем уже другое поет:

Я часто время торопил,
Спешил во все дела впрягаться.
Пускай я денег не скопил,
Мои года – мое богатство.
Бог ты мой, опять обо мне...

Помню, в семнадцать казалось: сорок лет – жуткая старость. Года – богатство? Молодым это дико. Они подозревают тут притворство, лицемерие.

Вспоминается анекдот о теории относительности: – Два волоса на голове – это много или мало? – Мало. – А два волоса в супе?.. Все относительно, все сравнительно. Сорокалетка рядом с юношей – мать, а со мною рядом – считай, дочка. Я Надюшу так и зову: Доня. Ну а мои полста пять для молодого вообще *туши свет*, дремучая старость, плесень. Хотя это всего лишь чуточку больше половины человеческого века.

Но это все, как говорится, по идее. На самом же деле век у нас – 60—70. В эпоху свержения идеологии мы признались, наконец, что «самая передовая в мире идеология» сокращает человеку жизнь. Статистику в Союзе прятали лучше, чем золотой запас, но вот отверзлись эти закрома – и резко пошли на убыль оптимисты. Правда о детской смертности, одна-единственная цифирка, сагитировала за выход из партии лучше всех «врагов народа», всех «идеологических диверсантов» вместе взятых. И по средней непродолжительности жизни мы тоже на каком-то призовом месте – после племен, которые обитают в ядовитых болотах, кишасших гадами и крокодилами.

Мои года – мое богатство...

В молодости я был неандертальцем. Даже когда мореходку закончил. Обходился преимущественно одним глаголом «давать», и то по большей части в повелительном наклонении. Хотя бывало и так: ну, ты даешь! Или: ух, я дал вчера!.. И даже подсобное существительное от него родилось: давалка. И мы тоже в те поры, в конце 50-х, базлали (кричали, значит): «Рок давай!». И книжек не читали – некогда. Для эрудиции хватало программной

«Как закалялась сталь». Вообще образ стали пронизывал искусство и литературу, как факир пронзает клинками короб с ассистенткой. Только она выходит потом невредимой, в отличие от культуры.

Мыслительным процедурам молодого неандертальца, особенного его сравнениям, свойственная оглобеляная прямолинейность. Человек состоит из тела, размышлял я и тут же «подводил черту», как учили: всё, кранты, остальное – поповщина, мракобесие. Тело с годами дряхлеет, продолжал я мыслительный процесс, вон, гляди: из него начинают сыпаться волосы, зубы, потом – просто песок. И, уже будучи механиком, проводил такую параллель: новый дизель ведь тоже лучше старого, изношенного, чадающего, пардон, мадам, как тот старпёр.

Параллель сия казалась мне гениальной, а рядом со «старпёром» уморительно смешной. И лишь много позже прочел я где-то, что уровень развития общества определяется его отношением к женщине и старости.

Вот когда впервые я начал задумываться: а почему у наших стариков нет должного авторитета, почему молодежь не уважает их? Ведь

Мои года – мое богатство...

А потому, ответственвал я себе, что года для них – бремя, а не богатство. Потому как душой своей они, считай, не занимались вовсе. И детей воспитывали так же, и внуков, которым и неведомо о том, что уровень развития общества...

Бедные старики! И жили ведь не растительной вроде жизнью, могучими идеями жили, боролись за них, «светлое будущее» строили (пускай в кавычках, но взаправду). А о себе, получается, забыли? Ну не совсем, конечно. О гастрономических радостях старались не забывать, наркомовскую стограммовку блюли свято и зачастую многократно. Но баловать себя еще и духовными запросами почиталось (а многими, увы, почитается и сегодня) непростительным барством, уделом «гнилой интеллигенции». Интересно, кто автор этой *кликухи*, прилипшей к недострелянным интеллигентам российским на столько лет? *Сам* или холуй какой?..

С культурой же поступили совсем просто – культурой было объявлено уменьше «вести себя в обществе», за столом, в частности, чему придавалось значение особое.

Да, мы вольны сейчас зубоскалить над этим, предавать стариков анафеме в речах и песнях, но скажите честно, когда им было думать о душе? Многих ли хватало на заботу о подлинной культуре?

Когда у двигателя заканчивается моторесурс, когда клапана и подшипники выработаны вдрызг, он начинает пыхтеть и задыхаться, вонять горелым маслом. И вы роняете: пора в металлолом, на гвозди. Так же и старики наши: облысев, поседев, обеззубев, нажив артрит и язву, шабаш, говорят, пора на живодерню.

Но вы взгляните на стариков из той самой «гнилой интеллигенции». Видите, за кафедрой стоит седой академик, он говорит о всю жизнь любимых бабочках и личинках, подаривших ему, а через него человечеству, столько интересных открытий, и глаза семидесятилетнего ученого горят, как у влюбленного юноши. Он знает, что физический спад – не катастрофа, а закономерный переход из одного состояния в другое, к жизни духа. В точности как из куколки – бабочка.

Хватит у вас духу назвать его старпёром?..

Каждому – свое? Рожденный ползать летать не может? А как же быть с личинкой-червяком? Вот она замерла, окуклилась, а вот уже оборотилась воздушным созданием, крыльям и прекрасным – глаз не оторвать. Так и душа человеческая...

Мои года – мое богатство...

Захожу, значит, после овощного в гастроном, а продавщица мясо-молочного отдела, такая смугляночка-молдаваночка, перекладывает из мешка в сумку отборный картофан. Нет, в привычном нашем понимании это даже не картошка, а экспонаты для ВДНХ. Вот я и говорю, что картошка дружит с мясом, а мясо с картошкой. Правда, в отделе шаром покати, даже запаха нет никакого, ни мясного, ни молочного.

– Что, – говорю, – вы жилплощадь обменяли?

– Как это?

– Ну, с овощным. Там мясом пахнет, у вас – картошкой.

Смеется смугляночка белозубая, счастливая такая. Вот-вот вспорхнет или хотя бы запоет. Но она не поет, а сумка уже тяжела. Тогда я, уставясь в верхний угол пустопорожнего отдела, напеваю про себя вроде:

Как-то утром, на рассвете,
Заглянул в соседний сад.
Там смуглянка-молдаванка
Собирает картофан...

– Виногра-а-д! – И смуглянка веселыми каштанами своими глядит на меня уже с интересом.

Меня такие взгляды всегда вдохновляли, и я выпаливаю ей про молдаванку, с которой была у меня р-роковая любовь в одна тыща девятьсот... И как пришлось мне, спасаясь от ее отца и братьев, с разбегу прыгнуть в самолет и очутиться на краю земли, то есть тут, во Владивостоке, на Эгершельде.

– А она, между прочим, очень была на вас похожа...

– А я болгарка, – словно извиняется смуглянка, и каштаны ее смотрят на меня жалюще.

Мне и самому уже себя жаль. Я сокрушенно ворчу, что вот, мол, в Молдавии хоть вино и помидоры с брынзой есть, а тут – чем ребенка кормить?

– Курицу хотите? – Неожиданно предлагает смуглянка, зыркнув по сторонам. Но гастроном пуст, как и его витрины. И она достает из-под прилавка упитанную птицу. – Себе отложила...

Супешник Надюша спроворила – люкс. Тошка три дня расправлялся с бройлером. А на четвертый я снова потопал в тот гастроном. Увы, оказалась не болгаркина смена.

Плетусь домой, кляня переломные периоды в отечественной истории, переламывающие, как правило, хребты мужикам и мещанам. Утешаю себя тем, что годы зато на дворе другие, не тридцатые, не пятидесятые, не лагерные. Вон у Шаламова в рассказах жуть какая – читаешь, мураши по спине бегают...

И чтоб уж совсем приободриться, для душевного, так сказать, комфорта, я говорю себе: пенсион – это вещь! Многие, знаю, ругают его: дескать, и с работы тебя «ушли», и дома запилили. А я в восторге. Свобода. Читай – не хочу! Да какое чтиво-то пошло – пальчики оближешь. Почти на полный пенсион одних журналов выписал!

Да, досталось нашим отцам... Это я опять о «Колымских рассказах». Полон Шаламовым. Вот бы зэкам-доходягам, думаю, глядя на вывеску булочной, хоть на неделю, хоть на денек такую булочную в зону! И мы еще ворчим...

Захожу в булочную, зэковскими глазами жадно разглядываю полки, полные булочек и кексов. В углу, где что-то вроде микрокафетерия, на прилавке вообще чудеса – бутерброды с колбасой, разноцветные соки в стаканах. Две холеные, нарумяненные (похоже, помадой) девицы, зевая, охраняют эти сокровища.

И вдруг меня осеняет. Эки, умевшие «тиснуть ро ман», как пишет Шаламов, получали дополнительную – спасительную! – пайку от паханов. А ну-ка...

Помню, «травил» я взახлеб про гамбургеры в австралийских кафе, про гонконгскую косметику в нефритовых шкатулках, про блондинку, без памяти любившую меня за ту косметику...

Короче, минут через пятнадцать я вышел из булочной, прижимая к груди килограммовый колбасный гонорар за «роман».

Спасибо Шаламову! Ай спасибо! Вот действительно *учитель жизни*, как кто-то назвал писателей. Вывел меня на истинный курс, как говорят морские наши враги-братья штурманцы.

1992

Юбилейщики (Взаправдашняя история из жизни «Дальрыбы»)

Ю. К. и С. У.

У нас в Приморье «лето красное» совсем не красное, а белое – в туманах. Но это на побережье, а отъедешь от моря совсем немного – и обалдеешь от зеленой красоты, простертой в голубое небо: лилейных линий сопок, покрытых тайгой, их бархатных гребней и склонов, сходящих длинноногими кедрами и соснами к дороге, прорубленной в скальном теле сопки, десятикратно превосходящей самую великую из египетских пирамид.

Два «крузака» летят-пылят по «трассе краевого значения», которая – то асфальт, то грунтовка. На последней передний, в котором начальство, накрывает нас непроглядным облаком, и наш водитель сбрасывает газ. «Крузак», если кто не знает, это японский, тойотовский джип Land Cruiser (в переводе – земной крейсер), появились они в Приморье лет десять назад, сразу и вполне заслуженно стали супер-престижными и быстро, как крылатый лимузин Фантомаса, разлетелись по всему бывшему Эсэсэсэру. И все эти десять лет главные джиповладельцы, так называемые «братки», упорно именуют их *лэндкраузерами*, не желая ни в жисть, как поет Макаревич, «прогибаться под изменчивый мир», прогнувшийся под англоязычество.

Летим-пылим мы из административной столицы края в рыбацкую его столицу – поселок Преображение. База тралового флота, на бессмертном языке канцелярите «поселкообразующее предприятие», празднует серьезный юбилей – 70-летие. Одряхлевшее, обанкротившееся государство, выпустив из своих осьминожьих лап всё, что можно и нельзя было выпускать, позволило ограбить и обанкротить это самое всё. Приморье, сидя у моря, осталось в результате этой премудрой, а-ля Гайдар-Березовский, политики без флота и без рыбы. В России вообще считанные рыбацкие «конторы» остались на плаву, пройдя через рифы и мели акционирования-приватизации-«прихватизации». База тралового флота – как раз из считанных. Во Владивостоке, где на центральной площади торчит «зуб мудрости» (так прозвали приморцы свой «белый дом»), давно разграблены и пароходство, и рыболодфлот, и даже, казалось бы, мелочевка – портофлот, то есть буксиры, паромы, катера. Преображенская БТФ выжила и, больше того, процветает. Она уж тоже было загибалась, но вдруг, как в сказке, явился принц и спас «контору» от банкротства.

В эпоху перемен, жить в кою не советовал никому мудрый Конфуций, всё переменялось, в том числе и принцы. «Голубых кровей» как не бывало. Принцы, сплошь и явно краснокровные, пришли с рингов, ковров и помостов. С провозглашением *perestroik*'и в авангарде полета к капитализму оказались именно спортсмены (не говоря, конечно, о чиновной номенклатуре, отмывающей партийную кассу, но тоже очень уважающей спорт): боксеры, борцы и – само собой – всякие каратисты-рэкетисты. Монополию на стратегическую водку, которую государство также упустило, они подхватили прямо на лету, не дав ей долететь до земли. Всякую торговлю вообще и *adidas*'ами в частности – тоже. Преображенем БТФ, сняв перчатки и сколотив на водке первичный капитал, занялся мастер спорта по боксу с былинной русской фамилией Кожемяка. Хвала ему и честь! Он не дал рыбакам спиться от безделья, а поселку погибнуть...

Вот об этом мы и толковали, сидя во втором джипе, пылящем на юбилей. В первом ехали главные юбилейщики – начальство рыбного отдела из «белого дома», а во втором – мы, маринисты, то есть два художника и поэт, ну и не вместившийся в первый джип рыбацкий начальник из «Дальрыбы», некогда Всесоюзного рыбопромышленного объединения –

ВРПО, а ныне вроде бы заурядной, мелкой «конторы», то ли ОАО, то ли вообще ООО, но респекту до конца не утратившей.

Когда, выехав на грунтовку, передний джип начал кормить нас пылью, а наш водитель сбросил газ, чтоб поотстать, мотор и шины уgomонились, в машине стало тихо, и дальрыбак, до сей поры высокомерно, как думалось нам, молчавший, неожиданно улыбнулся компанейски и поведал историю прошлой своей поездки в Преображение, тоже юбилейной – на 50-летие БТФ.

Тогда, двадцать годов назад, они вот так же, на двух машинах, только не японских, а родных «волгах», черных, разумеется, пылили в поселок вручать руководству БТФ орден Трудового Красного Знамени. Событию такого ранга, «по протоколу», предшествовало создание юбилейной комиссии (если б юбилеилась сама «Дальрыба», то был бы комитет). Члены комиссии получили, само собой, командировочные, суточные, колесные, традиционно поздравили и обмыли председателя, взяли с собой в дорогу того-сего всякого, пивка там и прочего, ну и попылили. Причем грунтовка двадцать лет назад была много длинней, и задняя «волга» уже на полпути притормозила, чтоб не глотать пыль из-под колес председательской машины. Тащиться на 30 км/час скучно, и кто-то из членов комиссии, зевнув во весь рот, сказал в наступившей относительной тишине: «Дайте хоть посмотреть на тот орден».

Все четыре члена, сидевшие в задней «волге», по очереди перерыли свои сумки-папки, однако ордена не нашли. Пришпорив железного пылесосного своего коня, наевшись пыли, догнали форварда и истошными сигналами остановили его. Председатель юбилейной комиссии с гранатой в руке (такой увиделась членам недопитая бутылка «жигулевского») приказал всем, включая водителей, «еще раз проверить свои гнидники». Потом – еще и еще раз. Увы...

Стали по очереди робко, но все же вслух вспоминать сборы и отъезд. Ну и самый, как оно бывает, дохлый и оттого почти не пьющий член вспомнил, что орден вроде бы остался в сейфе, в отделе промысловства, которым командовал как раз председатель комиссии. Председатель, еще немного погромыхав для порядка, выдал ключ от сейфа и откомандировал полкоманды «взад» за орденом. От природы немногословный («Да, были люди в наше время!»), он напутствовал отъезжающих одним-единственным словом: «Мухой!!!»

Дом культуры поселка набит был, как говорят одесситы, «битками». И чтоб народ не истомился ждать прилета «мухи» еще четыре часа, председатель юбилейной комиссии мудро распорядился поменять местами пункты повестки дня – торжественную часть перенести на после концерта художественной самодеятельности с буфетом. Народ остался доволен во-о-т так! И когда прибыл орден и председатель лично приколол его на знамя БТФ, грохнули отрепетированно бурные и разогрето продолжительные аплодисменты, абсолютно произвольно переходящие в овации...

Вот говорят старики-ветераны: мельчает народ. Всё нынче не то, не тот размах, ворчат они. Ан нет же! Преображение за двадцать лет преобразилось как раз в другую сторону. И флота прибавилось, и новостройки появились, и – самое главное – юбилей забабахали так, что китайские императоры в своих гробницах заворочались: пиротехники ослепили ночное небо поселка таким крутым фейерверком, такими огненными цветами и фонтанами, что местным пацанам хватит теперь воспоминаний до 80-летия БТФ. А дом культуры чуть не до утра звенел стаканами и песнями не доморощенных, а самых настоящих столичных соловьев – Надежды Дедкиной, Льва Минтаенко и других. Были, как выяснилось почему-то позже, аж наутро, даже с «черного континента» гости – негры и негритянки. Проездом из Италии в Италию заглянул в Преображение и местный оперный кумир Эдуард Степанов. Кажется, поклонники искупали его в шампанском. По другой версии, в шампанском пытались отмывать гостей из рыбодобывающей Африки. В общем, как вы сами понимаете, было

весело, не хуже, чем двадцать лет назад. Хотя и без орденов обошлось. Впрочем, не совсем... Зато одних буклетов и разнопрочих яркокрасочных юбилейных изданий было выпущено на сто тысяч долларов! Знай наших!

Юбилей в переводе с древне-еврейского – бараний рог. Ох, знали древние евреи, как нас сгибают юбилеи... Но ведь и мы не лыком шиты: не посрамили флот пииты... Мы наеба... то есть науби-ле-и-лись вот так, от души! Недаром говорится: всё пропьем, но флот не опозорим. Наутро наш поэт, одеваясь, обнаружил, во-первых, у себя на груди орден Трудового Красного Знамени (мы не поленились, сходили и проверили: нет, нам не двоилось, на старом, красном еще, знамени БТФ он отсутствовал), а во-вторых, разразился поэт двустихием, которое, думается, войдет в хрестоматии. Вот оно, бессмертное:

А вы не просыпались после пьянки
В объятиях столетней негритянки?..

Дружно свидетельствуем под присягой: всё было именно так!

2001

Пирожки с икрой

Жила-была некогда на берегу Тихого океана, как говорят рыбаки, *контора* под нежным названием ТИХОРЫБА, главк, командовавший всеми океанскими промыслами на Дальнем Востоке. Начальником в Тихорыбе был Григорий Александрович Москаль. Фамилия, прямо сказать, подарок хохлам, которых в Приморье в иные годы насчитывалось до восьмидесяти процентов. Имя-отчество, между прочим, тоже не подкачало, угодив прямо в десятку. Но об этом – ниже.

Дальневосточным рыбакам, особенно капитанам, лучше других знающим, откуда рыба гниет, очень не нравилась Тихорыба. Да и кому ж из тех, кто с сошкой, понравятся семеро с ложкой, если это, конечно, не родные чада, а чиновники? На рыбачьей шее, заветренной до черноты и – украинское словечко – порепанной, как монгольский такыр, восседали чины аж в четыре ряда: в министерстве – «сотрудники главных управлений министерства»; в главках – в совершенно одноименных отделах, столь же густо населённых – ворочали тонны циркуляров, сводок, отчётов стопроцентные дублёры министерских управленцев; в территориальных управлениях (Приморрыбпром, Камчатрыбпром...) точно тем же самым занимались в опять же одноименных отделах спецы – ведущие, главные, старшие, флагманские; и наконец в производственных управлениях, переименованных затем (дабы в глазах не рябило) в базы флота, все уныло повторялось один к одному – те же отделы, те же спецы, та же надутая зевота и те же повышенной жирности оклады. Вот и получалось: как ни крути рыбак своей чёрной шеей в том четырёхзвенном ярме, заработок с каждым годом съеживался, чиновники множились, рыба, ценимая во всем мире дороже мяса, считалась харчем второсортным (за исключением, разумеется, осетрины да сёмги), а одно время даже была всенародным наказанием в виде «рыбных дней» в общепите.

Трёхзвенные хомуты в других отраслях не так натирали подъяремные шеи, и то тамошний люд мутился и стонал. Рыбакам же внушало долготерпеливость само море. Однако ж и долготу терпению есть предел. Капитаны первыми зароптали: *нам не нужна Тихорыба*. Цепная реакция ропота привела к эпистолярному взрыву: правительство, редакции газет атаковал солёный поток писем. И в Тихорыбу из министерства отрядили высокую комиссию...

Князь Потёмкин-Таврический, как известно, прославился не только ратными подвигами, но и «потёмкинскими сёлами» с пряничными декорациями изб и ряжеными крестьянами во ублажение императрицы. Полный тёзка князя Григорий Александрович Москаль в несоизмеримом масштабе, конечно, но порато, как говорится, следовал примеру светлейшего.

Упреждённый, так уж водится на Руси, это Гоголь ещё заметил, о грядущей комиссии, Москаль собрал хурал и по-городничьи объявил: *к нам едет ревизор!* Зашуршало в бумажном царстве, застрекотало. Срочно-вдохновенно-ревностно готовилась Большая Залепуха – десятки глав, сотни параграфов, тысячи пунктов. Тихорыба напряглась, дабы безапелляционно доказать одно: без Тихорыбы рыба в Тихом океане ловиться не будет ни за что!

Завстоловой Тихорыбы Вилена Рэмовна, дородная, как и положено ей по должности, гладколицая дама немного забальзаковского возраста, естественно, красящаяся в симпатичные фиолетовые цвета, добрая не только оттого что раздобревшая, а вообще по складу характера, была удивлена звонком Самого, приглашением в высокий кабинет на эксклюзивную, как это нынче называется, аудиенцию.

– Хосподи ж милосердный, да шо ж такое творится?! – Воскликнула она, глядя в очи шеф-поварихи, комплекцией и статью смахивающей на неё, как родная сестра. – За десять ходов (годов, значит) первый ото раз у свой кабинет зовёт!

Да, это было именно приглашение, хотя ясновельможный начальник главка обычно не приглашал подчинённых, а вызывал. Да и то чаще через секретаршу. А тут – Сам. Вилена Рэмовна скоренько облачилась в новёхонький, муха не сидела, белоснежный халат, огладила себя по крутогорьям, охорашиваясь перед трюмо, и поплыла на зов.

И снова – в который раз – в краснодеревном, паркетном том кабинете прозвучало классическое *к нам едет ревизор*. А дальше вопросы пошли: что нужно, чтобы за три дня столовая превратилась в кафе? Чем удивить московскую комиссию, объезжую там, у себя на западе, северюгой и чёрной икрой?

– Дорогая моя, – чуть не взмолился Москаль, – не подведи, прошу тебя, напряги воображение, изыщи что-нибудь такое-этакое, чем можно гостей наповал сразить...

И дело закипело. По щучьему веленью на окнах зала появились бархатные вишнёвые шторы, столы накрылись цветастыми, в василисках да крылатых драконах, шёлковыми скатертями (благо, Китай рядом), стены драпировал-декорировал художник из театра, который тоже рядом, ну и он же свистнул братьям-богомазам: тащи, ребята, натюрморты свои! И ребята расстарались – стряхнув паутину и соскоблив плесень со своих бордовых мяс, синих рыб, розовых крабов, разноцветных груш и сакур, развесили их по стенам столовой, пардон, уже кафе.

Вилена Рэмовна, которой Москаль предоставил карт-бланшированные возможности (к тому же в ее подсобку уже завезли целую дюжину ящиков элитных напитков), выкатила художникам, кроме гонорара, разумеется, шикарное угощение на кухне.

– Вилена-свет-Рэмовна, позвольте вас расшифровать, – художники ж народ грамотный да общительный, – Вилена – это значит, Владимир Ильич Ленин, так? А отчество – Революцияэлектрификациямировна, так?

– Так, хлопцы, так. Батьки мои коммунисты до мозгу костей были. Ото ж и дали такое приданое, ага. Вы пригосаждаетесь, гостюшки дорогие, не стесняйтесь.

На широченном кухонном столе, за долгие годы воронённом мясными и рыбьими кровями, подливами да соусами, красовались закуски и бутылки, способные вдохновить «хлопцев» на новые натюрморты: «Столичная» в экспортном исполнении, «Уссурийский бальзам» в красивой фарфоровой посуде и – гвоздь сюжета – двухлитровая, золотисто-коричневой башней возвышавшаяся бутылка японской водки сакэ. Художники, цокая языками, долго вертели, прежде чем разлить, всю эту экзотику в руках, читали вслух писанный золотом на фарфоре бальзама текст:

Оригинальный букет экстрактов растений уссурийской тайги. Легендарный женшень, элеутерококк, лимонник и ещё более десяти целебных таёжных дикоросов – источники сил, здоровья, долголетия. Рекомендуются в малых дозах добавлять в чай, кофе, водку.

– В ма-а-лых дозах, – дурашливо бляял бородач, булькая собратьям чуть не по полстакана бальзама и смешивая его с сакэ.

Глубокая тарелка, полная рубиновой икры, целый брус жёлтого сливочного масла, только что из холодильника, со слезой, белый ноздреватый хлеб судовой, рыбацкой выпечки, несколько открытых, благоухающих баночек крабов довершали картину.

Художники, посклоняв головы в разные стороны, полюбовавшись и словно стыдясь святотатства, осторожно приступили к разгрому натюрморта. Вилена рванулась было по делам, но один из бородачей, самый богатырь, нежно обхватил её необъятную талию и усадил рядом с собой:

– Вы ж, дорогуша, не каждый день с художниками бальзама вкушаете. Побудьте с нами, не пожалейте времени. Оно ж – песок, суета.

И так он это хорошо и по-библейски убедительно сказал, что она покорно приземлилась рядом с богатырём. И действительно не пожалела, потому что именно тут, в застолье и явилась ей главная идея – как и чем сразить московскую комиссию. Но – по порядку.

Налили и подняли «за хозяйку», потом за дружбу производства с искусством, а следом – третий, как говорится, святой тост «за тех, кто в море». И пошло-поехало: кто баталист, кто маринист, кто в море побывал, кто вот этого крабушка повидал не только на столе, но и на палубе краболова, да, там, на далёкой «полста восьмой широте», у западного берега Камчатки, у острова Птичьего...

Боже мой! Душа Вилены птицей трепыхнулась в груди. Боже мой, родные люди!

– Да я ж три года там жила, хлопцы!

– Как? – Удивился богатырь, который бывал на крабовом промысле. – Разве он обитаемый? Он же крохотулечный совсем.

– А ото ж, на той крохотуле мы и жили! – Гладкое лицо Вилены расцвело радостной улыбкой. – Он метров пятьсот длиной, ага, и метров двести у самом широком месте...

И наплыли живыми, цветными, озвученными видеокадрами воспоминания без малого двадцатилетней давности. Ей тоже тогда, в середине шестидесятых, было без малого двадцать. После харьковского кулинарного училища она завербовалась «на Далекый Схид», на Дальний Восток, да куда – на Камчатку, в Хайрюзовский рыбокомбинат, а оттуда уже попала на Птичий, в крабоконсервный цех, кормить таких же вербованных девчат, верботу – разделщиц и укладчиц краба в баночки. «Павук страшенный», как называли его по-первости землячки, стал скоро для них всем – работой, наказаньем, радостью, а порой и единственной едой. Когда заштормило надолго, а баржа с продуктами перевернулась и утонула у самого берега, было такое. Недели две одними крабами питались. Между прочим, это морское мясное пирожное – харч весьма коварный: наешься – и тянет на любовь. А в бараке ж одни девки. На весь остров было два мужика, да и те с жёнами – метеорологи, отдельно жили, на сопке, в домике метеостанции.

Вот так и приглядела Вильку-Ленку-Поварёшку-Пампушку в любовницы себе чернокудрая красавица Нинка-Нинон, тридцатилетняя художница-ткачиха (раскрашивала ткани) из Иванова. Да, сейчас ни одной живой душе не открыться, стыдоба берёт. А тогда, там, на острове, по молодости, Господи, прости нас, грешниц, прости... Благородные девицы венчаются в храме и дарят девственность избранникам – рыцарям да принцам, а ей вот так выпало расстаться с невинностью – в пропахшем крабьим духом бараке, в жарких объятиях Нинон, среди вздохов и стонов других «сладких парочек», как назвали б их нынче. Но если по-честному, она ни о чём не жалеет, ей очень хорошо было с Нинон. Ох, Нинка, где ты сейчас, как ты, нашла ли свою долю?..

А художники уже захорошели, разговорились, разбалакались вовсю. В том числе и на гастрономические темы.

– Ай, ребяташки! – Бородатый богатырь подцепил на вилку розовую крабью ножку. – А и чего только из него не делают на краболовах! И жарят, и варят, и пекут...

– Мы даже пельмени делали, – стыдливо потупив глаза, обронила Вилена, полная иных воспоминаний.

– Аббревиатура Фиолетовна, – уставясь на её пышный бюст и уже прилично запинаясь, проговорил седоусый богوماз, в чьих усах, точно у моржа, только что сожравшего беременную кетину, застряли красные икринки, – вот скажите, вы знаете, почему нашим, советским буржуйам так нравится вот это все, – он обвёл стол своей пролеткультовской рукой в пиджачном рукаве, перемазанном всей палитрой, – икра... икра-бы, ась?

– Вась-Вась! – Эхом откликнулся богатырь, чтобы замять неловкость от «Аббревиатуры». – Васильич, да ты ж и сам, я ж видал на Шикотане, только так трескаешь эти самые *икрабы*, когда к девушкам собираешься. Аж в усах вон застряёт.

Все засмеялись, глядя на старого ловеласа, выпивоху и обжору, автора таких же развратных, по общему определению, натюрмортов.

Тема «икрабов» очень вовремя направила мысли Вилены Рэмовны в нужное русло. Пельмени с крабами, ватрушки, украшенные сверху вроде как брусникой – лососёвой икрой. Да, чего только не сочиняли девки на Птичьем, голом, скальном, без единого деревца острове, как только «не знушались», не изгалялись над той икрой: и варили её, и жарили, и чаячьи яйца фаршировали. Хлеба вот только не было на острове и муки – в обрез. Господи, до чего ж ото обрыднуть может и самое царское кушанье!

Её аж передёрнуло от тех гастрономических воспоминаний. Но тут же мелькнуло и нечто, похожее на озарение. Недаром же говорится: с кем поведёшься...

Проводив художников, выделив на дорожку от щедрот по банке крабов и бутылке пива на брата, Вилена пошла прогуляться по городу. Неподалёку от Тихорыбы тихо процветал магазин «Дары тайги». Сквозь запотевшее стекло прилавка-холодильника плотоядно глянули на неё излюбринные и кабаньи окорока, глыбы медвежатины с запёкшейся кровью. Но нет, это не вдохновляло ее на кулинарные подвиги. И фазаньи тушки тоже. Зато полки под надписью «Дикоросы» с лохматой лозой лимонника и колючками элеутерококка непонятно отчего дали неожиданный толчок воображению. Может, опять аукнулась давняя островная тоска по нормальной человеческой жизни – по деревьям, овощам, мужикам, куриным, не чаячьим яйцам. Прости нас, грешных, Господи!..

Разомлев от застолья с художниками, плыла Вилена под августовским солнцем по улицам Владивостока и тихо мечтала о земных радостях, казалось бы, вдосталь доступных ей в последние десять благополучных лет: непьющий муж, дочь школьница, хлебная должность. Но вот всколыхнулось прошлое, задышал девичий барак, пропахший крабами и рыбой. Нет, нет, с тех самых пор не было у неё, к сожалению, ничего похожего, ничего слаще тех первых утех. Ах, Нинон, шо ж ты такое наробыла с дивчиной, га?

Это соседка по койке, молчаливая обычно слушательница-свидетель их любви, однажды утром не выдержала и так вот полушутя-полувсерьёз «отчитала» Нинку. А как Нинка уплетала за обе щеки вареники с крабами, которых никто уже не мог есть! Наверно, чтоб угодить своей возлюбленной Поварёшке, которая не знала, «не розумила вже, шо з них, с павуков тех, робыть».

Да, любовь, в каком виде, в каком образе нам Бог её ни даёт, всё равно остаётся любовью, чудесным, самым-самым добрым чувством, найсамисиньким гарным почуттям!

Любовно-кулинарная ретроспектива незамедлительно принесла плоды. В голове Вилены Рэмовны – пусть нечётко очерченный, словно выплывающий из тумана корпус краболова – возник замысел. То, что там, на острове Птичьем, двадцать годов назад обрыдло им до смерти, те самые как раз кухарские эксперименты, да, именно они сейчас и пригодятся!

На центральной площади бурлила-вирувала ярмарка. Вилена с ходу – запаравская пловчиха – нырнула в те буруны, прошлась вдоль рядов мясных и рыбных, не всколыхнувших ни мысль, ни душу, и подплыла к рядам овощным-зеленым. Роскошные помидоры всех сортов, от яблочно-янтарного до кроваво-красного «бычьего сердца», огурцы, полуметровые китайские и свои, приморские, светло-зелёные такие кабанчики, крепенькие и прохладные на ощупь. Вместе с помидорами, огурцами, редиской продавалась и зелень: лук, укроп, петрушка, щавель, черемша. Зелёное всегда радует глаз, и Вилена неспешно плыла мимо зелёных кущ, словно Деметра-Церера на триумфальном обходе земных своих владений. Умиротворение, внутренний свет озаряли тихой улыбкой гладкие черты Вилены, делая её сейчас удивительно похожей на ту Поварёшку-Пампушку, в которую двадцать лет назад влюбилась чернявая художница Нинон...

Так! «Пельмени тихоокеанские» – это будет первая строчка меню. Верней вторая – после ухи из лососёвых головок и плавников. Добре. Ну а потом, после обеда, ввечеру, гвоздь программы, шо называется, на закуску под сакэ с бальзамчиком... О, тут вот и надо, хлопчики, помозговать... Так-так, пирожки. И непростые пирожки, а с сюрпризом. А в чем же

ж той сюрприз, спрашивается? А в том, хлопчики мои дорогие, что в пирожках тех не краб, не рыба, не мясо должно быть, а – икра! Да-да-да, красная икра! Именно красная, прохладенькая, солёенькая, а не белая варёная, как на Птичьем...

Хороша, добра идея, нема спору, но как же ж соединить несоединимое? Так, хлопчики, так, як же ж такое зробить, га?..

Ньютоново яблоко, прежде чем упасть, должно созреть. А вокруг Вилены Рэмовны, кулинарного нашего Ньютона, все как раз и было в самом зрелом виде. Сверкая алыми изломами, лопались от спелости кавуны-арбузы, благоухали охряные дыни, сочные груши просились в рот, ягоды клубники, малины, шелковицы, словно губы засватанной дивчины, исходили соком. Взгляд Вилены парил над парадом плодородия, точно чайка над серебряным косяком корюшки, валом идущей под самой поверхностью на нерест. И вдруг – о да, открытия всегда же *вдруг* – взгляд её остановился на... Чайка спикировала на косяк, выцелив внимательной совей чёрной бусиной одну-единственную в плотной толчее рыбку. В рядах грузовиков с откинутыми бортами, у подножия одной из машин стояли деревянные козлы, обтянутые зелёным брезентом, а на тех козлах возлежали целые снопы сельдерея, пастернака, петрушки. Длиннющая, чуть не в метр, ботва-бодылля оканчивалась такими мощными, в добрую морковь толщиной кореньями, что так и хотелось их пощупать, чтобы удостовериться в их плотности, потому что они, вымытые добела, светились наподобие воздушной фантазии кондитера – ну, прям зефир или кремовые завитушки на торте.

– Та шо вы на их дывытесь – берить, дорого не возьму! – Хозяйка зелени (ох, эти психологи-физиономисты на ярмарках) заметила особый интерес в глазах покупательницы.

– А багато ей у вас? – Виленка с радостью перешла на украинскую мову.

– Та он же ж повна машина, – кивнула за спину румяная, как булка-паляницы, тётка, и там, в будке, зашевелился её муж, добрый такой козачина с гоголевской Сечи, черноусый да чернобровый.

Виленка протянула руку и обхватила самый породистый корень. Пальцы едва сомкнулись. Плотный, твёрдый! Покупательница с хозяйкой понимающе и весело улыбнулись друг другу, точно школьные подружки. И козачина тоже разулыбался в усы:

– Шо, добра штука?

Виленка, зажмурившись, кивнула и ошарашила хозяев:

– Двисти штук мени! – Подумала *трошки* и поправила: – Ни, триста!

Хозяйка петрушки глянула на неё с недоверием и юморком. Её муж-чоловик обронил вполне серьёзно:

– То, мабуть, жинка шуткуе, Рая.

– Ни, я не шуткую, – Виленка достала из сумочки-кошелька хрустящие *гроши*. – Скільки з мене?

– Та по двадцять копийок, я ж казала, дорого не во зьму.

Виленка отсчитала шесть красных червонцев с Лениным, ползарплаты инженера, и деловито, как и полагается оптовой купчихе, справилась, обращаясь к запорожцу:

– Вы мени допоможетэ донэ сты? Тут недалэ ко.

– Будь ласка! – Встрепенулся козак и выбрался из будки. Три сотни отборных корней в пять минут перекочевали в серебряную китайскую торбу, плетеную из рисовой соломы, и вскоре на козачьем горбу доплыли до Тихорыбы.

– Господи! – Всплеснула пухлыми руками шеф-повариха. – Куда столько?

– Не переживай, ото все-все сейчас у дело пойдет, – Виленка перешла на свой *чистый* русский.

Кухонный стол, на котором недавно бражничали живописцы, походил теперь на Раины ярмарочные козлы. Столовские девчата под водительством Вилены пообрезали зеленые хво-

сты *бодылля*, а сами корни порубили на чурочки семи-восьмисантиметровой длины. Полтыщи чурочек! Что с ними делать? А вот что, девчата:

– Пирожки будем з ими печь...

Да, и девчата, не переставая дивиться, налепили и напекли полтыщи пирожков с сельдереем, пастернаком и петрушкой. Вилена молчала, как партизан, до самого конца не раскрывая своего «ноу-хау».

Но вот румяные и такие духмяные пирожки – один поддон за другим – стали появляться на свет из черного зева гигантской духовки. Когда они маленько поостыли, Вилена Рэмовна самолично, вооружившись острым, узким, как скальпель, ножом, сделала харакири первому пирожку. Она вынула из его нутра распаренную чурочку сельдерея (по аромату определили) и на его место заправила целую столовую ложку гранатовых зёрен лососёвой икры.

– На, ты первая дехустируй! – Протянула она пирожок «сестре». Та куснула полпирожка зараз и блаженно зажмурилась:

– М-м-м... И вкус, и дух. Одно слово – амброзия!

– Это то, шо боги едят? – Вилена даже не улыбалась, она цвела, как творец, как художник, завершивший большое полотно, которому суждено стать шедевром.

Но что-то ещё мешало полному торжеству, какое-то сомнение. Не хватало, как это бывает нередко, последнего удара кисти...

Они сидели как-то на берегу, у подножья островной сопки, и неотрывно смотрели на взлохмаченное штормом Охотское море. Это была уже их вторая путина, и синяя солёная вода, только вода и вода вокруг, успела как будто обрыднуть, но вот же, глянь, не стряхнуть колдовских тех чар. Нинка, положив на колени «мольберт», обрубок доски-сепарации, рисовала кудлатые волны и ветер, несущий пену и брызги. А она, Поварёшка-Пампушка, укрывшись от ветра за спиной любовницы, прижималась грудью к тёплой её спине и зачарованно следила за творящей рукой и за двумя морями, настоящим и рождавшимся на бумаге. И это было здорово. Нинкины пальцы, такие добрые, ласковые и умные пальцы, сжимавшие кисточку, сотворяли настоящее, хоть и акварельное море...

Вилена взяла ещё один пирожок и собиралась снова сделать харакири, но неожиданно отбросила нож и пальцем, да, просто пальцем проткнула пирожок с бледно-жёлтого, маслянистого торца, вытащил в незаметное то отверстие чурочку корешка и потихоньку, горчичной ложечкой нафаршировала тёплый пирожок прохладной вкусной икрой.

Всё! Вот теперь кулинарный шедевр созрел окончательно. Столовые девчата, вооружась пластмассовыми, крохотулечными, как говорил бородатый художник, горчичными ложечками, принялись воплощать гениальные начертания Вилены.

Все было сделано очень вовремя. И высокая комиссия прибыла вовремя. И благополучно отобедала, с аппетитом заглотава уху лососёвую, пельмени тихоокеанские, а за ними основное блюдо Москаля – Большую Залепуху из десятков глав и сотен параграфов. Ну а венчали дело пирожки.

Случайно, между прочим, посчастливилось *продехустировать* и мне из добрых рук Вилены Рэмовны один тот незабвенный пирожок. Пастернак – определила она, нюхнув пирожок после первого моего укуса. И я подумал: даже Борис Леонидович, хоть он и классик и с самим Сталиным разговаривал (правда, по телефону), не смог бы отказаться от пирожка-однофамильца.

Короче говоря, комиссия была покорена. «Москаля ж Москалю око не выключють», – сказала Вилена. И как бы там ни было, а Тихорыба тихохонько себе просидела на *порепанной* рыбацьеё шее еще добрых полдесятка лет, пока Перестройка (местами она все же была такой, без кавычек и даже с большой буквы) не сорвала этого спрута, присосавшегося к той шее, в точности как восьминогий герой романа Гюго «Труженики моря».

1980 – 2000

Ах, марьяж, марьяж!

В Кирсановку на картошку, в колхоз «Путь Ленина», мореходы ехали с гиканьем, на ура. Еще бы: целый месяц вместо учебы-долдобы, вместо зануд-преподов – гульня, природа, степное раздолье. Кто-то мигом перекрестил деревню в Курсантовку. А уже на третий день – после тесного знакомства со значными местами – в Керосиновку.

Жизнь в Керосиновке нельзя сказать чтоб ключом била, нет, текла себе обыкновенным ручьем, журчала потихоньку да булькала помаленьку. Ну а где она на Руси не булькает! Сахарная свекла, слава Богу, растет ого-го, как на Украине – по полпуда. И самогон из нее ж – хоть и вонюч, да заборист. Но не про то речь, тем паче в морской праздник, нет, совсем не про то. Про любовь пойдет речь...

Кажется, в начале 70-х мода пошла на Ксений, Оксан, Кириллов и Денисов. И вот в конце 80-х, в Кирсановке-Керосиновке они, голубочки, как раз и встретились.

В среднюю мореходку принимают после девяти классов. Дэну-первокурснику, по-флотски салаге, таким образом от роду числилось пятнадцать годов. Акселерация, однако, вещь необтекаемая, куда от нее денешься. В свои пятнадцать русоволосый красавец-кудряш салага вымахал под 190 см и, собственно, был принят в *бурсу* как спортсмен, баскетболист. Но моряком он числился и дома, и в школе чуть не с первого класса: книжки читал только «про море», на брючном ремне носил бляху с якорем, а под рубашкой – тельник, рукава которого мать наращивала дважды в год, так быстро рос Дениска. И вот теперь ему с трудом подобрали форму по росту, фланелька досталась коротковата, и из-под нее на пузе виднелась тельняшка. Да что там фланелька – даже трусы, «семейные» сатиновые трусы и те оказались коротки, что в экипаже (общаге) поутру неизменно вызывало дружную реготню и предложения отправить салагу в синагогу на обрезание. Дэн поначалу смущался, арбузно рдел, потом обвык и лишь снисходительно улыбался в ответ. Пацаны давно уже читали и смотрели в основном «про любовь», а у него всё под подушкой прессовались, меняя одна другую, книжки о Магеллане, Нахимове, Нельсоне. А фильм «Алые паруса» он мог смотреть в сотый раз и знал Гриновский текст наизусть. Ему до визга нравились два вида спорта – парусный и гребной, а в баскетбол он пошел лишь потому, что кто-то из одноклассников сказал: «В мореходку берут только фут-, волей- и баскетболистов»...

Рыжую разбойницу Ксюху сверстники в Кирсановке так и дразнили: звезда-разбойница. В десятом классе она выглядела дамой: бюст №3, попа тоже с хорошим номером, а в рыжих опять же, светло-карих глазах плясали такие бесенята, что молодой историк продержался не очень долго и прямо в классе после уроков, говорят, прямо на парте, ну, прямо или не совсем прямо (свечку-то никто ж не держал), согрешил с ученицей. Слава Богу, серьезных последствий не последовало. Историка вскоре отозвало районо, а разбойница Ксюха через неделю схлестнулась с бандитом трактористом.

Через полтора года, дождавшись Ксюхиного совершеннолетия, ее мамаша, Гайдучка по-деревенски (фамилия у них такая – Гайдуки), стала собирать дочку замуж, а тракториста соответственно в зятя. Но бандит, как говорится, *сделал ноги*. И вот разбойница на выданье оказалась вольной пташкой. Хотя нет, скорее кошкой.

Ну а тут как раз и принесло попутным ветром воробушков, то есть морячков-свежачков. И у рыжей кошки с ходу – глазки враздрай: зарябило от тельняшек. Не зря ж их в народе рябчиками зовут. Раздрай однако был недолог. Ксюха выбрала кудрявого красавчика Дэна.

Когда тебя в твои 15 – из целой роты (120 *рыл!*) – выбирает дама, осиянная солнечным ореолом прически, да к тому ж с бесенятами, так и прыгающими в глазах, недолго и курносый стать. Душу греют такие дела о-ей как. И не только душу...

В колхозе «Путь Ленина», как в Греции, было всё: сотни гектаров под хлебом и картошкой, десятки – под овощами и столько же сенокосов. Вот там-то как раз, где были сметаны уже стога, каждый ростом с египетскую пирамиду, и лишился Дэн девственности. А произошло-стряслось это эпохальное для «салаги» событие следующим образом...

Хотя нет, простите уж великодушно, но перед этим «следующим образом» совершенно необходимо раскинуть гранпасьянс.

Гадали в Кирсановке, как водится на Руси, на святки, то есть в новогодье, на Рождество. Гайдучка, само собой, раскинула карты на дочку, и выпало Ксюхе неожиданно, но вот же гаданно, куда денешься – «вечное девичество». Ай-я-яй, кто б мог подумать: юная золотоволосая дама с такими хорошими номерами сверху донизу – и вдруг вековать вековухой?.. Гайдучка стерпеть такое не могла и потому взяла да сшельмовала малёхо – подкинула под бубновую даму, которая Ксюха-то и есть, бубнового королика. Подкинула на все сто незаметно, умело и хитро отвлекши на миг внимание присутствовавших на трещающие свечки: мол, фитили-то надо б отщипнуть. Подруга Маня послушно кинулась за ножницами, а хромой сосед-хохол, «сусид Петро», просто так, пальцами, отскубнул нагар, свечи воспылали и высветили вожделенный бубновый *м а р ь я ж*. Дружный вопль восторга был Гайдучке наградой...

А тут *сентябрь уж наступил, уж роща...* Сентябрь недалече от октября, а роща далеко от деревни, стога же – вот они, рядом стоят. Самый из них египетский разбойница и выбрала для своих марьяжных целей. И привела туда бычка, считай, классического бычка на веревочке. Ему, правда, думалось совсем наоборот: он *тёлку* ведет. Ну это ж нередко именно так и бывает. Зато ах, какую уютную норку в стогу сотворили молодые любовники играючись, в четыре руки, норку-альков! Да каков же альков душистый! Дэну, городскому пацану, такой и не снился. Сам султан турецкий лопнул бы от зависти: все его гаремные благовония – ничто! Ну да, мысленно ухмыльнулся Дэн, там вония, а тут такой аромат – закачаешься. И закачало юного морехода, словно в хороший шторм, закачало, укачало, вознесло...

Законы физики однако незыблемы. Зыбь же подчиняется им железно, поэтому вознесение всенепременно оканчивается падением.

Разбирать *аморалку* в Кирсановку прибыл сам замполит училища, и вот именно в самый тот момент, когда он *на плацу*, перед строем выяснял подробности грехопадения курсанта, нашего героя прорвало, как резиновую камеру баскетбольного мяча, с помощью которого он и стал, как вы помните, курсантом. Дэн, обожавший самокопание да к тому же не чуждый юмора, вспомнив народную мудрость «Кабы знал, где упал, то б соломки постлал», в самый неподходящий момент прыснул со смеху. Ну да его понять можно: соломки у него было – целый стог. И все же более неподходящего момента трудно себе представить.

Как ни странно, однако, замполит, вопреки ожиданиям, не казнил салагу-первокурсника, а вроде бы даже и напротив – эдак сочувственно улыбнулся слегка. А ведь *пострадавшая сторона*, Гайдучка то есть, рядом стояла. И, усиленно строжась лицом, требовала справедливости, добивалась уже не картежного, а натурального марьяжа. Мариage изобрели французы, в переводе он означает «свадьбу», «брак».

Замполит, битый мужик, закончив публичный *разбор полетов*, распустил строй и уединился с пострадавшей и командиром роты в избушке его, стоящей неподалеку от курсантского барака. Комроты, желчный, сухопарый язвенник, изможденный педагогикой, жил трезвой, спартанской жизнью. Вот и сейчас он добыл из-под солдатской койки трехлитровку молока, разлил по стаканам, предложил гостям. Замполит усмехнулся и залпом, как водку, выпил. Гайдучка, заметив его усмешку, намекнула, что можно и к ней, дескать, в гости, там найдется и чаёк-кофеёк, *и все такое прочее*. Замполит поблагодарил: до свадьбы-то, мол, подождем. И попросил Ксюхин паспорт...

Что такое вообще замполит, заместитель по политической части? В советские времена бытовала такая поговорка: блат выше наркома, народного, значит, комиссара. Так вот любой замполит (их же, кстати, комиссарами и называли) на местном уровне и был как раз наркомом, выше которого мог быть только бессмертный Блат. Замполиты на любом производстве, пусть и ни уха, ни рыла в нем, решали все вопросы и подписывали все бумаги за начальника-директора. У директоров могли быть слабости, у замполитов – ни-ни, на них же держалось всё, то есть вся *политика*. А главная политика и состояла как раз в том, чтоб эти слабости скрывать, блюдя всенародную нравственность. Между прочим, главный камень преткновения в жарких спорах нынешних поколений отцов и детей – именно это: что делала партия, нет, вот так – П а р т и я (единственная была ведь), блюла мораль или покрывала аморалку?

А она действительно стояла на страже девственности народа и свято берегла все свободы народных пастырей. Когда ты с пастырями ходишь в верховную сауну и трешь им спинку, ты потом того же можешь ожидать для себя в сауне пониже. Тебе *доверяют*, и ты *доверяешь*.

Партийный Молох однако постоянно требовал жертвоприношений – человеческих. Так что зарывавшихся-засветившихся (из среднего и нижнего звена) перманентно и публично-показательно побивали камнями. Охранять девственность народную надлежало от дурных примеров не только сверху, но и изнутри. Правда, с этим «изнутри» было стократ проще: такие вещи дозволялось спускать на юморе, на *смехуёчках*. Замполит наш, битый, как было сказано, и зело облеченный доверием, немало в том понаторел. Битость и доверие у замполитов особые, со знаком качества, номенклатурные. Впрочем, симпатяги среди них не редкость. Наш как раз был из таких...

Ксюхин паспорт оказался на-товсь – в кармане «выгребной» вязаной кофты Гайдучки. Смазливая кошачья мордашка Ксюхи умилила замполита. «Вылитая Ирина Муравьева», – подумал он, но не позволил себе расслабухи, мысленно подтянул португепю и вонзил взгляд в год рождения невесты.

Ба, да девица-то, красавица впа-а-лне половозрела, оказывается, 19 годов от роду, как с куста! Ха-ха-ха!.. Замполит, хоть и мысленно, но именно так прохохотал по отдельности: ха! ха! ха!

– Дай-ка мне судовую роль, ну, это, список роты, – протянул он ладонь к коллеге-воспитателю. Комроты мигом вынул из тумбочки папку, раскрыл, подал. – Та-а-к, друзья мои, – по тону чувствовалось, что замполит оседлал белого, парадного коня победы. – Я должен, точнее вынужден поздравить вас и себя с тем, – он и паузу умел держать, как профи-актер, – что свадьбу... придется отложить... О да, минимум годика на три...

– Ка-а?.. – Не договорив, с открытым по-рыбьи ртом замерла Гайдучка, в одиночку сыграв знаменитую немую сцену по Гоголю.

– Да, мадам, смотрите сами: вашей 19, а нашему 15. Так что пардоньте... О, и больше того! – Замполит напряг весь свой серьез и обратил взгляд на комроты, чтоб не рассмеяться при виде оскаленных стальных зубов пострадавшей, теперь уже бывшей пострадавшей. – Мы можем в суд подать на вашу дочь... – Зубы, клацнув, сомкнулись. – Да, за растление малолетнего...

Лжемарьяжный бубновый король ростом метр-девятисто осклабился на бедную Гайдучку откуда-то сверху, из-под широкой беленой матицы, чуть прогнувшейся под бременем лет.

Брела она домой, бормоча под нос все маты, коими одарила ее колхозная жизнь, да одарила ж ведь по-боцмански щедро. А перед самой хатой, как назло, встречает ее *сусид Петро* со своей суковатой, как эта жизнь, клюкой. И Гайдучка, вот дура-то старая (это через пять минут уже она сама себе), всё с разбегу ему и излила.

– Як так?! – Поразился сусид. – Був же ж марьяж!

– Був, був, – передразнила в сердцах Гайдучка и даже, чего с ней крайне редко случилось, перешла на украинский и вообще с прозы на чистую поэзию. – Ага, був! Вот вин нас и обув!!!

Ну что ж, подошло время изложить обещанную историю эпохального для Дэна события, которое произошло следующим образом.

Король под дамой был! Ксюха помнила это железно и, дабы все сбылось, как в мамкином пасьянсе, так всё и сделала. Дениску она разложила по всем правилам на лопатки и оседлала, аки Сивку-бурку-вещую кавурку. И понеслась, как говорится, душа в рай. И скачки эти так закачали юного морехода, что забыл он всё – и картошку, и колочки в сене, и маму родную. Это ж как в детстве: когда мир вокруг дарит тебе буквально на каждом шагу столько великих открытий, что ты забываешь напрочь, на каком ты свете, и только раскрываешь рот, чтобы не прозевать очередную «эврику». А тут еще, ко всему, они и озвученными оказались, эти чудесные открытия! О да, Дениска и не подозревал в себе существование таких нечеловеческих звуков: совершенно произвольно он визжал и даже мяукал, распугав в стогу всё мышинное царство. Бедные мыши в панике бежали цугом к другому, более спокойному стогу.

Бурсаки, как правило, циники: флотский экипаж – та же казарма, а в казарме, соответственно, казарменный дух. Но у Дэна не только душа, а и *рябчик* не успели еще им пропитаться. Под тельником у него билось чистое, благородное сердце Артура Грэя, героя «Алых парусов». И потому его открытия не были подножными. Наверное, в пятнадцать, несмотря на всякие там пубертатно-фрейдистские превращения из куколки в бабочку (а скорее наоборот), вопреки взрослению-огрублению, мальчишка еще способен к душевной левитации. И Дэна вознесло. И он сам, добровольно, *жентельмен* этакий, готов уже был жениться на Ксюхе, вот только паспорта б ему дожждаться...

Замполиту спасибо, не то окрутили бы хлопца в той Керосиновке, и что тогда – прощай, море, и здравствуй, колхоз «Путь Ленина»? Кстати, впоследствии, где-то лет через пятнадцать, по просьбе местных крестьян, говорят, колхоз переименоуют в «Лень Путина».

Ну а пока Гайдучка, поделаясь секретом неудачи с сердечной подругой Маней, сходила по ее совету в храм и покаялась в том, что марьяж этот сшельмовала. Маня ж ей так и сказала: Бог шельму метит!

А ротный писарь-мореход, *писссатель*, *писарчук*, перед отъездом из Керосиновки сложил вот что:

Рыжая Ксюха и длинный Денис —
Ева с Адамом – схарчили анис
С древа познания Зла и Добра...
Рота им дружно сказала: у-р-а!

1997

Улыбка Джоконды

Геннадию Якунину

Дили-дили-дили-дили-дили,
Дили-дили-дили-дилидон!
Мы ли Филиппинами неплыли
В Босто-о-н?!

Генка разок всего слышал эту старую-старую песню. Кто-то кому-то ее передал – музыкальный привет – по радиостанции «Тихий океан». Но ему, курсанту мореходки, удалось на плавпрактике сходить в южные моря, побывать на Филиппинах, и песенный этот припев как бы прикипел к языку. А Генкин банановоз, между тем, поизносившись в штормовых тропических рейсах, стал в родном, продутом и замороженном порту на ремонт.

Дили-дили-дили-дили-дили...

Песня грела, навевая экваториальные воспоминания. Банановоз дважды пересек экватор: туда и обратно. Генка впервые рвал эту синюю, как само Южно-Китайское море, ленточку-невидимку, и его, как салагу, должны были на экваторе вымазать чернью, вклеить на задницу Нептунову печать и кинуть в бассейн. Таковы святыя морские традиции. И бассейн на судне имелся, и даже та печать размером с тарелку у боцмана в рундуке валялась, он потом показывал. Да только банановоз, чуть не по десять раз в году пересекавший экватор, на добрую ту традицию наплевал. Вообще-то должен заниматься этим помполит, так что он первым, значит, плюнул на традиции, тропическая жара не вдохновляла его на такие подвиги. Изнеженный, лоснящийся, с темным пятном прилипшей к спине рубахи, помпа и на палубе-то показывался редко, отсиживаясь у «кондишена» в каюте. Недаром же морской фольклор гласит:

Кому живется весело, вольготно на судах?
Коту и помполиту! А еще – его мадам.

Да, были времена... Теперь же вообще от помполитов избавляются, черноморцы вон второй год уже без них плавают. Скоро и на Тихом – хана. Короче, какие там праздники Нептуна!..

Однако боцман бассейн в тропиках все же наполнял, и моряки, неделю всего назад отчалив от заснеженных родных берегов, ловили кайф от солнца и купели. Курсант от них, само собой, уж в чем-чем а в этом деле не отставал. И загореть на Филиппинах за неделю успел неслабо. Дома за целое лето не всегда так загорал.

Дили-дили-дили-дили-дили,
Дили-дили-дили-дилидон...

Нет, уже и песня не греет. Какие минуса, яп-п-онская мам-м-а, бр-р!

Генку поставили у трапа нести вахту. Звучит оно, конечно, прилично-романтично: нести вахту, стоять вахту. А по жизни, так более дурацкого дела трудно придумать. Напялят на тебя вахтенный тулуп. Нацепят на рукав красную повязку – и торчи у трапа чучелом.

А колотун все равно бьет, хоть ты и в валенках и под тулупом у тебя два свитера. Н-да, у снежной бабы и то фигура симпатичней.

Вся жизнь вот так – как гнилой базар, философствует Генка, топая по черной снежной тропе, проложенной на палубе заводскими слесарями: родится ребенок – глазки у него голубые, и мир вокруг тоже розовый и голубой, а потом подрастет, заметут его в тюрягу или в армию и тоже «голубым» сделают. И пой потом «Я люблю тебя, жизнь».

Нет, пацаны, это не жизнь. Петля нафиг! Это... как это... прозябание. Во, точно! Тулуп-то чуть не с белого медведя снятый, а чувствуешь себя в натуре голяком. Эх, на Филиппины б сейчас! Пускай даже без валюты, а просто так – голяком. Хоть на часок. Только б согреться...

Скривив губу, Гена искоса окинул взглядом надстройку. И вдруг глаза его по-кошачьи цепко впились в машинные капы, знаете, двускатные такие, похожие на металлический домик световые люки-отдушины машинного отделения. Иллюминаторы их были открыты, и над ними струилось марево. Генка вспомнил, что даже там, в далеких тропиках, наблюдал над капями этот призрачный, колеблющийся воздух, сквозь который как бы плавились предметы. Но там, на Филиппинах, и без того все плавилось, даже мозги, и все твои копейки, которые там называются песо, уходили на холодное пиво и колу. А сейчас бы – чайку горячего...

А марево струилось себе да струилось, отапливая небо, вселенную. Оторвать взгляд от него Генка уже не мог. Он даже нижнюю губу отвесил – так занятны оказались собственные мысли. Двигала ими одна-единственная, простая, как три рубля, идея – согреться. Но как мощно двигала!

Генка за минуту все сообразил, распланировал подетально и тут же начал претворять в жизнь. А попутно подивился техническому совершенству и некоторому даже остроумию своей придумки. И невольно себя зауважал: ай да я, ай да Генка! Гена и гений – не зря ж они одного корня...

Да, здорово получилось. Сняв тулуп и валенки, он аккуратненько пристроил их снаружи, под иллюминатором капа, а сам забрался внутрь машинного отделения и высунул голову в иллюминатор. Клёво вышло: тепло, а снаружи видуха – вроде ты на вахте стоишь. И все вокруг видишь, контролируешь свой «объект» – трап. Мышь не проскользнет, не то что диверсант или какой еще криминал.

И вдруг, грякнув, отворяется железная водонепроницаемая дверь в надстройке, и к трапу выходят капитан с помполитом. Кэп в дубленке, шапке. Значит, уходит. Дела! Надо ж три звонка дать. А как ты их, японская мама, дашь, если кнопка – там, у самого трапа, а ты – тут, в разобранном виде?..

Помпа, в одной тонкой форменке (жирный, гад, ему и дубарь не дубарь), проводив кэпа, оглянувшись, увидел Генку и пошел танком прямо на него.

– Ты бы хоть встал, студент!

Генка виновато заулыбался. Помпа искренне удивился, еще не гневясь:

– Чего развалился-то?

Генка опять улыбнулся, но уже веселей.

Холодно, конечно, оно понятно – зима, но вахта есть вахта. Ну подмерз, ну прижался к теплому капю, но откуда такое неуважение к старшим у этой молодежи? Тем более к капитану! Самые святые традиции на флоте рушатся...

– Встать, курсант! – Помпа дал, наконец, волю гневу.

Курсант в ответ разулыбался пуще прежнего.

Издевается, сопляк. И мельком подумалось: странная у него какая-то улыбка, однако. Тоже мне Джоконда...

– Встать, я сказал, твою мать!

Помпа в сердцах пнул ногой валенок, торчащий из-под тулупа. И – о, ужас! – валенок так и покатился по палубе...

Боже! – Молнией сверкнуло в голове закоренелого атеиста. – Он ноги напрочь отморозил!

Хромая, одноногая Джоконда наплыла на него, навалилась грудью... «Вот отчего эта странная улыбка, – успел подумать помполит, – а я...» И – брык в обморок.

Тут уж и Генке не до улыбок стало. Быстренько подняв крышку капа, он выбрался наружу, впрыгнул в валенки, в тулуп, который так было клево пристроил на крышке – тулуп прям как живой сидел. И поволок тяжеленного помпу в надстройку, в лазарет.

1998

Следопыт с «Голубого чилима» (Рассказ, который нашёл меня сам)

«Голубой чилим» – это кликуха такая у судна, на котором нет ни одной женщины. Прошу пардона у нежных ушек и глазок, но в гулаговской стране куда ж от «фени» денешься? А впрочем, попробую все же деться...

Идём мы на контейнеровозе «Новиков-Прибой» в Австралию. Я пассажиром иду, в командировку. Капитан любезно поселил меня в лоцманскую каюту, рядом со своей. Все прекрасно, прошли сегодня Новогвинейское море, вошли в Соломоново. Вчера было крещение экваториальное – праздник Нептуна. Пройдя все наши дальневосточные рыбацкие моря, отдав флоту четверть века, я оказался однако в списке «салаг», так как никогда не пересекал эту самую длинную линию Земного шарика. Кроме меня на судне оказалось еще двое «салаг» – матрос-уборщик и электрик. Уборщика все зовут Андрюхой, двадцать два годка ему, нормальный парень, симпатичный и без комплексов. Но вот беда: хоть убирается он до подъема экипажа, все равно его «достають» морскими подколками, вечными на флоте, как само море. Есть на судне, естественно, и кок, и буфетчик. Вот всем троим и достается: ха-ха, мол, уборщица, да ты ж у нас милашка, будем вас вместе с поварихой и буфетчицей *иметь* в виду!..

Андрюха – паренек обидчивый. Может быть, думаю я, и обиженный крепко в недолгой своей, но Бог знает как, где и с кем прожитой жизни. За свое мужское достоинство, как видно, постоять умеет. И работу свою, понятно, ненавидит. Сидит как-то на юте, сибаритствует – в шортах, голый до пояса, ноги раскинул, отвалился на спинку стула, подставил экваториальному солнцу лицо и живот. Увидав меня и не меняя позы:

– Вы в лоцманской живете?

– Я, – и я невольно подхожу к сидящему поближе, чтобы выслушать, «чем обязан». Почти не шевельнувшись, лишь чуть поворотив в мою сторону голову, он строго, недовольно мне выговаривает:

Там возле вас дверь на палубу, так вы в нее не ходите...

Почему? – я буквально ошарашен.

Да вот так, не ходите. Через нее и капитан не ходит. Я же вижу: там только ваши следы...

Я уже почти виновато бормочу, что не мои вроде, во всяком случае не только мои, что я двадцать пять лет на флоте, что живу, ясное дело, я понимаю, не в конюшне...

На следующий день Андрюха пришел уже прямо ко мне в каюту. И прямо с порога:

Ваши следы опять. Я же говорил вам...

Да тут кому не лень ходят, я-то вижу! – Возмутился я. – И мой сосед в том числе, кэп. Это может, тот не ходил, который был до него...

И вот в туалет на этой палубе, – Андрюха будто не слышит меня, – никто кроме вас не ходит. У всех, кроме лоцмана, туалеты в каютах есть.

Лоцманская действительно маленькая, единственная из комсоставских кают без гальюна: зачем он лоцману, который обычно два-три часа всего проводит на судне, да и то в основном ведь на мостике.

Однако я уже пришел в себя и вижу, что акселерат буром прет, по-суворовски: лучший метод защиты, мол, нападение.

Ты уже задолбал меня, – говорю, – нравоченьями своими. В этот гальюн ходят твои корешки – вахтенные матросы с «моста».

Нет, – упорствует Андрюха, – никто, кроме вас, не ходит.

А грязь в том гальюне (он, змей, еще его и туалетом величает!) в самом деле кошмарная.

Ходят, – упорствую и я, – сам видел! И грязнющие следы оставляют.

Вот в том-то и дело, – бойко подхватывает мой Андрюха, – что это ваши следы. Я сам удивляюсь: как будто вы по машинному отделению ходили.

Да-а, – я уже улыбаюсь такой нервной улыбкой, – конечно, я специально хожу в машину, чтобы тут тебе потом работы задать... Я тоже, знаешь, удивляюсь вот чему: как это старпом с доктором до сих пор тебя носом твоим курносый не ткнули в тот гальюн, чтоб ты его помыл.

Теперь уже он не в силах сдержать улыбку, возможно, также нервную.

Дня через два капитан предложил мне провести литературный вечер. Я тут же согласился. И вот на вечере, после моего выступления, чтения каких-то там фрагментов, капитан говорит: давайте, мол, вопросы писателю-маринисту задавайте, не стесняйтесь. И первым задает вопрос... Андрюха:

О нас что-нибудь напишете?

Разумеется! – Тут же откликаюсь я. – С тех пор, как задуманы «Юморские рассказы», смешное само идет мне навстречу. Вот и на вашем судне... выхожу как-то на палубу, на корму...

И я рассказываю о нем, не называя его имени и должности:

И говорит, значит, мне матросик: не ходите, говорит, в ту дверь, потому что когда вы ее открываете, то меня, а у меня, говорит, каюта всю дорогу открыта, жарко ж на экваторе-то, меня с койки сдувает.

Гляжу, закатывается мой Андрюха, пополам сложился, за живот держится, но хохочет беззвучно, краснеет, бледнеет, что-то шепчет корешу в ухо.

Всё! Отныне мы с Андрюхой – тоже кореша, считай, почти что заговорщики...

2001

Натюрморт с тазиком икры (Рассказ таможенника)

Без малого двадцать лет оттрубил я на таможне. Считай, почти уже Верещагин. Девять граммов в сердце, постой, не зови...

Да, а первую свою загранкомандировку до смерти не забуду! Послало меня начальство в рейс на СРТМ⁴ – до Японии и обратно. Рядышком ведь, суток пять всего со стоянкой вместе. Но за эти пять суток я должен был изучить «механизм провоза контрабанды» – ни больше, ни меньше, ага...

Тот рыбацкий поселок славится в Приморье, его называют «пьяной деревней». Я приехал туда из Владивостока автобусом. Летний вечер, шикарный – в полнеба – закат над морем, еще гуляют по улицам гуси, тихонько подгагакивая. Хорошо так пахнет полынью и теплой дорожной пылью, не городской – деревенской. Вкусные для горожанина запахи. И – ни одного пьяного, ага, тишина.

У причала, рядком, чинно стоят СРТМы на швартовах. У кого по берегу зеленые сети кошелькового невода разметаны – укладка идет, на промысел собираются, у кого «кошелек» уже горой на кормовой площадке – готовы к лову. А вот и мой СРТМ «Резвый» стоит. Самый чистенький, свежеевыкрашенный, самый готовый, значит, в Японию. Присобачив мысленно букву «Т» ему к названию – в пику, значит, «пьяной деревне», поднимаюсь на борт. На палубе ни души. Захожу в надстройку. В кают-компанию натюрморт: стол накрыт простыней, на ней – тазик с красной икрой, ложка оттуда торчит, а рядом стоит полная, запечатанная бутылка водки. Матрос сидит, телевизор смотрит.

– Наливай борщ, кушай, – кивает на кастрюлю в углу стола. – А это не трожь! – Пальцем на тазик с бутылкой. – Это таможеннику.

Он, конечно, принял меня за своего. Я-то в штатском: цивильная рубашка, джинсы. А экипаж перед загранрейсом, как водится, пошерстили: кого-то списали, новых прислали, всех не упомнишь. Да и матросик, гляжу, ну не то чтобы зюзя, ага, но на «резвого» никак не тянет.

– А где капитан? – Спрашиваю.

– Дома! – Баском таким, с порцией презрения: дурак ты, мол, что ли, где ж ему быть ночью перед отходом?

– А старпом?

– Дома! – Порция презрения к «салаге» удвоилась.

Я понял, что надо как-то устраиваться до утра самостоятельно. На СРТМах, я знал, рядом с кают-компанией, с правого борта есть свободная обычно каюта. В ней, как правило, держат коробки с кинофильмами (видаков тогда еще не было), ну и пару мешков с мукой там, с крупой – на подхват, для камбуза, чтобы коку, значит, в провизионку лишний раз не нырять.

– Пошли, – говорю, – покажешь, где мне кости кинуть до утра.

И мы пошли. Подходим к той каюте, я только – за ручку, а мой матрос – за рукав меня:

– Н-нет!.. Сюда нельзя селиться... Т-тут мы контрабанду прячем...

Ага, и поселил он меня в каюту напротив, на верхнюю койку к радисту.

Но если по-честному, я ведь мог бы уже и не селиться. Рейсовое задание мое было выполнено.

1998

⁴ СРТМ – средний рыболовный траулер-морозильщик.

Светлый верх, тёмный низ, или Happy end

Г. К.

Боже мой, как у неё глазки загорелись, ну вот только что пеплом серым холодным будто подёрнутые, унылые, понурые...

Ему уже подумалось: тоска, тоска свинцовая, ничем такую не своротишь. И страсть-змея в ужа обратилась, жалостью заменяясь. Бабе тридцати еще нет, а губы привяли, как сорванные не сегодня вишни. Конечно, в барышнях бутонем бы цвела, а тут, у конвейера, по двенадцать через двенадцать часов рыбы хвосты метать – какая ж тебе вишня-черешня...

Он бережно, словно боясь прорвать тонкокожую вчерашнюю ягоду, сок чтоб не брызнул, с невольной нежностью поцеловал ее сначала в уголки губ, потом верхнюю, чуть вздернутую, взял в свои и, касаясь кончиком языка, туда-сюда провел и, словно нехотя отрываясь, перешел на полную нижнюю и занялся ею уже всласть... А вот когда оторвался и взглянул ей в глаза, то и увидел как раз превращение пасмурного, серого в солнечное, голубое. И смотрело оно, голубое, даже не на него, а вверх, на темный подволок. И детское удивление прозвучало в дрогнувшем голосе, глубоком, грудном:

– Господи, да я за всю свою жизнь столько ласки не видела!..

Он ответно удивился не меньше: Бог ты мой, да чем же это он так, ах ты ж бедняга, спятить можно, что ж ты тогда видела?..

Он наблюдал однажды цунами на Курилах. Это редкость, хоть и принято здесь твердить: у нас, мол, на Дальнем, такое не редкость. Можно прожить во Владивостоке, например, двадцать лет и – не увидеть. Он видел и запомнил, как напористая, хоть и невысокая, нестрашная волна вошла в узкую лагуну и слизнула с обоих ее берегов по лодке. Словно на одной веревке они были и кто-то за ту веревку властно так рванул и потащил, потащил. Лодки стремительно сошлись, стукнулись боками и понеслись борт о борт...

Так и они сейчас. Вчера еще пребывали на разных берегах, казалось, далеких, несоединимых, да и как вообще берега могут сблизиться? «Мы с тобой два берега у одной реки...» Он – учитель русского языка и литературы, школьный работник, шкраб, а она – промысловая рабочая на плавзаводе, рыбоукладчица, *пром*. Ну, что общего?! Откуда взяться этому шальному цунами? Кто переплел-перепутал нити их судеб?..

Нет, ответа не найдешь, а только Аннушка, как говорится с легкой руки Булгакова, уже пролила масло...

Эх, искупать бы ее не в замыганном судовом душе, а в душистой ванне, белопенной, какие в рекламных роликах кажут, а потом умастить мирровым маслом, как Суламифь, да ей бы цены не было, думал он, нечаянно вдохнув неистребимый запах тука, кормовой рыбной муки, то ли от ее рубашки, то ли из приоткрытого иллюминатора. И жалость завладела им победно, волной приливной затопила душу. Он бережно, как девочка с любимой куклы, снял с нее рубашку и положил на стул, на платье, из которого она выскользнула сама, прежде чем лечь с ним на диван. Вроде бы только что это случилось, несколько минут назад, но было еще не так темно, как сейчас, и ему запечатлелось, как она, гибкая, крепенькая (ну да, по двенадцать часов вкалывать), ловко, в момент, освободилась от платья.

Старпом со своей «невестой» лениво возились на койке. Со шлюпочной палубы, ботдека, косо падало через иллюминатор светлое пятно и лежало на столе овалом-блюдом. Плафон на ботдеке, измазанный солидолом, подслеповат, но рядом с этим золотистым блюдом все же можно было разглядеть убогие тарелки с недоеденным закусоном и недопитые бутылки. Короче говоря, мерзость блуда. Так называл это Рерих...

Несчастный шкраб, ты прожил на свете тридцать шесть лет, больше десяти из коих вбухал в наробраз. Может быть, в самое дурацкое время как раз и вбухал: недостройка – перестройка – школьные реформы. Так называемые. Если б настоящие!..

Да, если б настоящей вообще была жизнь у нас, вот тогда была бы жизнь! Немужская зарплата, засилье бездарных теток в школах, ни в чем при этом не виноватых теток... Да, все ненастоящее – зарплата, призвание, даже вина, а дальше – и учеба липовая, и аттестат зрелости, и уж само собой – «молодые строители коммунизма», того самого, «бесами» придуманного.

Я помню чудное мгновенье...

Как мало настоящих поэтов в школьной программе, поэтов, писателей, драматургов! Лет пять уже как печатают в стране настоящие, в самом деле волшебные стихи Волошина, Мандельштама, Гумилева, чудо-прозу Набокова, а в школах знай себе *закаляют сталь*...

А ведь она, Алка, настоящая, искренняя. У нее ведь вырвалось, да, из самой души это вырвалось: *за всю свою жизнь столько ласки не видела*...

Чудное мгновенье! Ну кто, когда еще так восхищался им, шкрабом, во всей его нескладухе-жизни, кто?! И кому и так вот легко мог он дать столько радости?..

Ах, как забывчивы бываем мы, нечаянную радость встретив. Валерий Марленович десять лет прожил с женой, влюбившейся в него без памяти десятиклассницей, нецелованной, восторженной. Не вдохновлявшей его лишь в постели (это немало, но и не так-то много) и ревлившей. Что их в конце концов и развело. Ведь он преподавал в старших классах, вот жена и вешала на него всех десятиклассниц, таких-сяких бесстыжих. «На свой аршин!» – отстреливался он, хотя у самого рыло было в пуху.

Ах ты ж, десятиклассница моя (старпом их так знакомил: «Твоя будущая десятиклассница»), тело у тебя действительно девичье, вот только прижимаешься ты как-то театрально, что ли, и даже чуть истерично. В чем дело, зачем ты играешь не себя? Или выпила лишку?

Она и в самом деле за столом повела себя с лихостью переодетой героини «Гусарской баллады», громко возглашала тосты и демонстративно осушала до дна пузатенькую рюмку из старпомовского набора, топила в ней целомудрие, глушила в себе стыдливость. И преуспела. И лишь вот этот налет истеризма выдавал ее с головой. Казалось, безнадежно положительная, хоть сейчас ей визу на заграничное плавание ей открывай, ударница, мужняя жена, она бухнулась, как в омут, в эту случайную компашку, в «мерзость блюда» и продолжала глушить сейчас свое отчаяние громкими, явно на публику, аффектациями:

– О, какой же ты нежный! Мать моя женщина, как ты меня раздеваешь приятно, Валерик! Ва-ле-рик...

Не выпуская из объятий, он повернул ее набок, расстегнул на спине пуговицы (не застёжки, не крючочки – кондовые пуговицы), освободил ее тяжеленькие, литые груди, продолговатые, козы, как определяют их знатоки, и с удовольствием занялся ими. Ласкал неспешно, умело, ничего не скажешь. И она, уже готовясь отплыть на теплых струях тропической реки, ощущая спиной их текучий шелк, на дорожку еще комментировала, «выступала»:

– Ах ты лизун какой... хороший. Господи, да разве ж такому можно отказать? Нет, не сыскать такой бабы, чтоб сумела устоять перед тобой. Всё! Всё, я тебя уже хочу...

Старпом с «невестой» завозились активнее. Алка вдохновила и их. Ну а его-то давно. Он свел ее козы грудки вместе, – это был его «коронный номер», – и оба сосца взял губами одновременно. Она выдохнула томно, притом уже совершенно естественно, не наигранно. Боже, как давно с ней не бывало такого, целую вечность...

Замуж она вышла ровно в двадцать, подумать только, восемь лет прошло! А впрочем, не восемь, а все восемьдесят, да... Она досталась ему невинной, он тоже был не из гуляк. Это потом уже, потом он загулял. Нет, не по бабам – по вину. От безысходности пролетарской. Как кто-то сказал однажды: *пролетарий – это от слова «пролетать», то есть сколько ни вкалывай, а всё в пролёте*. Ни на квартиру, ни на дачу, ни тем более на машину, хоть лопни, не заработаешь. Вот он и начал трескать водку, как говорят его братья-слесаря с судоремзавода. Но они занимались этим смолоду (пролетарскую честь берегли), а он-то, непривычный, в разнос пошел. А ей каково? И так-то неласковый, молчун, а ныряя в бутылку, становился грубым, невыносимым, в постели особенно. Будто с железом, с дизелем каким расправлялся. И вдруг ревнивцем еще стал: не так да не туда смотришь, голову, гляди, отверну. И поколачивать начал.

Решили переменить судьбу, вместе пошли в море. За деньгами пошли. В перемену судьбы, может быть, уверовал только он, она – нет. С водкой на плавзаводе оказалось похуже, чем на берегу, зато браги – залейся. Она пять, нет, шесть кают знает, где живут браговары и где его всегда можно найти после смены. Судьба, как лодка без руля и ветрил, несла их явно на скалы. Оставалось лишь вовремя сигануть за борт...

Как у нас ломаются судьбы: нелады на работе – в школе, особенно когда директор – воинствующая дура (князь Потемкин о Екатерине: «Не приведи Бог под бабой ходить!»), да плюс скандалы дома, вот и хватит. И шкраба сорвало с якорей. А куда? Его коллега, тоже *язычница*, русский преподавала в младших, любила и отменно умела готовить, на пикниках была незаменима. Поваром в любой ресторан бы взяли. А нынче-то и спрос: кабаки что грибы растут, нэп ведь. Пригодилась бы кооператорам и историчка, зарывшая талант портнихи в хронологическую пыль. Видно, зубрилой-отличницей была, знала даты назубок и из детей выколачивала только это. Да, язычница и историчка себя найдут. И школа ничего не потеряет. А вот ему куда податься?

Так и оказался шкраб в море, на плавзаводе, заведующим УКП ЗШР, учебно-консультационным пунктом заочной школы рыбаков. И с ходу, с лету – в балдеж, вот ведь как бывает...

Вдохновение у старпома, как отметил Валерий, выдохлось скоро.

– Ну, чего же ты? – С досадой, впрочем благодушной, упрекнула его «невеста».

– Давай поспим, а! – В вопросительной вроде бы форме, но вполне приказным тоном, как говорят рулевому: право на борт, негромко скомандовал старпом и засопел, устраиваясь.

Много позже все объяснится очень просто: старпом с «невестой» уже вторую путину, больше года жили вместе. У Валерия же с ним был общий знакомый на берегу, который передал через него «пьяную посылку» старпому, как водится у старых морских волков. Так и очутился новоиспеченный зав УКП в старпомовской каюте *на прописке*. И учебно-консультационный процесс продолжался.

К сожалению, несчастный шкраб увлекся. Несегодняшние вишни губ налились, как сегодняшние, словно даже и не сорванные еще. А он эту слабость за собой знал – лобызаться. И как только сочные девичьи губы попадались ему, оторваться – даже для более важных дел – долго не мог. Вот и сейчас...

Вообще-то он не так уж и избалован был вниманием десятиклассниц, как то казалось ревнивице жене. Худощавый, среднего росточка, заметно уже плешивый, он отнюдь не воспламенял аппетитов. Другое дело, что знал он вроде бы «слово петушиное», и кто сошелся с ним близко, расставались обычно с трудом, со слезами. И он, зная себя как потайного бабника, осторожничал с новыми знакомствами. Но тут, благодаря широкому морскому гостеприимству, усугубленному еще и посылкой, тормоза как обрубил. Алку, и без того нетрезвую, зацеловал он допьяна, зацеловал, заласкал, ну и, едва овладев, спекся. Она тоже не отстала, но... Ох, это коварное «но»! Она, во-первых, истосковалась по любви «за всю свою жизнь», а во-вторых, моложе ведь его на десять лет. Да, и когда он – на заслуженный

отдых – отвалился спиной к переборке, она чуть не сразу стала ласкаться снова, прижалась к нему вся и так трогательно, благодарно поцеловала его в губы, таким целомудренным, детским поцелуем, что он ответил ей искренно и снова увлекся, и ему показалось, что уже воскрес из-под пепла огонь. Целомудрие и порок, видно, подвержены мощному взаимному притяжению. Но пепел, как это бывает при свежем дуновении, всего-то осветился на миг изнутри, огня не было, потому что нечему было гореть, увы. И она, уже созрев и перезрев под его ласками, от усталости еще более протяженными, не видя естественного их продолжения, такогожданного и желанного, опять встала на котурны и громко возмутилась, едва не разбудив старпома с «невестой»:

– Ты импотент, да? Боже мой, ну да, ты, видно, импотент!

Он закрыл ей рот поцелуем.

Привычная к грубому, оглобельному примитиву, она делила мужчин на жеребцов (кобелей) и импотентов, зная о последних понаслышке. И вот, пожалуйста, неожиданная возможность воочию, на живом примере убедиться. Ну и как же тут удержаться от «эврики»!

А все равно, все равно – у нее даже и это мило получается, подумал он и простил ей незаслуженное оскорбление. Простил за то, первое ее восклицание: «Господи! Я за всю свою жизнь...»

Красивая женщина, молодая, безвременно вянущая без ласки, скаковая лошадка, загнанная в стальную коробку цеха, прикованная к вороту-конвейеру, что она действительно хорошего видела в жизни? За что ей судьба такая?..

Ну да, продолжал размышлять в устоявшейся тишине шкраб, *з а ч т о?* За что дети в стране тоже ничего хорошего в детстве своем, то есть опять же «за всю свою жизнь», не видят? За что им вместо высокой поэзии и глубокой прозы подсовывают жвачку, припитанную ядовитой эссенцией идеологии? И в ту пору, когда душе человеческой положено отращивать крылья, они, бедняги, не видя света, тычутся слепо, шарят вокруг и расползаются на ощупь по норам-подвалам.

Светлый верх, темный низ – вот они, эстетические максимы, на которых растили и его, и он теперь должен растить. Одинаковых, похожих растить, стереотипных, удобных.

Светлый верх, темный низ – так, по каким-то неписаным (а может, писаным?) законам требовалось одеваться в торжественные дни: белая рубашка (девочкам – блузка), темные брюки (юбка). Так же были «одеты» и дома в городе: светлые, беленные стены и – черный, креозотово-вонючий, в лучшем случае мышастый, «под барашек», цоколь. И это, в общем-то, было неглупо, казалось даже мудростью: при наших-то «жидких асфальтах» и брюки, и цоколи забрызгать – раз плюнуть.

Светлый верх, темный низ – клятый, в мозги вдолбанный канон. Светлый верх – это второй этаж двухэтажной школы, ярко освещенная учительская, средоточие воспитательного садизма. Темный низ – подвал, жизнь, хоть и давящая сводами, а – вольница, пускай убогие, но – радости!..

Что она в самом деле видела, кроме убогого «удовлетворения» с пьяным мужем? Белая рубаха, черные штаны, иного не дано, черно-белый, бесцветный мир. Бескрылый мир. Бедная, бедная, бедная!

Рожденная жалостью теплая волна нежности медленно заполняла его существо. Он даже ощутил невесомость в руках и легкий, бесподобный зуд в кончиках пальцев. Они казались ему наэлектризованными. Он провел ими по ее лицу, шее, плечам, по козым грудкам и дальше по телу, и она замерла, приятно парализованная его электричеством. Тело ее напряглось, и это напряженное, как перед бурей, затишье ответно передалось ему приливом силы. И он, уже впиваясь в нее, перед тем как взлететь на гребень страсти, успел подумать с сарказмом: Валерий Марленович, вы достойный сын своего отца, не зря же носившего в имени своем Маркса с Лениным, вы очень последовательно идете от максимума к мини-

муму. Раз уж не сумели приобщить учеников к сокровищам мировой литературы, то приобщайте теперь хоть так, хоть к этому искусству...

Алкиного мужа спишут вскорости на берег за пьянку. А на плавзаводе родится еще одна крепкая морская семья. Говорят, такие семьи устойчивей береговых.

Ну, чем не хэппи энд?!

1991

Айболиты

*В таку-у-у-ю шальну-у-у-ю пого-о-о-ду-у нельзя доверя-а-а-ться
врачам!..
Из песни*

Рассказ первый. Терапунька

Рыба, известное дело, ищет где глубже, а флагмана – где лучше. На промысле минтая в Охотоморье – вавилонское столпотворение: полно старых, перхающих во все дырки плазаводов, пэээ, и новеньких – муха не сидела – плазбаз, пэбэ...

И вот мы подходим на мотоботе к высокому, мышастому, издалека уже вонючему борту пэээ, поднимаемся лебёдкой в пересадочной «корзине» и так вот навеки, то есть на всю путину, воцаряем здесь штаб промрайона. Рядышком благоухают пластмассой и лаком пэбэ из новостроя, там даже тараканов ещё нет, там не разбиты ещё раковины и унитазаы, там чистенько и уютно, но – нет, нет – мы поселяемся на ржавом пэээ, насквозь липком, как лента для мух. В чём же дело? Может, эта лента мёдом намазана, а?

Представьте себе, отгадка именно в этом. Она проста, как разгадки самых хитрых, кажущихся неразрешимыми загадок. На дряхлых пэээ хватает крыс, тараканов и даже мух среди зимы, в каютах до дыр протёрты полы, продавлены койки, да и кают-то на всех не хватает. Зато на всех, даже на гостей, а тем более на ув-в-важаемых гостей – флагманов, от которых на промысле можно поиметь немало всяческих благ, как то: рыбу-сырец во дни проловов, топливо при острейшем его дефиците, внеочередной транспорт к борту для отгрузки готовой продукции, переполнившей трюмы, льготное снабжение и т. д. и пр. и др... Ах, простите, я забыл закончить мысль о том, чего же это такого-этакого на всех хватает на этих мерзких пэээ, где в цехах плещется под плитами настила вода вперемешку с рыбьей чешуёй и кровью, гуляют гиблые сквозняки и нечеловечески воняет утиль-цех, в просторечье «утилька». Ну вот, опять не получилось закончить мысль. С этими пэээ только свяжись – как муха в меду увязнешь. А причина, я ж говорю, не бывает проще. И короче всех её сформулировали французы: шерше ля фам, ищите женщину.

Так вот на пэээ их и искать не надо, они сами вас найдут, если вам не больше семидесяти, чего в море не случается. Дело в том, что укладывать рыбу в консервную баночку не как попало, а «розочкой», до недавнего времени умели лишь тонкие женские пальцы. Вот и состояли экипажи пэээ наполовину, а то и больше, из прекрасного, богоданного, а в море особо ценимого пола.

Ох, нет, заврался. Впрочем, флагманами – да, ценимого, даже очень. Среди нашего брата и коллекционеры есть, вроде энтомологов, накалыватели бабочек. «Прекрасный пол» – выражение не для пэээ, от него гусарством за милю несёт. Женщины тут, влезая в робу, превращаются в баб, а многие вскорости – и в мужиков. Идёт суровый естественно-противоестественный отбор: женственность отступает, не выдерживает. После первой путины немало девчат списывается на берег. Немало их и на промысле приходят к капитану, останавливаются в дверях его каюты, выставляют перед собой красные, в язвах, руки и плачут. Но с промысла их не отпускают практически никогда. Судовые врачи разделяются с болячками похлеще военкомовских, которые при недоборе хромым да слепым лепят не глядя: годен, годен. Сайровый дерматит и прочие аллергии водоплавающие айболиты лечат припарками к пяткам. Пэээ – наверное, единственные в мире суда, где в штате лазаре-

тов есть гинекологи. Они и лечат, и калечат, один день в неделю выделяя обычно для аборт-ов. Эта операция в «жидкой валюте» оценивается в две поллитры.

Поселили меня как раз в лазарете. В пустующий изолятор. Главврач, терапевт, мини-атюрненькая симпатюлечка в белом халатике, годков так тридцати, не шибко жаловала квартиранта. Меня это гнобило, и я старался жить тишком, тенью скользя по лазаретным коридорам. Но это, похоже, ещё больше раздражало милую Терапуньку. Так прозывали её в комсоставе. Причина её неприязни ко мне проявилась быстро.

В лазарет то и дело заходили девушки с жалобами на нездоровье и, как правило, после недолгих и почти неслышных (из-за меня!) переговоров с дежурным врачом или с самой Терапунькой вылетали со свистом. Порой и с художественным.

Косишь, милая, косишь, я-то вижу! Здесь этот номер не пройдёт.

Ага, и я вижу, что здесь не врачи, а коновалы собрались...

– Ступай работай. Вот понабрали лодырей...

– Это мы-то лодыри?! Ах вы, суки холуйские, вы тут, в «белом доме»⁵ е... сь с конь-составом, а мы там, внизу, в цеху вонючем, на вас ишачим, гниём заживо, а ты мне такое в глаза... совести хватает!..

Бах стальной водонепроницаемой дверью, и – тишина. Ненадолго, всего лишь до следующей заложницы длинного морского рубля.

– Дайте мне, пожалуйста, освобождение. Хоть на три дня – руки подлечить. Дайте, ну пожалуйста, я больше не могу, вы ж видите, короста сплошная...

– Ох, милочка, если б мы всем освобождения давали, работать на плавзаводе было б некому.

– Ну хоть на день дайте, на один денёчек, а...

– Не можем мы, милочка, не имеем права, понимаешь?

– Да у меня ещё и воспаление придатков, я вся простужена. Как я смогу детей рожать?!

– Тише, милочка, тише, тут у нас мужчина живёт. А гинеколог после обеда будет. Придётся к нему, может, он тебя и освободит.

– Да! Как же! Освободил уже! Придатки у всех, мы все в цеху больные. Вот уж действительно, дуры вербованные, правильно нас называют!.. Ладно, хоть мази какой дайте. Ну как вот такими руками ещё и работать?!

И – слёзы, рыдания. И снова – стерильная лазаретная тишина. Только слышно, как вода шуршит за стальной обшивкой борта. Машина-то в корме.

Когда она мне до смерти обрыдла, эта шуршащая лазаретная тишина, я пересел на траулер, сдававший на пэзэ рыбу, и пошёл по флоту с проверкой техники безопасности, в чём моя флагманская работа и заключалась. Для рыбаков те проверки – ещё одна лишняя заморочка, потому что «учёные» рекомендации флагмана – заземлить, к примеру, насос или стиралку на старом, ржавом «корыте», готовом вот-вот утонуть – это те же припарки к пяткам в третьей стадии сифилиса. Когда враньё много лет сверху донизу пронзает страну, строящую пещерный коммунизм, тогда всякие *антимонии* вроде подлинной охраны труда и настоящей ТБ ищите лишь в самых верхних пещерах – в Кремле, Мавзолее, на ВДНХ. Вот, а мне доверили эти поиски в «местах не столь отдаленных», за десять тыщ км от москвов да ещё и посреди Охотского моря. Чистой воды лицемерие. А весьма гармоничной, надо признать, смесью лицемерия и ханжества наполнилось в те годы чуть не всё вокруг нас, а главное – и сами мозги наши. А может быть, даже и души. За что и страдаем нынче...

Неделю я прыгал с борта на борт, с судна на судно, извёл пропасть бумаги и вернулся на пэзэ, в «свой» лазарет. Покорпел в тиши и родил чиновный «Отчёт о состоянии охраны труда в промрайоне». Одним махом отработал несколько зарплат: свою и начальства бере-

⁵ «Белым домом» величают на судах носовую надстройку, обитель комсостава.

гового. Сейчас отправлю простынного формата радиogramму, и машинка завертится, пойдёт писать губерния: отдел ТБ главка мою «простыню» размножит и разошлёт по отделам министерства, судовладельцам, в профкомы и месткомы, в редакции смертельно занудных бюллетеней и т. д. Покатится, покатится с горы бумажный ком...

Начальник радиостанции, крепенький такой мужчинка сорока годков, уверенный в себе (как же, он же хранитель всех-всех судовых секретов, текущих через эфир), в то же время балабол с претензиями на юмор, как большинство «коньсостава» на пэзэ, взял «простыню» и артистично отвалился на спинку кресла, зажмурил глаза: ну и ну, мол... Я подождал, пока он «очнётся», прочтёт радиogramму – нет ли вопросов по тексту, и услышал только один вопрос:

– А наш плавзавод вы тоже будете проверять?

– Обязательно.

– М-м, – и озадаченно-юморной, с прищуром взгляд поверх очков. Этаким, знаете, с далёким, одному ему видимым прицелом. – Угу...

Вот так и бывает: одно-два чревоугодных междометия – и чья-то судьба решена. Бойтесь, друзья, междометий власть имущих, к коим следует относить и хранителей важной информации.

Через пять минут в радиорубке должен начаться промысловый радиосовет, ежеутреннее и ежевечернее действие по решению одних и нагромождению других проблем. Половина их неразрешимы, как, например, проблема санаторно-курортного лечения женщин посреди Охотского моря. Пять минут перед этим бестолковым толковищем мы, флагмана, деловые такие, курум на палубе, под дверью рубки, по-тюленьи подбрасывая носами полосатый мяч:

– Чё, Трал, – цепляют флагманского тралмастера, – поспать не дали?

– Да вот Маслопуп, – механик, значит, – до утра тётку кочегарил, а утром, змей, хватает: пять вагонов разгрузил. – Невыспавшийся Трал, которого поселили в одну каюту с сексуально озабоченным коллекционером, трёт глаза.

– Пять вагонов? На Гиннеса тянет. Слушай, а это он не ту рыженькую, у которой придатки воспалились?

– Да, с придатками. Жалилась ему. Только не рыжая, а чёрная...

После промсовета спускаюсь в лазарет, и прямо в дверях меня столбняк хватает: Терапунька с порога широко, на все тридцать два, улыбается мне. Именно мне, я оглянулся, за мной – никого.

– Простите, пожалуйста, вы не могли бы минут десять погулять?

– О да, конечно! Разумеется! Что мне стоит, – я заморгал, зажестикировал и попятился. Аборт, наверное, делают какой-нибудь рыженькой. Или чёрненькой...

– Вы только не подумайте чего-то там, – и очень такой, знаете, эскулапочно-проницательный взгляд. – Мы у вас в изоляторе производим кварцевание.

– О да, я понимаю, я нарушаю тут стерильность, разносчик, так сказать, этой самой инфекции. В общем, заразы...

– Н-нет, – она непререкаемо и в то же время женственно склонила набок головку (у меня внутри сразу что-то отмякло), – это чистая профилактика. Для вашего же здоровья! Это ведь ультрафиолет, солнышко. В море, особенно в этих высоких широтах, его нам не хватает. Дефицит.

– Д-да, – я застыл-застрял в дверях, – всем нам здесь многого не хватает.

– Да, Олег Борисович, кстати...

Господи, она и имя моё, оказывается, знает!

– Заходите, – Терапунька посторонилась, и мне даже показалось, ручкой сделала. – Пойдёмте. – И пошла в перспективу длинного лазаретного коридора. Я за ней. И на ходу она не умолкала:

– Вы изрядно кашляете. Я слышала. Мне нужно посмотреть вас... Нельзя пренебрегать своим здоровьем... Вот мы сами себе – враги!..

Пришли. Но не в кабинет дежурного врача, где обычно ведётся приём, а в процедурную, огромное по судовым меркам помещение, но уютное, залитое ровным матовым туманом ламп дневного света, спрятанных в плафоны, похожие на НЛЮ. На мощных чугунных фундаментах, привинченных к полу, высились жирафы разных целебных ламп, в дальнем углу, накрытый белой попоной, пригорюнился бегемот-трансформатор (ну, знаете же это: советские микрокалькуляторы – самые крупные в мире!), а шарнирное кресло с приспособлениями для вибромассажа, словно мама-кенгуру, присело и оттопырило свой безразмерный карман.

– Раздевайтесь, – приказала Терапунька. Впрочем, явно умягчённым тоном.

«А вы, доктор?» – невольно вспомнился анекдот из медицинской серии. Но вслух я только сопел, стягивая с себя тесный, как смирительная рубашка, свитер. Терапунька взяла меня за руку (я окончательно размяк), повлекла к белому столику с тонометром и никелированными железками в стакане, повернула к себе спиной и методически зацеловала вздрагивающую по-лошажьи спину мою прохладным кругляшом стетоскопа.

– Дышите... не дышите, – выдыхала она, – так, хорошо, повернитесь... Курить бы вам бросить...

Когда она развернула меня лицом к себе и принялась нежно целовать мою грудь уже согревшимся об мою спину кругляшом, при этом так пристально в меня вслушиваясь, я, грешник, возжелал её. Золотоволосая малышка, Господи, до чего ж они трогательны, твои маленькие грудки, дышащие там, под халатиком. А плечики, умилялся я, совсем девчоночьи. И вообще, Терапунечка, вся ты такая мини, такая беззащитная, так хочется взять тебя под крыло, прижать к груди, как котёнка, как птичку...

– Ложитесь на кушетку. Лицом вниз.

Я выполнял её команды с солдатской чёткостью и с удовольствием. Я млею от прикосновений её детских пальчиков.

– Так больно?.. Не больно?.. А так?..

Господи Боже мой, птичка-синичка прыгает по моей спине и такое спрашивает. Если она сейчас перевернёт меня на спину (аж похолодело в груди), она же сразу увидит, как я её хочу...

– Повернитесь, пожалуйста, лицом вверх.

О, если б только одним лицом! Но ничего, ничего, слава аллаху, пока я ворочался, боеготовность моя опала, и я подставил Терапуньке грудь и печень, желудок и селезёнку.

– Так, печёночка у вас, Олег Борисович, увеличена.

– Чего ж вы хотите от флагманских специалистов, злоупотребляем-с, однако. Но вы знаете, – разошёлся я, – всё ведь в сравнении познаётся. У моего начальства печень – по рангу – в два раза больше, и ничего.

– Пэрикулюм ин мора, – изрекла Терапунька, и я от «мора» вздрогнул, но она тут же перевела: – Опасность в промедлении.

– Мemento мори? – Вопросил я.

– Мemento витэ! – Парировала она. – Помни о жизни!

Потом я долго лежал под тёплыми лучами соллюкса, и всё это время Терапунька меня не покидала, рассказывая о великой пользе этой и других солнцезаменяющих лампочек, а также о необходимости этого *витального* облучения для всех рыбаков.

– А вы могли бы, допустим, по радио передать ваш опыт другим плавбазам и плавзаводам?

– Квантум сатис! – Воскликнула она. – Сколько угодно!

На следующий же день Терапулька принесла мне текст радиолекции о светолечении. Я его одобрил, и вечером мы вместе с ней вышли в эфир. Начальник радиостанции лично, не доверив никому из радистов, настраивал для нас аппаратуру. Чтобы никто нам не помешал, он закрыл дверь радиорубки на ключ, усадил Терапульку посередине между нами, сам подносил ей микрофон прямо ко рту и нажимал кнопку. Лекция – целых три страницы ровным, как молочные зубки, убористым терапулькиным почерком – лилась и лилась. Я чуть не задремал. Плавзавод слегка скренило на зыби, и мой карандаш скатился со стола. Я бросился за ним и узрел с тыла, совсем того не чая, как свободная от микрофона рука начальника жмёт совсем другую кнопку, то есть не кнопку, а попку. Да, попку Терапульки, вдохновенно читающей на всё Охотоморье свою лекцию...

Соллюкс и синий свет, электрофорез и электромассаж, витаминные уколы и пространственные радиолекции о вреде курения и внематочной беременности, консультации по охране труда мужчин, женщин, гермафродитов и детей, – всё это стало теперь моим самым настоящим распорядком дня. И я, возможно, сжился бы с ним, смирился, если б не каждодневное – по часу, притом как раз после обеда, когда все уважающие себя флагмана «адмиралят»⁶, трижды мною проклятое кварцевание изолятора.

В конце концов Терапулька своего добилась. Не вынес я и перебрался с этого гостеприимного выше высшей меры пэзэ на ближайшую пэбэ.

Много позже, вернувшись с промысла, на берегу уже, узнал я от наших флагманов, что начальник радиостанции, шутейник великий, разыграл свою зазнобу Терапульку (кстати, в народе, в *промтолге*, у неё другая кличка была – Карликовый Пинчер): мол, я специально командирован на их пэзэ для негласной проверки медслужбы... Ну в общем, Гоголь, «Ревизор» – современный морской вариант...

Рассказ второй. Ад узум

Я. В.

Плавбазу я себе подбирал по самому простому принципу – знакомства. На этой пэбэ трудился старинный моя приятель Вася Романов, джентльмен полнонаборный: поэт, бретер и ловелас. Айболит по профессии, он заведовал здесь лазаретом, но плавбаза – не плавзавод, народу тут вдвое меньше, и потому работа у него была, что называется, мечта поэта. Или – не бей лежачего. Но это не о нем. База четвертый месяц находилась в рейсе, и запасы медицинского спирта испарились. А Вася, хоть и был он главным испарителем, никогда не пил *в лёжку*. Только *в стельку*. Ну то есть, доведя женщину до кондиции, стелил ей тут же, в лазарете, чтобы в каюте их «не вычислили». На пэбэ женщин без мужа или накачанного любовника встретишь нечасто. Посему поэт и ловелас, не будь он бретером, здесь бы просто не выжил. Васину мужественную физию украшали шрамы и бесшабашные лупастые глаза.

И вот мы встретились. И через пять минут сидим уже в рентген-кабинете за столом – не столом, а каким-то кожаным лежаком, поднимающимся на штативах. Сидим мы на также кожаных табуреточках, а на лежаке – горой пир: палтус заливной с янтарными кружочками морковки, золотисто-румяная корюшка-зубатка (такой крупной, с добрую селедку, нигде, кроме Охотоморья, в мире не сыскать), темно-оранжевые ноги здоровущего камчатского краба, отваренного в бочке с морской водой при помощи шланга с паром, ну и колбочка, разумеется, со спиритусом-ректификатом, надо полагать, последним, по каплям нацеженным из стеклянных закровов.

⁶ «Адмиральский час» – традиционный на флоте час послеобеденного отдыха.

*Временами хандра заедает матросов,
И они ради праздной забавы тогда
Ловят птиц океана, больших альбатросов,
Провожающих в бурной дороге суда...*

Вася читает мне стихи Бодлера и Цветаевой, Аполлинера и Багрицкого, я с удовольствием внимаю. Он именно читает их, а не декламирует – без завывания и надрыва, спешно проборматывая, словно боясь, что перебыют. Бормотанье, впрочем, ясное, вполне разборчивое. Это как ветровые волны, гонимые шквалом: они невысоки, они торопятся, бегут, порой и друг на дружку набегают.

У нас с Васей Романовым похожие моряцкие судьбы: имеем по разводу *за кормой*, наши сыновья растут без мужского глаза, без отцовского во всяком случае. И грустно все это. И берег не радуется, когда ступаешь на него. Мне это, может, еще как-то простительно: я в море чуть не с пеленок, а Вася ведь был очень береговым человеком, альпинистом даже был. И еще одно нас объединяет – нелюбовь к столицам. Хотя каждый отпуск точно бесы тебя кружат и непременно хоть на пару дней да завлекут в столичный град, в вавилонство его и помпейство.

Перед самым рейсом побывав в Москве, Вася возбужденно, горячо бормочет сейчас:

*Мои друзья по снежным перевалам,
По штормовым, по океанским баллам
Идут не к Зурбагану и не к Лиссу,
А твердыми шагами прут в столицу.
И – вспышка замыканием коротким,
И вдруг – разрыв страховочной веревки,
Они, теряя прежние приметы,
Как будто в типовой бетон одеты.
Где у живых московских манекенов
Глаза, как двери метрополитенов,
Не жгут врагов и близких не ласкают,
А граждан выпускают и впускают.
Я на поминках дружбы слезы вытру,
Не оскробляя словом неприличным,
В их честь «Московской» разопью поллитру
И закушу салатиком «Столичным».*

Ах, хорошо мне с другом! Но вот не умею я отдыхать и праздновать. Мне по гороскопу и по линиям ладони начертано в жизни одно: труд. И я лезу в такие дырки на Васиной пэбэ, где не только капитан-директор, но и матрос не побывал, и нахожу такие прорехи в ТБ, технике безопасности, которые, случись ЧП, смогла бы потом раскопать лишь экспертиза. При этом знаю загодя, что капитан, вместо благодарности, будет на меня коситься: мол, жили без инспектора покойно триста лет...

Заякорившись на Васиной плавбазе, я попутно проверяю добывающий флот, приписанный к ней: сейнера и траулера. Они подходят по утрам к ее высокому борту сдавать рыбу, я прыгаю к ним на палубу: оп-ля, вот он я, предьявите, пройдемте. В общем, получается игра в «полицейские и воры» (был такой то ли французский, то ли итальянский фильм). И чтобы закамуфлировать свое полицейство и стусевать их воровайство, приходится натужно юморить:

– Здравсьте, я ваша тетя, я приехала из Одессы и буду жить тут! Где журнал по ТБ?

– Вы к нам надолго?

– На всю оставшуюся... Да не бойтесь, до вечера, до следующей сдачи. А вы что, журналом тараканов бьете или чайник накрываете?

– Да нет, да это просто, видно, в иллюминатор на него плеснуло маленько...

– А, понятно. Я тоже кочегаром плавал, нам так давало, нас так штивало, что в трубу наливало, а в поддувало выливало. Ага?..

И начиналась инспекторская проверка на полдня. Чтоб отвязаться от инспектора быстрее, рыбаки старались в темпе заловиться и пораньше – на сдачу. Но плавбаза тоже теперь, не будь дурой, увиливала от «зачумленного» (мною!) сейнера. То у них «борт занят», то «мы на ходу», а то ипрямю в лоб: «Вези инспектора на другую базу, там и рыбу сдашь».

Перепрыгиваю с этого на другой сейнерок, уже идущий на сдачу, и – оп-ля. И мне неизменно радуется один-единственный на пэбэ человек – айболит Вася Романов. И неизменно же накрывает в мою честь лежак в рентген-кабинете. Но Васина самобранка, не скудея закуской, с каждым разом все ущербнее по части колбочки. Уже в ней не ректификат, а салициловый («Пей, брат, не бойсь, он безвредный, а в таких количествах полезный даже»), потом муравьиный («Не токмо пользительный, поверь мне, брат, но и вкусный»), за ним настойки в ход пошли и экстракты: заманиха, элеутерококк, календула и пр. и др. И мне уже начинает казаться, что обретаю я вторую профессию – фармацевта, овладеваю фармакопеей в совершенстве, и уже нет на свете такой *тинктуры*, то есть настойки на спирту, которой бы я *ад либитум*, то есть на выбор, не мог бы оприходовать, как говорит Вася, *ад узум* – вовнутрь.

Страна добивает последнюю в своей истории пятилетку, о чем, увы, мы не догадываемся, рыбопромысловый флот Охотоморья напрягает все человечьи и лошадиные своих экипажей и дизелей, соревнуясь промеж собой и с промэкспедициями морей Беринга, Баренца, Лаптевых и иже, как говорится, с ними. А мы с Васей маемся за всех за них сразу, каждый ведь третий тост – святой! – поднимая «За тех, кто в море». Сами-то мы тоже вроде бы в море, но и – в рентген-кабинете, однако. А это уже как бы и не совсем море. Вот и анекдоты на закуску пошли из медицинского сериала. Ибо и от стихов мы устали, и от тинктур, несмотря на их разнообразие. Прямо по Высоцкому: «А как кончил я пить – оттого, что устал...» Да и анекдоты, даже самые забористые и подзаборные, уже не смех вызывают, а смешок. Как пуля на излете, которая не наповал разит, а лишь синяк посадит.

– Случай Из Жизни! – Вася выкрикивает это, ткнув проформалиненный и прокуренный перст в низкий подволок рентген-кабинета. – Так, значит! Берег, больница рыбаков, финиш трудового дня. Застолье у хирурга – чьи-то именины. Врачи, медсестры, анестезиолог... и один посторонний, приятель чей-то.

– Что за бородавка у тебя на щеке? – Спрашивают у него между двумя стопарями.

– Да так...

– Бриться не мешает?

– Мешает.

– Щас уберем.

На стол его! Врубают аппарат – анестезию. Ну, надо ж подождать, пока пациент созреет. Между делом – еще по рюмке. Анестезиолог с медсестрой уединились. Хирург ищет, как же там отключается наркоз, найти не может. Какая-то такая «пипочка» на аппарате, да вот как ее найдешь, если не знаешь? Все рыщут по больнице, разыскивают анестезиолога. Анестезиолога нету. Пациент вот-вот даст дуба – от наркоза. Вскрывают грудину, делают прямой массаж сердечной мышцы. Наконец нашли анестезиолога, он «пипочку» нажал, все о'кэй. Пациента перекадывают на каталку везти в реанимацию, но при этом нечаянно (бывает) роняют на кафельный пол. Повезло еще – сломаны всего два ребра и бедро. Наутро приезжает жена и видит: нога у мужа – на гире, а бородавка – на своем месте...

На следующий день, точнее вечер (не зря же говорится: как ни бьемся, а к вечеру напьемся), Вася позвал меня в свою каюту. Не в лазарет, а в каюту, – что бы это такое значило?.. И не позвал, а пригласил – этак чинно, загадочно. Праздник у Васи какой-то, решил я. Магнитофон, мелодия Вивальди, Васиного любимца, привычный, хотя и бесподобный, аромат свежезажаренной корюшки и – самое удивительное – в центре стола большая, литровая бутылка с божественно прозрачной жидкостью. Кристалл, хрусталь растворенный!

– М-м? – Киваю на это чудо, округляя глаза.

– Камфарный спирт.

– Н-да? А что это за зверь?

– Применяется как стимулятор, – без запинки, как круглый отличник, выпаливает Вася, – а также отвлекающее средство.

– Так мы отвлекаться будем или симулировать?

– Стимульнемся, брат!

Налили по рюмке. Я нюхнул и «аж заколдовался» – в точности как ильфовский старик, нюхавший собственную портянку. Дух у спирта портяночным и был. Редчайшей разило мерзостью.

– Слушай, Вася, а его вообще-то пьют?

Вася как раз тоже нюхал свою рюмку. И ответил мне мимикой, которую стоит, пожалуй, разложить на множители. Нормальную реакцию носа на вонизм он задавил мощным усилием воли, устремленной к празднику души. Но не до конца задавил и чуток все же суксился, отчего детское недовольство собой (не выдержал экзамен на взрослого) смешалось на Васином лице с искренним удивлением мерзопакостностью напитка.

– Ты сам-то его пил?

Вася нехотя качнул головой – вполовину отрицательного жеста.

– Честно, брат, скажу: не пил. Но выпью!

Его решимость вдохновила меня. Я чокнулся своей рюмкой с его и выдохнул:

– Будем?!

Вася мужественно поднес к губам хрустальное зелье и... отставил рюмку.

– Нет, пожалуй, надо развести.

А я-то уже выдохнул. И так не хотелось вдыхать. Я любовался на свет растворенным хрусталем и не вдыхал, пока Вася не булькнул рюмку в стакан и не долил туда воды из графина.

– А-а-ах! – Вот какой получился у меня вдох. В стакане произошла мгновенная перестройка: хрусталь превратился в пахту, выпал чудный осадок – густой, чистый творог, ровно в полстакана! Осторожно, священнодействуя, точно лаборант, Вася слил жидкую фракцию обратно в рюмку. Муть. И даже не голубая. Ну, нетушки, я со своим хрусталем не расстанусь.

– Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман! – Прорекламиривал я. – Будем?!

Вася опрокинул в рот свою мутоту, я победно взглянул на него и в один глоток заглотнул свой хрусталь.

Веничке Ерофееву на электричке «Москва – Петушки» явно такого напитка «принимать на грудь» не приводилось. Я будто проглотил сразу двух вражеских снайперов. Они одновременно пальнули изнутри мне в оба уха. Я заморгал, оглушенный, зажмурился на миг, а когда открыл глаза, то узрел метнувшегося Васю – тень его. И не понял, куда это он и зачем. Но уже через секунду понял и, зажав одной рукой рот, рванул следом. Желудок сжался и, похоже, вывернулся, как у каракатицы, но выход наружу я ж ему перекрыл. Спасибо Васе, он распахивал передо мной двери, хотя одна рука у него также была при деле. От его каюты до борта – всего ничего, каких-то метров десять (может быть, это Васина предусмотрительность, подумал я, в рентген-кабинете мы бы опарафинились), однако сложность состояла

в том, что нужно было на полном ходу сделать поворот четко на 90 градусов, а скорость-то, скорость ведь близилась к критической. Стимулированный на всю катушку, на весь творог, выпавший в осадок не в стакане, а во мне, я чуть не обогнал Васю. К финишу, к борту мы пришли, считай, вместе. Ну и «под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди» дружно спели «Травиату» и вернулись в каюту, трудно дыша, как и положено после бурного финиша.

– Ад узум, ад узум, – ворчал я, вертя бутылку, – где тут написано «ад узум»? Хоть бы «ад либитум» написали! Коновалы, а не фармацевты...

Салициловый, муравьиный, камфарный... Опасаясь следующего *spiritus incognito*, я поутру попрощался с Васей и его пэбэ и перебрался на борт «бармалея», то есть БМРТ, большого морозильного рыболовного траулера. На промысловых судах нравы покруче, но зато там отсутствует широкий ассортимент «ад узум». Так я решил.

Виноватый и растроганный Вася подарил мне на прощанье книжку своих стихов «Залив Надежды» с таким автографом:

*Переступили мы морской порог,
Извели тайфун, циклон и качку,
Но хорошо б средь голубых дорог
Не заработать белую горячку.*

Увы, нет уже на этом свете моего друга Васи Романова, но книжка с его автографом лежит сейчас передо мной, и ее не стыдно показать любому поклоннику поэзии о море.

Мир твоей душе, дорогой друг!..

Рассказ третий. Садисты

А. Ш.

Боже правый, как же я ошибался насчет «ад узум» на преподобном «бармалее»! Преподобный, по Далю, «весьма подобный, схожий, похожий на что», далее же у Даля – о святости, что к «бармалею» никак не относится, будьте уверены.

В первый же день мы со старпомом пошли по судну в обход. Склоняя голову перед капитанами и считая, что место им, как полководцам, всегда на холме, то есть на мостике, я никогда их не тревожил без особой надобности. Но капитан-директор тут юморист оказался. И не просто юморист, а юморист-садист. Я запомнил его имя, несмотря на то что за путину знакомишься обычно если не с сотней, то с полсотней капитанов точно.

– О! – Воскликнул Виталий Ильич. – Аж из самого штаба промрайона! К нам!.. Чудесно! Старпом, поселить высокого гостя с максимальным комфортом и обо всех его пожеланиях извещать меня!

Старпом определил «высокого гостя» в Красный Уголок, на пухлый кожаный диван, фаршированный, как выяснилось позже, живыми тараканами, зато – прямо под портретами вождей, то есть последнего – кто бы думал! – Политбюро ЦК КПСС. На старых пароходах этих портретов (чуть не с военных лет) и тараканов – кишмя.

– Я хотел бы попасть в число сопровождающих вас лиц, – «высоким штилем» политбюровской эпохи заявил Ильич (так звали его на «бармалее»), узнав о моем «поползновении» сделать обход.

И мы пошли втроем. Я нарочно полез в мелочевку: заземление утюга в гладилке, маркировка «хол» и «гор» кранов в душевых. Чтобы капитан, значит, скорей заскучал и оставил нас. Но у него оказалось истинно матросское терпение. И оно было, о да, вознаграждено!

Как матросы в мороз и жару оббивают кирочками по сантиметрику ржавчину с необъятных бортов и палуб, так капитан терпеливо и молча следовал за нами в плотницкую, в каютерку, на камбуз, спускался в рефрижераторный трюм, узнавая, что у циркулярной пилы не достаёт двух зубьев, у картофелечистки сгорел мотор, а у «светил» (электриков) в мастерской нет аварийного освещения. Старпом все это заносил в блокнот, а я жалел, что из-за мощных судовых дизелей и вибрации корпуса скрип его пера не слышен капитану.

Я затащил «сопровождающих меня лиц» на самую верхотуру, в самое душное на палубе помещение обогревателей воздуха – калориферов, к тому же грохочущих своими крылатками наподобие гигантских консервных банок, привязанных к хвостам собак из андерсеновской сказки, собак «с глазами, как мельничные колеса». Затиснувшись в какую-то пыльную промежность в поисках никому не нужного заземления, куда не заглядывал никто со дня постройки «бармаля», этого «первенца наших пятилеток», я неожиданно услышал за спиной (несмотря на крошечный грохот) возгласы капитана. Это было что-то среднее между архимедовой «эврикой» и боевым кличем вождя апачей на тропе войны:

– О-о-у-у!.. А-га!.. Причина капитановых воплей оказалась прозаичнее самой прозы – обыкновенный целлофановый мешок, то есть полихлорвиниловый вкладыш для двадцатилитровой бочки. Он был полнехонек, неплотно завязан поверху пеньковым обрывком и знай себе попыхивал в теплоте сивушно-бражным духом, доходя до кондиции.

– Как ты думаешь, – озабоченно спросил Ильич старпома, – когда она созреет? Чиф нюхнул пристально, сунул блокнот в карман, зачерпнул из мешка ладошкой, продегустировал бражку и ответственно ответил:

– Завтра.

– Тогда пошли! – Капитан снова был на холме. – Скорей! И – никому! – Он прижал к губам командирский перст, взглянув при сем строго даже на «высокого гостя». Мы дошли до ближайшего телефона (капитан боялся удаляться от нечаянной находки) и вызвали судового врача.

Айболит, по виду родной брат Ильича, такой же бледный и худой, увенчанный таким же рыжеватым «ежиком», прилетел через минуту.

– Док! – Капитан просил его глазами, как проблесковый маяк долгожданному судну. И я понял: родственные души. – У тебя есть пурген?

– Сколько вам надо, мой капитан? – Айболит, такой же, видно, ерник, проблеснул ответно, и я увидел то, что их разнило: у Ильича глаза небесно голубели, а у доктора дьявольски чернели. Крайности сходятся и взаимодействуют нередко, но тут, похоже, был тот случай, когда они вообще сливаются. Ах, как они дополняли друг дружку!

– Грамм двести, док... А лучше – триста!

– Н-но этого хватит, мой капитан, не на одну лошадь, а, пардон, на целую конюшню.

– Ат-лично! Тащи, док!

– Не много ли произойдет навоза?

– В самый, думаю, раз! Мы своими тралами Охотское море так уже пропахали, что пора и удобрять.

– Акей с олрайтом, мой капитан, сей секунд доставлю.

И он действительно шустро притащил увесистый пакет, набитый поносными пилюлями. В четыре руки они пошвыряли их *ад узум* в мешок с духовитой брагой, который услужливо расшеперивал старпом.

Я грустно взирал на капитана с доктором и все поражался: как же они дополняют друг друга! Их руки мелькали, и мне показалось, что они растут из одного человека. Ну да, это четырехрукий Вождь краснокожих, тот рыжий маленький разбойник, что дал прикурить даже взрослым бандитам.

Через два дня (дегустатор из старпома, видно, неважный) в одночасье вырубил на «бармалее» всю траловую бригаду. Я ж говорю: садизм. Вася Романов себе такого бы не позволил. Рыбаки и без того лишены береговых радостей, а «Вождь краснокожих» отравил им и эту.

Между прочим, пострадали мы все без исключения. «Бармалей» -то в лидерах ходил. в «форвардах соцсоревнования», как говорила рыбацкая радиостанция в своих передачах, а тут на целых трое суток из соревнования он выпал. Ну и сорвал досрочное завершение завершающего года пятилетки, который, если вы помните, следовал после «определяющего» года. В результате был преступно сорван уже готовый к тому времени «Трудовой рапорт Охотоморского промрайона Центральному комитету». В результате чего гавкнула и наша, флагманская, премия за всю путину. Вот так.

Ну, айболиты!..

Рассказ четвёртый. Зверобойный коновал

Памяти В. Плигина

Шалуны Виталя и Вовка, бывшие рыбаки и зверобои, оба полуглухие (работали в машине – один механиком, другой мотористом), разорались не на шутку, взхлеб рассказывая мне про своего старпома. Виталя – толстый, краснотелый, басовитый, да к тому ж матерщинник, спасу нет. Вовка – худой, сухой, что называется, вялая вобла, тенористый и застенчивый. Но при всем таком внешнем несходстве судьбы их сплелись близнецово.

– Вовка! Помнишь, как мы в Магадане в шестьдесят третьем большим кагалом, чуть не всем экипажем, *енть*, по конине ударили, а потом, *значь*...

– Чё ж не помнить?! – Скороговоркой роняет Вовка и стесняется так, что вроде уши светиться начинают. И головой дергает, словно спрятаться, отвернуться от нас хочет. И я боюсь: вдруг и в самом деле отвернется, а он же за рулем, и «тойота» наша под сотню лопотит колесами по трассе Владивосток – Находка.

– Ага, помнишь, *значь*! Ну вот! – Орет Виталя, вдохновившись дружеской поддержкой. – На какой-то хате магаданской по пузырю конины, *енть*, сожрали и давай моститься на трахатушник...

Похоже, переводчику пора слово давать. Пузырь конины – это просто бутылка коньяку. Ну а дальше переводчик стесняется переводить и надеется на всеобщее понимание смысла отглагольного существительного, произведенного от популярнейшего глагола «трахать». И еще небольшое примечание от переводчика: шалунам по шестьдесят, оба пять годов уже на морской пенсии. А в Находку мы едем по делу, о котором повествует отдельный рассказ «Алеет парус одинокий».

Старпомом на шхуне шалунов был Сан Саныч Куражев, мужик за-ме-чательный: здоровый, как сам рассказчик Виталя, только шибко серьезный, даже набыченный, можно сказать. С чувством юмора у старпома были некоторые проблемы. Он мог, как герой Райкина, выслушав анекдот о грузинском имени Аvas, долго выяснять у рассказчика, кто ж там грузин, а кто доцент. И в то же время ему ну очень нравились некоторые, избранные вопросы армянскому радио. Вот эти, например. Хотнык из Дилижана спрашивает, как отлыгчить заяц от зайчиха? Атвэчаем: поймал за уши, потом атпустыл. Если он побежал, значит – заяц. Если она побежал – зайчиха! Второй вопрос задал дэвушка из Цахкадзора: чэм парыкмахэр отлыгчается от хэрувим? Атвэчаем: у адного хэр спереди, у другого – сзади... Зато у старпома чрезвычайно развито было так называемое чувство инерции. Вот у тараканов, утверждают ученые, оно вообще отсутствует. Странное однако это понятие – чувство инерции. По-моему,

это все равно как сказать – чувство твердости. Например, так: чувство твердости у смолы нечетко выражено, куском смолы можно гвозди забивать, а в то же время ее жевать можно. Ну да ладно, мы же про Сан Саныча, который и от смолы, и от тараканов крепко отличался. Наверно, он был Телец по гороскопу, то есть кремень-мужик, целеустремленный. Ежели он в мыслях чего-то сотворил, то извините-подвиньтесь, остановиться уже не в силах. Никто и ничто его не остановит. Мысленно он ведь уже там, на финише. А разгон, надо сказать, он брал, как спринтер, прямо со старта...

И вот к шести утра (отход на промысел назначен на шесть) сползается, *значь*, доблестный экипаж из увольнения. Осень в Магадане, само собой, не шибко приветлива, так что моряки явились в несколько непрезентабельном, скажем так, виде: один с хорошим, *енть*, вполне фиолетовым «фонарем» под глазом, второй с чуть подвернутым носом, третий малёх в холодной луже полежал и корочкой покрылся. Но, слава Богу, все в сборе, все живы и здоровы.

Хотя насчет «здоровы» – заявление, как выяснится позже, поспешное. Выяснится через три дня. Пресловутый «трахатушник» оказался, как бы помягче выразиться, вроде некачественный, как бы с гвоздями. Короче, *закапало* сразу у троих гвардейцев. Что делать? Льды кругом, море, звери на льду – работа. А тут, *значь*, хоть оглобли назад поворачивай. Капитан со старпомом посовещались, *енть*, и порешили своими силами справиться с напастью. И вот... Да, с такого именно былинного зачина и начинается обычно самое страшное. И вот, *значь*, Сан Саныч полез под койку в своей каюте, достал числящийся по штату на старпومه «лазарет», то есть картонную коробку с бинтами, мазями, порошками, извлек из ейных недр пенициллин и шприц с иглой. Не ржавой, но – с отломанным, *енть*, концом...

К чести гвардейцев скажем, никто из троих, невзирая на робкие просьбы двоих «может, не надо, Саныч», неумолимо подвергнутых экзекуции-процедуре, в обморок не падал. «Честно, *енть*, не падали», – так согласно отвечали на мой провокационный вопрос шалуны...

Но с Сан Санычем, старпомом ЗРС, зверобойно-рыболовного судна, а попросту шхуны, мы пока не расстаемся. Дело в том, что гвардейцы-стахановцы, искупая, видно, многие свои вины, ударно потрудились и досрочно взяли план по зверю. Благодарность за то начальство вынесло им по радиосвязи, досрочного захода в Магадан на всякий случай не давая, и перевело на ярусный лов палтуса.

И вот (опять этот страшный зачин) при выборке яруса, крючковой рыболовной снасти, *значь*, Витале в большой палец правой руки вонзается, *енть*, каленый крюк. Если кто видел его, может сразу падать в обморок, не читая дальше. Крюк такой почти, как на акул. Правда, и палец у Витали немаленький. Мало того что он большим и называется, так он у него еще и *разлапистый*, да, как говорится, поперек себя шире. Впрочем, это я уже таким увидел его, этот уникальный или, как сейчас говорят, эксклюзивный палец. Да и лапа ж у Витали – не лапа, а лопата, ну, как и положено рыбаку да еще и механику. И вот из этой лапы, прямо из пальца, *значь*, растет стальной крюк, отрезанный от лески-поводца. Крюк-то рыболовный, с заусенцем, да еще каким! Что тут поделывать?..

Старпом решил действовать по науке. По медицинской то есть науке. Что в таких случаях перво-наперво нужно? Наркоз. Потому как никаких таких новокаинов в «лазарете» под койкой не нашлось. Зато у капитана, слава Богу, в сейфе нашлась самая последняя значенная *на край* бутылка. Старпом налил Витале полный стакан водки, с минуту подождал и резко так, даже не перекрестясь, бритвенно острым промысловым ножом развалил палец и вытащил окровавленный крюк.

Дело сделано. Главное дело. Но теперь же – по науке – зашить бы надо, *енть*. Ан шить-то, оказалось, нечем. И Сан Саныч, мужик ведь решительный, просто взял да и слепил Виталин палец, как пирожок. Ну и забинтовал покрепче... И теперь, *значь*, фига-дуля у Витали –

хоть куда, хоть в эту, как ее, в Книгу Гебельса, или Гилельса. Ну, вы поняли? *Ентъ!* Вот и ладушки. А Виталя, говорит, понял, откуда старпом фамилию себе взял такую – Куражев. Ни один коновал так не покуражился б над лошадью...

А зверобой наши тем временем вернулись в родной Магадан, покончив кровавые дела во льдах Охотоморья и заработав на том свой соленый длинный рубль, до которого от веку хватало охотников. Так уж повелось: приходит с морей избитый штормами – помятые, ржавые борта, рваные снасти, разлохмаченные троса-швартовы – сейнер ли, траулер, зверобойная ли шхуна, и вместе с женами, невестами, друзьями встречают его на пирсе погранцы, пожарники, портнадзор, санвласти. Ну то есть все, кому не лень. А не лень никому. И каждому хоть что-то да надо *выкатить*. Традиция, *ентъ*, такая.

Санвласти к кому сразу – к старпому! Как тут у вас да что тут, куда истратили, *значь*, наркотики, спиритус, где журнал учета, расхода, восхода и захода? Сан Саныч, который должен еще и камбуз предъявлять, и каптерку, и холодильник ему, айболиту береговому, взмолился: дайте ж перевести дух, приходите вечером, встречу как надо, в полной боеготовности, со всеми журналами, *значь*, и *прочее*.

Прочее принес как раз корефан старпомов: полную сумку *конины* и охотничий свой трофей – кроля освежеванного. Кок-кандей расстарался, зажарил кроля в духовке. Ну и ждут вечером, *значь*, айболита, который – санвласти. Кроль в духовке томится. А тут толпа судовая, гульнув на берегу, вернулась к вечеру к родной, *значь*, кормушке. На камбуз, как водится, сразу шась, ну и от кроля через пять минут – одни косточки.

Понял кандей, что не сносить ему головы, потому что старпом, известное дело, сначала снимет ее, а разбираться будет когда-нибудь потом. Голова же кандею не без надобности, ну вот и решился он...

Поймал, *значь*, на пирсе рыжего кота, казнил мигом, ободрал и – в духовку. Как надо – с лаврушкой, приперчил. Гость вскоре прибыл. Старпом зовет: подавай. Подал им кок «кроля», и схарчили они его на пару, *ентъ*, за милую душу.

На этой-то милой ноте и закончим мы наш растянувшийся, как эластичный бинт, рассказ об айболитах. Будьте же все здоровы, дорогие вы наши – судовые да береговые – эскулапы и эскулапочки!

Рассказ пятый. Реклама сауны-термы

В. III.

Пришла к нам «намоленная» *perestroika* и водоплавающего айболита, моего земляка Виктора Борисовича вышибла с морей. Доморощенные онассисы, не вписываясь в мировой рынок и памятуя, видимо, про бессмертный брежневский лозунг «Экономика должна быть экономной», принялись сокращать экипажи судов, коими так шустро и, по западным меркам, почти бесплатно овладели. Сократили всех уборщиц, за ними – половину матросов, потом взялись за мотористов, механиков, штурманов. Ну а когда людей на судне почти не осталось, справедливо решили: а на кой же тогда нужны айболиты?..

Вот так Виктор Борисович, широкопрофильный, морем возвращенный док, умеющий и кости вправлять, и зубы сверлить, и уж конечно всякоразными терапиями в гроб загонять пациентов, оказался на суше и соответственно на мели, поскольку последняя является неотъемлемой частью первой. Но они неразъемны лишь в прямом смысле, а в переносном на мели нынче сидят как раз те, за кого всегда звучит третий тост – те, кто в море. Там же не развернешься с инициативой, да и надувать некого, разве только друг дружку, а это уже, как говорится, *не по-морски*. Ну а на берегу, как выяснилось в последнее десятилетие XX века,

надувать не только можно, а и нужно, то есть просто необходимо даже для самого минимального процветания, которое на самой грани с захирением.

Все жилки у моего земляка-айболита на месте, в том числе и жилка предпринимательская. И значит, сам Бог ему велел...

И Виктор Борисович, начитавшийся в море исторических романов о римских патрициях, о знаменитых термах Диоклетиана, засучив рукава, взялся за устройство богоугодного заведения – сауны. Под одной из знакомых лечебниц, как, впрочем, и под большинством домов нашего города (подозреваю, и нашей страны в целом), уютно раскинулся необъятных размеров необитаемый подвал, залитый, как водится, чуть не под самую палубу, пардон, пол той целебницы, благоухательной жижей, истекающей – хлоп, хлоп, хлоп – из толстых чугунных труб, проложенных полвека назад и навешаемых спецами жилкомхоза, видимо, раз в полвека. Когда кто-то из политиков объявил, что у нас идет процесс демократизации, кто-то из писателей пояснил: демократия от демократизации отличается так же, как канал от канализации. Жижа, хоть и походила внешне на воду, явно была не канального – хлоп, хлоп, хлоп – происхождения и весьма гармонировала с процессом, идущим в стране. Предпринимательская жилка зудела не только у Виктора, но и у многих его коллег из той лечебницы, они по очереди спускались в родной подвал и вылетали оттуда со свистом и с пальпацио-прищепкой на носу. Виктор же, взращенный, как я уже отмечал, морем, подошел к проблеме по-флотски. Он сходил на бывший свой пароход, застрявший в ремонте на СРЗ, и радужными саун-перспективами сманил рефмеханика Влада, год не получавшего зарплаты. Знал, кого сманивать: механик, уволившись, на прощанье скоммуниздил из рефки парочку классных противогозов и погружной насос. Думаю, самое место тут именно заметить, что айболиты неплохо умеют пользоваться преданностью бывших пациентов: где-то с год назад Виктор исцелил Влада от «парижского насморка»...

Все правильно, добрые дела не забываются. Я тоже как-то пожаловался земляку, что последние два года у меня ужасно чешется ладонь, левая, а денег хронически нет. Он намазал какой-то мазью бумажный доллар, приложил его к моей невещей ладони, и – представьте себе – мне начали вдруг возвращать старые долги, даже пенсию стали вовремя носить! Короче говоря, мы с Владом, нарядившись слониками и вооружась насосом, трое суток (ох-хо-хо, кто бы знал, что это за работенка) осушали подвал. Осушили, поставили хомуты на худые трубы, залили их бетоном. Обработали все помещение хлоркой, проветрили и наконец с облегчением сняли противогозы.

Виктор помотался по городу, нашел и привел пару плотников, которых в свое время, как я подозреваю, также исцелил от какой-нибудь парижской или отечественной бяки. Две недели они настилали полы, принимая по вечерам ежедневное вознаграждение от Виктора – 0,5 л spiritus rectificatum. Затем откуда ни возьмись появились плиточники, штукатуры, слесари-сантехники и электрики, все, как я на свой аршин полагаю, бывшие чесоточники, сопливцы, гуммозники или коматозники. Бывшие, прошу не забывать. В общем, месяца через два (оплата производилась по той же схеме: буль-буль) бригада пошабила, сотворив из подвальной клоаки воистину чудо – сауну, нет, лучше даже сказать с большой буквы – Сауну: обшитую (м-м-м) чудесно пахнущим кедром «духовку» с тремя полками, классную, заgrimированную под грот электрокаменку, сиятельный белокафельный бассейн и такие же душевые кабинки, раздевалку-гостиную с диваном и банкетным (о-о, йес!) столом, массажный (ох ты, ах ты!) кабинет и разнопрочие подсобки, без коих ни одна уважающая себя баня не обходится.

Медсестрички Надя и Света, теперь уже бывшие медсестрички, сманенные Виктором (всё на «личном обаянии») с верхних этажей, то есть из лечебницы, и недавно произведенные в банщицы-hostess (моднейшая профессия!), щедрой рукой пожертвовали для торжества ленточки из причесок. Ленточки сначала связали, а потом, как и полагается, под туш –

там-та-да-та-да-там! – разрезали. За неимением цыганского оркестра туш был сыгран нами-ложкарями на пустых пока тарелках и полных покуда бутылках. Экипаж сауны и бригада в полном составе прошли сначала весь процесс: «духовка» – бассейн – душ, а затем капитально обмыли сотворенное и даже обрызгали, как рекомендуют блюстители традиций, все углы шампанским.

На этом жировые отложения (в денежном, конечно, выражении) бывшего морского айболита благополучно прикончились, и он – при нашей общей моральной поддержке – преисполнясь оптимизма, стал ждать патрициев, ну и, само собой, дивидендов...

Увы, друзья мои, увы и ах, как говорится, скоро лишь сказка сказывается, да не скоро дело делается. И хотя Виктор Борисович заказал очень красивые, с золотым тиснением, визитки «САУНА-ТЕРМА С САМОВАРОМ» и раздарил их всем своим знакомым и друзьям, знакомым друзей и друзьям знакомых, клиент шел крайне слабо, отнюдь не косяками. Говоря попроще, шел ну очень хреново. Да еще и в самоваре нагревательный элемент перегорел. Н-да, и кончились эти самые заказанные на последние деньги красивые визитки. Короче, сливай воду и туши свет.

Покуда свет нам за долги не отключили, взяли мы с горя, как оно на Руси ведется, бутылку и сошлись за банкетным столом всем экипажем: Виктор, Надя, Света и мы с Владом. Принимали горькую молча, без тостов, но потом все же разговорились: нужна, дескать, реклама, которая – главный двигатель всякой торговли, в том числе и нашей гнилой торговли паром. Впрочем, нет, далеко не гнилой, а как раз наоборот, продвинутой: и наши девицы ведь – красавицы, и Виктор Борисович секретами лечебного массажа с таежными травами владеет, ну и мы с Владом, в общем, тоже не пальцем деланы, вот и самовар даже смогли отремонтировать, и массаж, если попадетса патрицианка не старше 80-ти, запузирим, смогём...

Тут-то и осенила – прямо как разряд молнии шарахнул в сауну – нас всех одна идея. Сначала Влад, еще не прожевавший американскую сосиску из пипифакса, которой приличные люди и кошек своих не кормят, как-то весь засветившись изнутри, точно не сосиску, а лампочку проглотил, молча стал тыкать в меня пальцем. Тут же осенившую его идею озвучила банщица Света, с которой у них давно пошли единомыслие и *лямур*:

– Точно! – Воскликнула она, тоже тыча в меня миниатюрным пальчиком. – Ты ж говорил, что много журналистов знаешь!

– Да, да, я тоже как раз подумала про это! – Обрадовалась Надежда, «наш компас земной».

– А много нам и не надо, – авторитетно и как-то так, знаете, седативно резюмировал Виктор Борисович. – Достаточно одного-двоих. Пригласить их в сауну, сделать массаж, в общем, всё по полной схеме...

Полную схему, само собой, распределили на всех, мне досталось лишь найти подходящих журналистов и пригласить на эту самую схему. На заре, как говорится, туманной юности я тоже ходил в моря, водил дружбу с радиожурналистами и даже сотрудничал с морской радиостанцией «Тихий океан». Подумалось: на шару, конечно, и укус сладкий, на шару-то они клюнут, но вот потом как быть? Это раньше за бутылку можно было любую рекламу запузирить в эфир, а теперь-то, теперь поглядите, что творится: 12 рублей они берут за единственное слово, да и то в самое непотребное время, когда все нормальные люди уже давно попили чай и ушли на работу, а бабушки – на базар или в магазин, ага, а в самое, значит, козырное время, когда все на кухнях как раз и пьют тот чай и краем уха, ну, вместе с наставлениями жены, конечно, слушают радио, одно слово, цепляющее, значит, край того уха, стоит уже не 12, а целых 19 рублей! То есть целую упаковку вот этих американских сосисок, 20 штук! Это ж как надо оборзеть, господа журналисты, чтобы за одно слово, «гав», например, драть два десятка сосисок. Да еще и поиздеваться решили – объявляют:

за одно слово или за одну секунду. Вот тут и думай, значит, и гадай, и решай: что тебе лучше – залиvisto пролаять в ту секунду все свои «гав-гав-гав» или рывкнуть басом одно «гав», но так, чтоб и мужик услышал, и благоверная его на ту секунду заткнулась. И какая, скажите на милость, собака сумеет за одну секунду сожрать 20 сосисок? Думаю, даже собака Баскервилль с этим не справится. А радиожурналисты вот научились же!..

Ну да ладно, пошел я по старому адресу, в радиодом, и надо же – именно в рекламбюро обнаружил Геннадьича, бывшего тихоокеанца, то есть сбежавшего года три назад из радиостанции «Тихий океан» на эту вот хлебную должность.

В сауну? На шару? Ну, ты даешь, брат, конечно, с удовольствием! А с шефом на пару можно? Да ради Бога! Хоть с шефиной... Всё, лады, договорились. Самую последнюю визитку «САУНЫ-ТЕРМЫ» дрогнувшей рукой отдал я Геннадьичу и пошел восвояси, то есть домой, в родную баню. Раньше было и существовательное такое «свояси» и означало оно: свой дом, своя семья, родина.

Во своясях, однако, было холодно и, соответственно, неуютно. Свет, правда, еще горел. И самовар, слава Богу, еще кипел. Мою радостную весть о завтрашнем пришествии журналистов Виктор Борисович принял однако не шибко радостно: чем, мол, платить будем? Я отвечивал эйфорически: «Бартером!» Света с Надеждой мне улыбнулись. Влад кисло поддержал их. На том и разошлись ночевать.

Утром встала дилемма: начинать сотворение «Ташкента» в сауне прямо сейчас, рискуя вызвать недовольство нервного электрика лечебницы, который может надолго вырубить нашу многомогущую электрокаменку (по причине, естественно, неплатежей), или терпеть до вечера, рискуя опять же вызвать недовольство патрициев прохладной баней. Спасли положение четыре студента, успешно сдавших с утра последний экзамен зимней сессии. Скинувшись по полтиннику, они заказали сауну на два часа – с 12 до 14.00. Взяв с них предоплату и обратив ее в жидкую валюту, быстренько нейтрализовали электрика и раскочегарили каменку.

К полудню студенты саморазогрелись, и потому недоразогретая сауна показалась им вполне «Ташкентом». А наши банщицы – лоллобриджидами. Денег у студентов, само собой, куры не клюют (нечего, то есть, клевать), а хочется ж все оптом: и баньку, и массаж (лучше эротический), ну и «это самое» тоже, если отколетя, конечно, бесплатно. Впрочем, не совсем бесплатно: пивком они наших банщиц угостили, буль-буль-буль, значит, и давай тут – разумеется, ненароком вроде – демонстрировать им свои мужские прелести. А ребята, надо признать, оказались породистые, один так и вообще показал полную боеготовность. Устоять бедным девушкам против такой артиллерии, сами понимаете, стоило трудов немалых. Если б не Влад, появившийся, закосив под массажиста, в кимоно (купленном в Японии в морские еще времена), Свету могли бы и охмурить: она ж у нас по гороскопу – скорпионша. Влад предложил тому, боеготовному, сделать массаж по льготному тарифу. Тот воззвал к друзьям-однокашникам, они скинулись, и Владу пришлось-таки поработать. Хоть и по льготному, но выдал он так эротически, а лучше даже вот как сказать – суперэротически (охи, ахи и уши разлетались прям как на лесоповале), что бедняга студент в конце «сеанса» еле сполз с помощью «массажиста» с топчана, и трудно поручиться теперь, сможет ли он вообще продолжить свой род. Однако в 14.00 розовые студенты ушли довольными.

Не менее довольны были и мы: в сауне – полный «Ташкент», можно и самим отогреться, и к пришествию журналистов всё на-товсь.

И вот в 19.00 к самому нашему порогу причалил редакционный «рашен-мерс» (УАЗик) с надписью в полстекла: ПРЕССА.

Виктор Борисович встречал «дорогих гостей» в полном соответствии с дипломатическим протоколом, как Горбачев или Ельцин Гельмута, например, Коля «у трапа самолета», – у дверей УАЗика. Надя и Света только что не кланялись гостям, светясь гостеприимством

и широко, «а-ля Надежда Бабкина» улыбаясь. Геннадьич со своим поместительным (можно мерять его в пивных кегах) и довольно молодым еще, меньше сорока, шефом, тоже ответно-приятственно лыбясь, оглядели наш салун-предбанник со столом, украшенным одной-единственной нищенкой-бутылкой «Шиповника на коньяке», двумя бутылками пива и пакетиком сушеного кальмара (все это куплено на массажный заработок Влада), вальяжно растелешились, укутались простынями, выданными банщицами, и – вперед, на «духовные» подвиги, то есть в нашу «духовку». Термометр на верхнем полке показывал эталон – 120 градусов. Кедровая обшивка благоухала на всю катушку, каменка-грот смотрелась ой-ё-ёй как, банщицы в классических «мини-бикини» деловито сновали по треугольнику: парная – душ – бассейн, наводя самый последний какой-то, только им ведомый марафет, брызгая ароматическим спреем и пробуя ладошкой воду. При сём они то и дело (школа Виктора Борисовича) справлялись у клиентов, не хочется ли им... чего-нибудь еще. Шеф, моржом-альбиносом развалившийся на верхнем полке, отшучивался: и так, мол, все классно, как в Гонолулу, ну, можно, конечно, еще в бассейн, допустим, пару русалок запустить. Геннадьич, сидящий на нижнем полке, похлопал Свету по круглой попке, и она, пользуясь отсутствием ревнивца Влада, одарила его вроде бы робкой своей скорпионьей улыбочкой. Не ведал Геннадьич, что ему угрожало...

Повыпарив из своих телесных кегов литров по пять, поплескавшись тюленями в белокафельном бассейне, патриции созрели для застолья. Пленка воды на их необъятных спинах высыхала островками прямо у меня на глазах, словно те островки были миражами в пустыне. «Царства стираю в карте я» – пришел на память Маяковский. У патрициев, слава Богу, с собой оказалось две пластиковых по 1,5 л посуды с пивом, так что мы, вопреки опасениям, с застольем не опарафинились. Когда дошло дело до нашего «Шиповника», Виктор изложил суть проблемы: сауна, дескать, не хуже других, сами видите, а народ-сволочь валом почему-то не валит.

– Реклама – двигатель бизнеса! – Изрек Геннадьич, со вкусом жуя наш кальмар.

– Сделаем, ребята, для вас – в лучшем виде, – заверил вальяжный шеф, расправляясь уже и с нашим пивом.

– Сколько это будет стоить? – Наивно и грустно, как провинившийся школьник, спросил Виктор.

– Смотря в какое время дня, – через губу обронил шеф.

– Я ж называл тебе наши расценки, – Геннадьич воловьим взглядом уставился на меня, – ты ж вроде записывал...

– Да, 19 рэ утром, 12 в обед.

– Нет, дорогой, не в обед, – назидательно возразил Геннадьич, – обед тоже время сенокосное, соответственно и такса повыше. Ну а 12 – это, брат, в межобеденное время, которое после десяти. Вот так, дорогой!..

Поймав себя на том, что у меня разинут рот, я захлопнул его и, честно говоря, тут же вновь поймал себя на четкой президентской мысли: неплохо бы замочить этих двух боронов в сортире. Как ни странно, мысль сия меня не испугала. Напротив, она начала эволюционировать, как у Дарвина. Мочить их, сказал я себе, надо не до конца, не по-президентски, а лучше по-нашенски, по-банно-прачечному.

Боровы тем временем пошли в «духовку» на второй заход. Я поделился своими планами с Владом, и нам удалось на пару уговорить Виктора оставить нас с клиентами наедине. Так легче, дескать, будет столкнуться. Девушки-красавицы легкомысленно похихикали, узнав про наши планы, и обещались во всяком случае не мешать.

Дверь «духовки» запиралась на ключ, и я неслышно – под грохот шайки, «нечаянно» уроненной Владом, – повернул его. Всё, ребятки, дело сделано, сказал я себе, осталось просто ждать.

Ждать пришлось всего-ничего, минут пятнадцать. Послышался сначала легкий толчок в дверь, потом толчок посильней, за ним – корректный, чуть ли не робкий стук: тук-тук-тук, через несколько секунд погромче, а буквально двумя-тремя секундами позже – вовсе уж громкий, некорректный такой, знаете ли, стук-буханье: бух-бух-бух! Ну и конечно же мы не могли этого не услышать. Света тоненьким буратиным голоском спросила через дверь:

– Что вам, мальчики, а?

– Откройте!

– Ой, бедненькие, силёнок нет совсем, да? Счас открою.

Дерг, дерг дверь – не открывается.

– Действи-и-тельно, – ну прям артистично сыграла Светка! – Счас, мальчики, счас позову мужиков, не волнуйтесь.

«Мужики» нашлись достаточно быстро – через пять минут, но за это короткое время дверь изнутри пробомбили не меньше пяти раз.

– Хорош, ребята, не ломайте, сейчас откроем, – успокоил гостей Влад и звучно, с хака-ньем – х-ха, х-ха! – подергал дверь. – Да, знаете, разбухла, наверно. Вы там пару, случаем, не поддавали?

– Нет! Нет! Какой пар, откуда?

– Странно. Тогда отчего ж она, зараза, могла разбухнуть-то, а?

– Это вам лучше знать! – Донеслось нелицеприятное из-за двери.

– Слушай, а может, замок зашелкнулся, Влад? – Вмешался я. – Ты ж помнишь, был случай: вот так же пьяные мужики, пардон, патриции резко пнули дверь, а он – щелк и всё. И пришлось слесарюгу звать, помнишь?

– Конечно, как не помнить! Сходи, ты ж лучше знаешь, где он может быть. А я побуду тут пока, ага?

– Добро, я побежал.

– Эй, вы что, гвардейцы, хотите из нас пян-сэ корейское сделать?!

Это я услышал уже вдогонку, громко-слышно отступая от двери.

– Да ну, ребята, пян-сэ это такая гадость, – утешил их Влад, – да к тому же стоит дорого – целых семь рублей. Это значит, в межобеденное время, как вы сказали, за одно слово и двух штук не купишь.

За дверью воцарилась странная тишина.

– Вот утром да, почти что три штуки можно съесть – и всего за одно только слово!.. Или за одну секунду?..

Молчание.

– За слово или за секунду?

– Не понял, – послышался наконец басовитый голос радиорекламного шефа. «Слава Богу, – подумал я, – оба, значит, живы».

– Чего вы не поняли? – Переспросил Влад.

– Юмора я не понял!

– Да какой тут юмор, ребята, тут всё серьезно. Покуда слесаря нет, я посчитаю, сколько вы просидите там секунд. Ну и соответственно, значит, на эту сумму сделаете нам рекламу. Договорились?

– Бросайте, гвардейцы, шутки шутить! – С угрозой возопил тенором Геннадьич.

– Ну какие могут быть шутки, *брат! Дорогой* наш, уважаемый клиент, нам не до шуток! Нам просто позарез нужна реклама...

«Ай молодец, – подумал я про Влада.— „Дорогой“ и „брат“ – это классно, дразнилка просто чудо!» А Геннадьич вконец озверел и материться начал безбожно. 120 градусов, что уж там говорить, на человека действуют, конечно. А Влад ничуть не смутился и принялся вслух, громко считать «слова». Только матерные, разумеется. Когда насчитал пол-

сотни, взялся тут же, не отходя от кассы, умножать их на 19. Получилось 950 рэ, о чем он и доложил затворникам, сообщив, что на рекламу нам с лихвой хватит.

– А вот и слесарь, ребята! Всё, вы спасены! – Объявил он и, тихонько повернув ключ, быстро спрятал его в карман.

Послесловие

Наша «САУНА-ТЕРМА С САМОВАРОМ», не нуждаясь в пошлой радиорекламе, вскоре приобрела много добрых клиентов, патрициев и плебеев, и, даже не повышая, как другие, цен на услуги, про-цве-тает на все сто. И даже – на 120. Градусов. Так что приходите, грейтесь на здоровье, отдыхайте, пейте целебный чай, пользуйтесь целительным массажем (не Влада, о нет, настоящего профессионала) и мудрыми советами бывшего морского айболита Виктора Борисовича. Звоните 310—903 в любое время и – добро пожаловать!

1996 – 2001

Рассказ шестой. Диагноз

С. Ш.

На самой нижней палубе, в каюте парусного мастера сошлись вокруг стола, накрытого отвальным «бэмсом» (бутылка водки, крупно порубленная чайная колбаса и безразмерные корейские огурцы), три пары «золотых рук»: хозяин каюты Владимыч, боцман Дмитрий и матрос Серега Шестаков. Последний, может быть, больше других оправдывал золотое звание, ибо мог заменить и боцмана, и даже славного, известного на морях мастера по парусам. Да плюс ко всему Серега считался на флоте одним из самых больших спецов, «секущих» в дизельных японских автомашинах, с конца 80-х ставших главной статьей дохода моряков-дальневосточников. ПУС, парусное учебное судно, на котором все трое оттрубили по десять лет, раньше занималось исключительно оморячиванием курсантов мореходных училищ. С переходом страны к рынку оно чуть было не ушло в руки рыночных торговцев японскими лимузинами, однако все же уцелело и передано было училищу. Когда большинство институтов стали вдруг называться университетами, училище переименовали в Морскую академию. Главный академик, беря пример с ректоров нью-университетов, сделал учебу платной и ПУС также перевел на самоокупаемость. Парусник теперь, оморячивая гардемаринов, заодно возил с японских автостоянок и скрапов дешевые там и дорогие здесь «тачки». Серега, по заявкам начальства, отбирал из них лучшее. Таким образом рядовому матросу Шестакову цены не было. Его ни за что и никогда не отпустили бы с судна, не случись с ним того, что случилось...

И вот друзья прощаются. Известно, уходящим легче, чем остающимся, вдвойне. А тут так и вообще тройне: Владимыч с Дмитричем знай себе наливают, а Серега-то – непьющий. Да, редко такое случается на флоте, но – вот он, пожалуйста, можете убедиться сами, не пьет вообще, сидит с друзьями за «бэмсом» и пьет чай с огурцами и колбасой. Боцман, человек мужественный, суровый, переживает потерю ллойдовского матроса молча. Угрюмо хлопает рюмку за рюмкой, плотно закусывая, зная, что через пару часов придется «морозить сопли» на верхней палубе – отшвартовывать судно. Парусный мастер, он же известный яхтсмен, мастер парусного спорта, не менее мужествен, но – неистребимый романтик в душе – он берет с полки над столом книгу стихов своего друга-поэта Евгения Мелькова, дважды сходявшего вокруг света парусным матросом, и читает, то и дело взглядывая на Серегу:

Корабль уходит без меня. Тоска.
Канат издалека – как тонкий волос,
И мачта что-то вроде стебелька,
А с парусами – белый гладиолус!

Ах ты ж, бляха медная, ну для чего ж так душу-то травить, а? И без того Сереге чай тот кажется с горчицей. Им – в море сейчас, а ему...

И вот уже он стоит на причале, стоит в стороне от толпы жен, детей, невест, один-одинешенек, как памятник, улыбается, изредка машет кому-то на палубе, то ли Владимиычу, грудью легшему на леера шкафута, то ли Дмитричу, стоящему на брашпиле, как и положено боцману, вирающему якорь. Цепь надраена, корабль медленно тянется за ней. На душе у Сереги не просто кошки, а якорь-кошки скребут. Друзья при деле, он один без дела, его словно за борт выбросили, как балласт, им – в рейс, а ему-то – в больницу, в лазарет-клиз-молет.

У него с айболитами всегда были проблемы. Еще в армии, пацаном-первогодком намотал, как водится в казармах, заразу – Боткина, и всё, и пошло-поехало... Печенка посажена проклятой желтухой, защитные реакции организма срабатывают автоматом, перекрывая ход заразе, а человеку-то от того перекрытия тоже ведь худо. Короче говоря, прихватило бедного Серегу так, что на переборку лез от боли в последнем рейсе. Ну и пошел сдаваться айболитам. А им, известно, только попадись: тут же, не отходя, как говорится, от кассы – на, получи путевку в клизменную жизнь, на койку в стационар...

Больница Водздрава раскинула свои корпуса в зеленой пригородной зоне, и если бы ничего не болело, подумал Серега, классно было б тут отдохнуть. Медсестрички в белых халатиках, некоторые даже без лифчиков бегают, оно ж сразу видать – сзади, на лопатках, гладко. Врачиха тоже молодая, тридцатник с небольшим, симпатичная шатенка с карими, нарочито строгими, да все равно видно, что добрыми, правда, уставшими глазами. Наталья Викторовна, терапевт.

Серега на автомобильных дизелях так набил глаз и руку, что мог, бывало, с одного взгляда на выхлопную трубу поставить диагноз: горе-водила не следил за водой в отстойнике топливного фильтра, не регулировал форсунки и вообще, похоже, под капот давно не заглядывал. Будущие автовладельцы из экипажа всегда норовили пристроиться к Сереге, идя за машинами на автостоянку в Японии. И все пожизненно дивились этой его чудесной, с их точки зрения, способности мгновенного автодиагноза. А на самом деле ничего тут чудесного такого нет, всё до упора просто: вот тебе дизель, вот его выхлоп, черный, к примеру, как прическа негра – всё ясно, или форсунки не опрессованы, или кольца на поршнях залегли, или фильтр воздушный менять пора. На подъем машина не тянет, значит, топливный фильтр тоже пора менять. Ну и так далее...

Врачиха, как водится, приказала раздеться до пояса, прослушала Серегу стетоскопом, нежными женскими пальчиками небожно и даже щекотно пощупала печенку, спросила, на что больной жалуется, кем работает, и, узнав, что матросом, неожиданно выдала:

– Со вторым вахту стоишь?

– А-га... – Он округлил невольно глаза и отвесил челюсть. – А-а как вы узнали?

– Жареная картошка? – Спокойно продолжила разворачивать свой диагноз Наталья Викторовна.

– Ага! – Серега уже восхитился больше, чем удивился. Надо же – как подсматривала все равно! За самой потайной, ночной вахтой «ревизора», второго то есть помощника капитана. Ночами на вахте – флотская традиция – жарили они картофан на говяжьем жиру. Жрать почему-то ночью страсть как хочется. Но с его-то печенкой...

Вот так, ребята. Оказывается, не только дизелю можно поставить быстрый диагноз. Во дела!.. Да, вот где настоящие чудеса-то!

Всю жизненную философию и музыку сфер, все гармоничное мироустройство Серега Шестаков постигал через прекраснейшее из творений человеческого гения – автомобиль, его двигатель, дизель, а точнее так – Дизель. Потому что это и был человек, Рудольф Дизель, немецкий инженер Diesel. Чуть больше ста лет назад его осенила эта счастливая идея, и вот человек может ездить без всяких дурацких свечек и карбюраторов и слушать благородные четыре дизельных такта.

Человек, Серега Шестаков может вообще передвигаться бесшумно по морям – под парусами. Под белыми крыльями, под яркими звездами – ночью на вахте – так здорово думается. Если бы Рудольф Дизель хоть одну вахту отстоял с «ревизором», он мог бы изобрести еще не то! Даже он, Серега, никакой не инженер, а простой матрос и самый обыкновенный автолюбитель, соскучившись по родной, на берегу, в гараже стоящей машине, придумал как-то на вахте новый способ накачки колес: компрессор кондиционера отсоединяешь от радиатора, ставишь небольшой ресивер с краником – и все, качай на здоровье. Вы можете, конечно, не верить, ваше право сказать: паруса и дизель – что может быть полярней?! Но в душе матроса Шестакова, смею вас уверить, рокот мотора и музыка звезд странным образом сливались в симфонию.

В больнице однако наслушаешься других, гальюнных симфоний: в этом отделении ж одни желудочки лежат. Порой и нос, и уши хоть затыкай. И никуда ведь не сбежишь, в коридор разве что, где сквозняки гуляют, но тоже какие-то, прости Господи, противные донельзя, больничные, сладковато-гнилостные.

Привычка (не зря говорят – вторая натура) добираться до сути, до самого последнего винтика и шайбы, сто раз клятая, в общем-то, привычка, та, что держит до ночи в гараже, отнимает жену, повлекла Серегу и в болячке своей разобраться до конца. Что это – простое любопытство, любознательность? Нет, он не Жак Паганель, он прагмат, автомобилист, раскидать движок ему необходимо для вполне определенной цели – докопаться до причины косноязычья в благородных четырех тактах, до потекшего сальника или крякнувшей помпы охлаждения движка. Ну, то есть для того, чтоб отремонтировать. Во имя исцеления, значит – мотора или печенки, все равно. Он выпросил у врачихи том Медицинской энциклопедии и давай выуживать из нее суперсведения о своей намотанной в казарме знатной заразе, трехименной заразе: желтухе – вирусном гепатите – болезни Боткина. Она, к тому же, разветвляется, как моторы разной модификации, на гепато-церебральную дистрофию, гепато-холецистит и прочую бяку. Да, все это не так интересно, как противно, а вот сам великий айболит Боткин, к тому же тезка его, куда интересней. Оказывается, их было три братана, и все – вот где номер – стали знаменитыми: один – писателем, другой – художником, третий вот – ученым, Айболитом с большой буквы.

Наталья Викторовна – тоже с большой буквы Айболит. Серега, можно сказать, влюбился в нее, во всяком случае, в ее карие, утомленные чужими бедами глаза. Диагноз насчет жареной картошки, который выдала она в первую минуту встречи, ему не забыть теперь по гроб. Дело здорово пошло уже на поправку, скоро выписываться. И вот в чем Серега уверен: не пилюли, не микстуры и не процедуры исцелили его, а – нежные пальчики Натальи Викторовны. Да, именно так, он в этом уверен на все сто! И скоро возвращается из рейса его крылатый корабль, и он свидится с Владимычем и Дмитричем, и будет приходной «бэмс» в просторной каюте парусного мастера, и он с удовольствием будет пить с ними водку, ну то есть, как обычно: они – водку, а он – чай с безразмерными корейскими огурцами. И будет рассказывать им про Диагноз, Наталью Викторовну и братьев Боткиных.

Трепортаж

Г. Ш.

Сбылась мечта поэта (без кавычек, заметьте) – я стал спецкором, то есть морским корреспондентом самой популярной флотской радиостанции, вещающей «от Арктики до Антарктики». Теперь я не был привязан к какому-то одному борту, где в многомесячных промысловых рейсах тебя окружают одни и те же физиономии, отчего ведь и спать недолго. «Экипаж, конечно, одна семья», особенно на плавзаводах-краболовах, где из пятисот членов экипажа – двести-триста женщин (раздельщицы рыбы, краба и укладчицы в баночки), но Бог свидетель, я не засиживался и там, хоть там и «медом намазано». Меня воспитывали Александр Грин, Новиков-Прибой, Джек Лондон, Джозеф Конрад, мне безумно нравились их герои – капитаны Грэй, Дюк, Вульф Ларсен, я не говорю уже о флибустьерах, от которых все мальчишки балдеют, самозабвенно напевая о том, как «в флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса».

На плавзаводах в ту пору хватало водоплавающих чиновников всех мастей: замполиты, комсорги, профорги, физорги, кадровики и много еще дармоедов, величавших себя «белыми людьми». Спецкора «Тихого океана» они считали своим, и это мне претило. При первой возможности я перепрыгивал на борт сейнера или траулера, к мужикам в резиновых сапогах и робах, где душа и глаза мои отдыхали от белых сорочек и галстуков.

Однажды в минтаевую путину у западного побережья Камчатки я долго пробыл на борту огромной рыбомучной плавбазы, варганя по заданию радиостанции передачи о «форвардах пятилетки». Намотав все это дело на пленку, я собрался домой.

Апрель. Хоть и лед вокруг, а все равно весной запахло. Как рыбаки говорят: «О, весна! Помойки оттаяли, щепка на щепку лезет, пора и мне на берег»... Ан не тут-то было, куку, оказии нет, хоть кричи караул. Ни белого лебедя «пассажира», ни транспорта-перегрузчика, ни танкера с топливом или пресной водой – ни-че-го!.. Днем и ночью сидел я с радиостами в радиорубке, прослушивая «промысловые советы» и «капитанские часы» всех экспедиций – приморских, хабаровских, сахалинских, камчатских и даже магаданских: я готов был, добравшись до любого берега, лететь оттуда во Владивосток самолетом. Глухо! Из района лова не собирался уходить никто.

В полночь, тоскуя, я поднялся на мостик. В лобовых окнах рулевой рубки на чернобархатном фоне ночи горели подвижные цветные звездочки – ходовые огни СРТМов и РСов⁷, идущих с тралями или валяющихся на зыби в дрейфе в ожидании сдачи уловов. Рыбы было – «как грязи», так говаривали в те годы, ну и рыбалка шла сенокосно. Очередь к плавбазе на сдачу насчитывала с полдюжины судов. Только что заступившая вахта «ревизора», то есть второго помощника капитана, работала с хабаровскими колхозниками, держа связь с ними на их радиочастоте.

– «Таёжный» – «Туре»!.. Слушаю, «Тура»... Сколько сдал?..

– «Торосистый» – «Трудовому»!.. Чё хотел, «Трудовой»?.. Да просто, Петрович, поболтать с тобой со скуки...

Хабаровчане все на «Т». И тарыхтеть по ночам в эфире зело горазды. Вот еще парочка появилась:

«Точный» – «Торопливому»!.. На связи «Точный»... А, это ревизор, да?.. Да, ревизор, а кто нужен?.. Капитан нужен... Он отдыхает... Тогда знаешь что, передай ему, это капитан говорит, чтоб не докладывал утром на переговорах с колхозом, что мы снялись. Я сам доложу,

⁷ СРТМ, РС – сердный рыболовный траулер-морозильщик, рыболовный сейнер.

позже. Добро?.. Добро, передам. Всё?.. Всё. Счастливой вам рыбалки!.. Спасибо, доброго пути вам!..

Я буквально прыгнул к «Рейду»⁸ и схватил трубку:

- «Торопливый» – «Чуеву»!!!
- Слушаю вас, «Чуев», что нужно?
- Куда вы идете?
- Домой идем, в Приморье.

Боже, я чуть не задохнулся на радостях. И сам затарахтел: вот, мол, надо позарез во Владик, я такой-вот-сякой корреспондент вашего любимого «Тихого океана», готов поведать миру про ваши трудовые подвиги, передать по радио вашим родным приветы и песни... В ответ капитан «Торопливого» – с улыбкой в голосе:

- Да у нас же РСик, у нас для вас и койки не найдется, сами не захотите.
- Захочу! – Кричу. – На диванчике согласен!
- Да дело в том, что мы уже далеко от вас, миль пятнадцать уже отошли. И с топливом у нас напряженка.

Но улыбка в голосе, слышу, не исчезла. И я сгоряча пообещал, зная о добром отношении ко мне капитана-директора «Чуева», помочь с топливом. Капитан РСа, буквально поймав меня на слове, запросил десять тонн. Я прямо с мостика позвонил капитану-директору, и он... отказал. Больше трех тонн, сказал, дать не могу: приписного флота два с лишним десятка единиц, а танкера на горизонте не видать...

«Торопливый» обрадовался и трем и повернул к плавбазе. А я оценил мудрость его капитана: проси втрое – получишь то, что хотел. Ура, ура, ура! Через полтора часа меня заберут, иду домой!.. Зашел в капитан-директорскую каюту попрощаться и выпросил заодно бутылку водки из капитанского буфета «для знакомства на РСе». Приготовился мигом, мне собраться – подпоясаться. И вот уже мой сейнерок под бортом, и вахтенный лебедчик опускает меня на его крошечную палубу в огромной пересадочной корзине, очень похожей на клетку попугая. Вокруг ночь, валкая палуба суденышка неверно озарена светом базовских огней, в рубке «Торопливого» темень. Матрос ведет меня туда. Тащусь по крутому трапику с тяжелой сумкой (репортерский магнитофон, книги, бутылка), но мне навстречу спускается человек в кирзачах и рыжем рыбацком свитере, хорошо так улыбается и приглашает в капитанскую каюту, дверь которой вот она, рядом с трапиком на мостик. Каютка – два на два метра, да РС ведь и сам-то с катерок, только почерней-почумазей. Экипажа на нем шестнадцать небритых, с бородами «по-охотоморски», рыбаков, все в одинаковых свитерах и сапогах, кто в резиновых, кто в кирзовых. Вру, не 16, у одного – у капитана – безбородое и оттого самое интеллигентное, как оно и положено капитану, лицо.

– Геннадий Алексеевич, – он не протягивает, а просто предлагает руку, не отпуская ее далеко от себя. То ли размеры каюты тому причиной, то ли личная скромность безбородого человека в свитере. А только на душе сразу тепло становится.

Через четверть часа – с базы плюхнули в наш топливный танк обещанных три тонны соляра, моих «командировочных», – мы отвалили в ночь. Коротышка диванчик завален был газетными подшивками: РС – не плавзавод, тут тебе и кабинет, и красный уголок – всё в капитанской каютке. Баскетбольным ростом я похвастать не могу, но и мне уместиться на этом диванчике оказалось совсем непросто, пришлось согнуть ноги в коленях, уперевшись носками в рундучок, морской платяной шкаф. Подшивки я сложил в изголовье и лег – как есть, не раздеваясь, ибо застлан диванчик был тертым байковым одеялом, первородный цвет которого не определил бы и реставратор из Эрмитажа: весь долгий рейс на нем, как видно, сжижвали поочередно все шестнадцать членов экипажа.

⁸ «Рейд» – ультракоротковолновая радиостанция.

Значит, так, «белый пароход» идет от Камчатки до Владивостока четверо суток, стал прикидывать я, а у РСика ход всего десять узлов, то есть мне на этом диванчике бултыхаться с неделю. Так-так...

Морские часы на переборке показывали без пяти два часа ночи, но спать совсем не хотелось: волнительные моменты в жизни сну не помощники. Я взял со столика потрепанный журнал «Вокруг света» и только начал читать про пигмеев и бушменов, как вернулся с мостика хозяин каюты.

– Всё, порядок, легли на курс, зюйд-зюйд-вест, идем домой, – деловито, как на капитанском радиочасе, доложил Геннадий Алексеевич и улыбнулся домашней улыбкой.

– А почему – во Владивосток? Вы же хабаровчанин!

– У нас приписка только хабаровская, сам рыбколхоз – в тайге, в поселке Верхняя Эконь. – Капитан взглянул вопросительно: знаю ли я, мол, медвежьи углы. Я отрицательно мотнул головой. – Да там и из нас никто даже не бывал! – Хорошая, прямо светоносная улыбка у капитана. Я где-то читал, что по улыбке можно определить, добрый человек или нет. – А экипаж у нас весь – приморцы, большинство из Владивостока.

Сна – ни в одном глазу, ни у него, ни у меня. И я достал из сумки бутылку и выставил на столик:

– За знакомство, за прописку, да?

Реакция капитана удивила меня. Он опустил глаза, засмутившись как-то по-девичьи, усмехаясь куда-то в пол. И лишь после этого поднял на меня откровенно радостное лицо. И спросил:

– А можно, я еще одного человека приглашу?

– Господи! Да конечно же! – Изумился я: сбылась моя мечта, он из-за меня возвращался на целых пятнадцать миль и у меня же – ну, интеллигент! – спрашивает разрешения на такое...

Через две минуты в каюте оказались рыжий бородач тралмастер и миски с царской закуской – румяным, поджаренным на сливочном масле крабовым мясом. А только мы успели разлить по стопке, заявила еще одна борода – «дед» -стармех с поллитровой банкой красной икры. Разлили на четверых и не мешкая выпили. Мне показалось, они торопились, опасаясь какой-либо третьей бороды. Но нет, после рюмки закурили, расслабились, разговорились. На закуску нажимал я в одиночестве.

– Вы очень вовремя с этим, – капитан кивнул на бутылку, заразительно улыбаясь. – Ох, вчера у нас тут да-а... Скажи, дед, чего у нас тут было?

– Ой, было, – сощурился «дед», мотнув черной, совсем не дедовской бородой.

– Ни в сказке сказать, ни пером описать, – поддакнул рыжебородый «трал».

– Да-а, не описать, это точно! – Утвердил капитан и взглянул на меня испытующе-весело. Но я испытание прошел уже тем, что выставил «пузырь». – Мы вчера, значит, зашли в Кировский, да-а, и взяли три ящика водки...

Мужики болезненно поморщились на этих словах.

– Погода отличная, вы ж видели, вчера была, ну и сошлись мы, значит, с «Точным» борт о борт. Он из нашего же колхоза, из Верхней Эконь. Ну вот, пришвартовались и давай прощаться. Да-а-а! – Выдохнул, юморно зажмурясь, капитан. – Отвели душу. За всю путину!

Тралмастер, сидевший ко мне правым боком, повернулся взглянуть, видно, на часы на переборке, и я заметил у него под левым глазом четкий след вчерашнего прощания с соратниками. Синий «фонарь», увы, не гармонировал с рыжей бородой. И невольно подумалось: «деду» больше бы подошло.

Капитан, заметив, что я уже все заметил, прокомментировал:

– Боцман с боцманом, «трал» с «тралом» имущество колхозное делили.

– Ой, делили... – Опять поддакнул тралмастер.

– А что ж «дед» в дележе не участвовал? – Встрял я.

– У нас – неделимое, – тряхнул аспидной бородой стармех, – дизеля. Это у них там веревок всяких полно. А нам что делить?..

– Да-а, а матросам что? – Капитан разлил по второй и, держа опустевший сосуд за горлышко, поднял над столом. Прощально поглядел на свет. – А ведь все почти с «фонарями».

– А что делили-то, славу, что ль: кто первый сейнер на деревне Верхняя, как ее?..

– Верхняя Эконь. Нет, ничего не делили, – капитан подложил мне еще краба. – Вы ешьте, не стесняйтесь. Это нанайский колхоз, и нас там всего два РСа. Мы ничего не делили, просто крепко поприрадовали на прощанье.

– А хоть один нанаец у вас есть? – Поинтересовался я.

– На «Точном» один есть. – Капитан неожиданно опять расцвел. – О-о-й, что было! Он стал танцевать свою какую-то национальную лезгинку с ножом в зубах. И кому-то из ихних же это сильно не понравилось, да. Они отняли у него нож и давай его лупить. Бог ты мой, как ему досталось! Да еще и за борт его уронили. Хорошо, парень морозоустойчивый, вода-то ледяная, да-а. Достали, обтерли полотенцами – он как новенький.

Что-что, а причащать северян к пойлу мы лет за двести научились. Медики открыли недавно, что их организм совсем беззащитен перед спиртным. Им просто нельзя пить, выморочные это дела. А нам всё хиханьки-хаханьки...

Будто в ответ на больно легко скользнувшие в моем сознании нелегкие эти мысли, судно качнуло на неожиданно крутой волне. Рюмки, тарелки поползли по столу.

– Ветер к югу заходит с востока, – сказал капитан, поймав обеими руками банку с икрой. – Циклон идет, японская карта⁹ никогда не врет.

Качнуло еще резче, винт оголился, дизель сбился с ритма, зачастил. «Дед» метнулся к двери, поспешил в машину.

– Пойду-ка и я на мостик, гляну, что там творится, – капитан встал. За ним тут же и «трал» поднялся. Стрелки с переборки семафорили прямым углом: три часа ночи. Немедленно, как это бывает после застолья, захотелось спать. Набросив на газетные подшивки полотенце, я лег, согнул ноги, накрылся своей теплой кожанкой, отвернул в сторону голову настольной лампы и уснул, подумав на сонную дорожку о том, что завтра, то есть уже сегодня, четверг и после обеда меня будет вызывать на частоте 13150,4 килогерца «Тихий океан»...

В восемь утра ну очень не хотелось просыпаться, но вокруг кипела жизнь, в каютку то и дело заглядывали бородачи с возгласами «Алексеич, тут?.. Нету». И я встал, размял затекшие в согнутых коленях ноги, сходил умылся, прочувствовав и тут разницу между комфортной плавбазой и сейнерочком, где даже в капитанской каюте нет умывальника и к нему надо идти через кают-компашку, в которой ночная вахта гоняет чай. Между прочим, здесь трудно отличить друг от дружки старпома, к примеру, от матроса. На плавбазах, плавзаводах они ж – земля и небо, там старпом не просто *чиф*, а натуральная, по-маяковски, змея двухметроворостая: *старший помощник капитана-директора*, облаченный в форму с золотыми лыками. А тут вот они, сидят рядком три бороды, ну, та, что в робе погрязней и руки почерней, механик, значит, а так все трое украшены «фонарями». И даже прятать их не норовят, они про них попросту, видать, забыли: обычные дела. От их «фонарей» у меня неожиданно рождается праздничное, новогоднее настроение. И мелькает игривая идея...

Сажусь с ними завтракать. С мостика спускается капитан, присоединяется к нам. Одето он так же, как старпом и матрос, но все же разительно отличается от них: брит и абсолютно «бесфонарен». Поглощая хлеб с маслом, сыр и чай, они перебрасываются короткими фразами:

⁹ Японская карта – факсимильная карта погоды.

- Сколько за вахту прошли? – Это механик.
- Тридцать восемь миль. – Старпом.
- С топливом в норму укладываемся? – Капитан.
- Ага, нормально. – Механик.

Начинаю «брать интервью»: насколько взяли план, кто впереди – они или «Точный», как было со сдачей рыбы на базу, есть ли в экипаже таланты. С последним вопросом все оживляются: талантов, дескать, хоть отбавляй – и тут, и на «Точном» почти все артисты. По выражению лиц вижу, что имеются ввиду «артисты» в кавычках. Уточняю. Действительно: есть козомёты, козодёры, фуфлогонны, каждый второй – мастер спорта по литрболу, а также мастера художественного свиста и бабочек ловить. В смысле – на хуторе. Близ Диканьки. Та-а-к, думаю, молодцы ребята, начитанные, знание Гоголя, во всяком случае, в наличии. И тут замечаю на переборке левого борта, между глухим иллюминатором и задренной дверью (волна на ходу достает), такую, знаете, обычно-обязательную на всех без исключения производствах тех времен, крупносерийных, мелкосерийных – не важно, раскрашенную фанерку с заливчатской «шапкой» на пол-этой самой фанерки:

КОМСОМОЛЬСКИЙ
> < ПРОЖЕКТОР < <

Двумя вертикальными реечками фанерка поделена на три колонки, все три густо покрыты многоточиями. На больших заводах мне приходилось видеть эти самые «КП», засиженные даже голубями, но чаще все же изрисованные и исписанные доморощенными кукрыниксами и этими, Бедными Демьянами, изгаляющимися над вихрастым строптивцем, неугодившим самому комсоргу цеха, или над сверловщицей, «на рабочем месте» мечтающей о любви. Из ее кудрявой головки с непременно бантиком выпарялось облако, а в нем восседал коронованный жестяной «прынец». Нет, здешний «Прожектор» честно был засижен многими поколениями мух. И я поинтересовался, кто на сейнере комсорг, кто парторг и кто председатель судкома.

Уникальный оказался пароход! Капитан – диковина – вообще беспартийный. Парторг (с гордостью: «О, он у нас из низов!») – один из матросов, старый пьяница. Позже я убедился: точно, при всех «фонарях». Комсорг? А вот он, матрос старпомовской вахты, допивающий чай рядышком со мной. Ему, согласно «Морального кодекса строителя коммунизма», положено равняться на парторга, и я, приглядевшись к его «фингалам», равнение это оценил.

– А судкома мы еще, вы извините, – виновато улынулся капитан, – не успели просто выбрать. Вот завтра проведем профсоюзное собрание и изберем.

– А кого, если не военная тайна, хотите избрать? – Полюбопытствовал я.

– Да-а-а, – замялся капитан, – даже не знаем. Кого мы судкомом? – Он взглянул на старпома. – Давай тебя, Сергеич?!

– Не-е-э! – Старпом чуть не подавился бутербродом. – У меня по приходу и так дел невпроворот, сами ж знаете: врачи, пожарники, всякие проверяльщики из Крайрыбакколхозсоюза, из Дальрыбы. Не-е-э! Давайте вот его, – кивок на третьего механика, соратника по вахте.

– Не надо, не надо! – Замахал грязными лапами механик. – Мне еще отчет составлять о рейсе, топливо принимать...

– Всем отчет писать. Не увиливай от общественной работы, – шутливо строжась, погрозил ему капитан пальцем. – Не переживай, мы заместителя тебе подберем. Вот, – он указал на кока, мелькнувшего в проеме камбузной двери.

Белобородый кок-альбинос (подумалось: ну, хоть так, раз нет колпака и белой куртки) мгновенно нарисовался в двери:

– Куда вы там меня задвигаете?! А кто ж вас, проглотов, кормить будет? Не пойдет! Но пассаран!..

Так, профсоюзное собрание на судне я спровоцировал, теперь мне можно и удалиться. Я взглянул на часы. До сеанса связи с радиостанцией «Тихий океан» оставалось три с половиной часа. Надо же успеть еще родить «репортаж с промысла». И я нырнул в капитанскую каюту...

Работалось на диво легко, радостно. Строчил на кренящемся столике и чувствовал в руке творческий зуд. Уже через час репортаж вчерне был готов. Я уточнил у капитана кое-какие детали, предупредил, чтобы радист вовремя настроил приемник и передатчик, и прилег на свой диван-коротышку с журналом «Вокруг света». Польский путешественник Люциан Воляновский так увлекательно описывал людей и обычаи Пятого континента, что я зачитался:

«Конные скачки – это безумие всей Австралии, а верх этого безумия – состязания на кубок Мельбурна, которые уже более ста лет проходят по первым вторникам ноября. В эти часы вся Австралия всматривается в телевизоры и вслушивается в топот копыт, доносящийся по радио с ипподрома, который вмещает на своих трибунах до ста тысяч зрителей. Некоторые посвящают свой отпуск поездке в Мельбурн за тысячи километров, чтобы полюбоваться зрелищем. Во время Второй мировой войны австралийские войска на Новой Гвинее даже приостановили военные действия только для того, чтобы послушать репортаж со скачек в Мельбурне...»

Репортаж... Надо же чтоб и мой репортаж слушали на «Точном» и в Верхней Экони... Где капитан? Я кинулся на мостик – нету, высунул нос на палубу – там встречная волна так через бак хлещет, что до носового кубрика сухим не добежишь, хотя бежать-то всего десять шагов. Заглянул в радиорубку – ага, вот он где. И вовремя заглянул, потому что капитан уже держал в руках микрофон, готовясь докладывать на берег свою обстановку.

– Передайте, чтоб вечером слушали «Тихий океан», – успел сказать я.

А через час «Тихий океан» уже вызывал меня на связь. И я передал вот какой репортаж:

Близится к финишу главная путина дальневосточников – Охотоморская минтаевая. На приморских берегах – зеленая весна, а здесь по-прежнему студеное море, послушное ветру, катит ледяные свинцовые валы, трех-четырёх-шестиметровые, скрывающие даже траулеры по мачты. Но вот выдался на редкость чистый закатный горизонт, волна улеглась, море позволило сойтись борт о борт двум сейнерам нанайского рыбколхоза из Верхней Экони «Торопливому» и «Точному». Последний остается еще на промысле, а «Торопливый», успешно выполнив рейсовое задание, пришвартовался к собрату для подведения итогов соцсоревнования. Два комсомольско-молодежных экипажа коммунистического труда собрались в тесной кают-компании «Точного». Капитаны обстоятельно доложили собравшимся результаты соревнования, проходившего под руководством партийных и комсомольских судовых организаций на самом высоком уровне. Затем по традиции взяли слово парторги и щедро поделились бесценным лидерским опытом. Комсомольские вожаки также обменялись соображениями по обретению навыков: как молодым быстрее набить руку под пристальным наметанным взглядом ветеранов, как избежать синяков и шишек, конечно, неизбежных на промысле, но всё же, всё же...

На этих моих словах радист, такой же синеглазый, как все, зажав рукой рот, чтобы не взорваться случайно и не заглушить репортаж, пулей вылетел из радиорубки, оставив нас вдвоем с капитаном. Геннадий Алексеевич улыбался на диво сдержанно, и я спокойно продолжал:

Рыбаки вообще-то не цицероны, однако вставали один за другим и говорили горячо, оживленно спорили, дискутировали. Проблем в экспедиции не меряно: сдача сырца, бункеровка, снабжение. Дебаты затянулись до утра. На прощанье дружно спели любимую «земную» песню про рябину, а верный сын нанайского народа, матрос «Точного», даже сплясал национальный танец с ножами, за что был награжден громовыми аплодисментами.

В заключение репортажа я попросил редактора передать «для форвардов соцсоревнования промрайона» нанайскую народную песню «Марш энтузиастов»...

Вечером все рыбопромысловые экспедиции Дальнего Востока – от Арктики до Антарктики (может, и австралийцы тоже) – слушали мой репортаж, ну а «Точный» для пристального прослушивания точно *приостановил военные, ну то есть промысловые, действия*. И буквально через десять минут его капитан вышел к нам на связь и попросил лично Геннадия Алексеевича «премировать корреспондента большой, трёхлитровой банкой икры» из личной его посылки, адресованной на берег.

Остаётся добавить, что бородачи «Торопливого» присовокупили к той икре несколько литровых банок браконьерского краба, аппетитно светящихся розовым мясом, закатанным лично каждым из членов комсомольско-молодежного экипажа коммунистического труда. Скажу честно, более весомого гонорара за репортаж я не получал больше никогда...

2001

Транс с историей и географией, или Виктор Маслобоев (Документальный рассказ)

В. Олейнику

В моей холостяцкой однокомнатной квартире, достаточно, надо сказать, тесной, чуть не половину площади занимает, демонстрируя, видно, русское гостеприимство, просторная прихожка, а в ней видное место отхватил, представьте себе, самый обыкновенный трансформатор, который мирит 220 вольт нашей сети с японской 110-вольтовой бытовой техникой, за полтора десятилетия завоевавшей русские, во всяком случае дальневосточные, кухни и ванны. Вот он и прописался на табурете в прихожке, между кухней, где перманентно шебаршит холодильник Mitsubishi, и ванной, в которой от субботы до субботы дремлет стиральная машина Hitachi. Я неосмотрительно обозвал замечательный трансформатор «обыкновенным» и должен извиниться, ибо он от обыкновенных *транс*ов, с кулак величиной, отличается примерно так же, как машина Фултона от современного подвесного мотора дюралевой лодки «Прогресс». Это не просто «транс» – это а г р е г а т, при взгляде на который проникаешься невольным уважением к его создателям, хотя и проскальзывает в развращенном анекдотами мозгу одновременно и такая мыслишка рекламного характера: *советские микрокалькуляторы – самые крупные в мире!*

Трансформатор мой представляет собой тяжеленький металлический чемоданчик с крышкой на петлях (не хуже дверных) и с массивной белой пластмассовой ручкой, которую при переноске ваша кисть зажимает намертво, как кастет, так что никакой бандит-грабитель, можете быть уверены на все сто процентов, никогда не вырвет ее (его) у вас даже в самом темном подземном переходе, когда вы пойдете, например, к подружке, у которой тоже есть японская стиралка, но нету вот как раз такой необходимой вещицы, какая, по счастью, есть у вас. Окрас у чемоданчика военно-камуфляжно-шаровый, как у всей, в общем-то, продукции режимных заводов-«ящиков». С обоих боков у него – по восемь, то есть дважды по четыре в ряд, жаберных щелей. Это, как и положено солидному а г р е г а т у, вентиляционные отверстия. Снимаете стальную крышку – и режимное произведение предстает перед вами во всем величии: вольтметр размером с чайную чашку; чуть поменьше – регулятор напряжения, черный, пластмассовый, ребристый; предохранитель, сокрытый в белом фаянсовом изоляторе, почти точной копии старых, если кто помнит, головастеньких изоляторов на столбах ЛЭП; четыре внушительных, можно даже сказать, капитальных, гнезда-розетки для включения ваших *потребителей*. По центру – опять же, значит, с вентиляционными целями (русский запас, надежность во всем) – еще десять прорезей. На боку, рядом с супернадёжной ручкой, на совесть приклепана четырьмя заклепками латунная пластинка. Спишу с нее для вас несколько слов:

Авторансформатор АОСК – 0,71У2

№24400 – 80 (год выпуска)

масса 9 кг

СДЕЛАНО В СССР

Да, в самой огромной стране мира сделано, а в какой конкретно точке ее необъятной карты, того знать лишним глазам, ушам и любопытным носам – ку-ку – не положено! Секрет, военная тайна (почитайте одноименную книжку Аркадия Гайдара, на которой выросло столько поколений «советских ребят»). Это сейчас стало всё всем можно, а тогда – ни-ни: врагов вокруг тьма, спасу нет! Ну а нынче все наоборот – спасу от друзей не стало, все нороят помогать... поскорей загнуться.

Мой трансформатор – самый, может быть, великий путешественник. Даже знаменитый земляк мой Федор Конюхов вряд ли намотал столько миль на свой спидометр, сколько он! Ибо он десять лет подряд – непрерывно, без отпусков и отгулов – путешествовал по всем морям и океанам на борту еще советского парохода в качестве трансформатора кинопроектора «Украина» и честно-добросовестно помогал матросу-киномеханику *крутить кинуху* экипажу, пока не заменили «Украину» на всех флотах видеоманитофонами по прозванию *видаки, видики, видюшники*. Железный герой мой, будучи списан с судна в австралийском порту Мельбурн (о чем нежелезные герои, замечу в скобках, безуспешно мечтали все семьдесят с гаком советских лет), попал в руки моего друга Виктора, а уже от него – ко мне. Вот как это произошло.

Лирические отступления, которые позволяли себе классики, нынешними писателями «сброшены с корабля современности». Жизнь-судьба моя морскими узлами (гордиевыми, считай) связана с кораблями. Поэтому я знаю: сбрасывать с борта в море кого-либо или даже что-либо, кроме отходов с камбуза, – преступно. Посему разрешу себе небольшое, но необходимое отступление.

Статья об Австралии в нашем справочнике заканчивалась так: «Но бывают на судах посетители, которые стремятся отнюдь не к расширению дружественных связей...» Дальше жупелы пошли – НТС, «Посев» и пр. А вот о тетушке Молли ни слова... Я уже писал о богатстве библиотек на судах австралийской линии. Они обязаны этим действительно чуду. И чудо это – Молли Индж. Я опоздал на встречу с этим удивительным человеком ровно на двадцать дней – она умерла первого ноября. На памятнике тетушке Молли должно быть написано: 14.02.1901 – 1.11.1989. Увы, неведомо, будет ли у нее памятник, ведь даже тело свое она завещала для опытов медицинскому факультету Мельбурнского университета... В 1940 году она вступила в компартию, которая тогда была, между прочим, вне закона. Работала и продавала коммунистическую литературу на улицах. Нет, тетушка Молли не была фанатичкой, но очень хотела верить, что настоящий социализм существует на земле. Тетушку Молли знали на всех советских судах: она приходила на каждое, заходящее в Мельбурн, и дарила чек на двести долларов – на книги. Только на книги! Ибо книга – учитель жизни, несущий свет, культуру. А представители коммунистической России, так думала тетушка Молли, обязаны быть высококультурными людьми. Книги за ее доллары нужно было покупать в магазине русской книги, и Молли Индж лично проверяла, чтобы деньги шли только на книги. Помполитам *сверху* велено было отказываться – мол, сами богаты. И они нередко так и делали. Дома «кум» (прозвище кураторов флота от КГБ) объявлял членам экипажа, что «зловредная тетушка – агент ЦРУ». А тетушка Молли в 1985 году вынуждена была продать дом, чтоб иметь возможность продолжать дарить книги на каждое судно из России... Она возила наших моряков на своей машине в экскурсии по Мельбурну, в зоопарк, в Ботанический сад – куда пожелаешь. И делала это до последнего своего дня.

Еще в прошлом рейсе я подружился с русским австралийцем Николаем Володиным, удивительным человеком. Инженер-компьютерщик и летчик-любитель (у нас и професий-то таких в то время еще не было), тем не менее неистребимо русская душа, Коля не раз потом побывал во Владивостоке. Как заработал лишнюю копейку – так в авиакомпанию ее и летит в Россию. Во второй мой заплыв в Мельбурн он познакомил меня со своим родственником Виктором Маслобоевым. Родственник, родной человек, родная кровь, родина... Огромного роста мужик, во многом схожий с бунинским Захаром Воробьевым («Бунин любитесь сильным, здоровым мужиком, его богатырской мощью. Но этот богатырь с его благородной душой не находит применения своим силам и бессмысленно погибает от перепоя...»), – это из учебника по литературе), во многом, но, слава Богу, не во всем похожий, Виктор силам своим нашел достойное применение с юных лет – он талантливый механик, считай, Иисус Христос в технике: воскрешает убитые машины и механизмы, делает их – «как

новенькие». И от перепоя, когда таковой случается, не погибает, тьфу-тьфу-тьфу, а успешно лечится исконно русскими способами, благотворными, как выяснилось, и на Пятом континенте, но – только для русских, ибо известно же: что русскому здорово, то немцу смерть!

Не бывает случайных встреч, и лишнее подтверждение тому – наша с Виктором встреча, потому как и судьбы наши оснащены едиными вехами, отмечены сходными поворотами: ему тоже было уже «за полтинник», когда он стал, как и я, холостяком. Грустно. Зато оба мы отдались любимому делу с головой. На моей книжной полке – на яркой цветной фотографии – Виктор стоит во весь свой захаров рост, подпирая спиной двухметровый кирпичный забор, сложенный собственными руками, над ним – черепичная крыша ухоженного дома с симпатичной мансардой, а рядом с хозяином, считай, уже бывшим, огромный плакат-объявление о продаже дома с аукциона:

AUCTION

saturday 22nd september at 1 p.m.

Виктор во всегдашней, излюбленной своей форме – удобном и весьма приличном комбинезоне темно-серого цвета, слегка распахнутом на груди, синий берет на голове и немного (истинно по-русски) виноватая улыбка на заветренном лице человека, живущего – так и хочется сказать «на природе» – во дворе, на воздухе. Двор у него теперь – после развода и продажи дома – рядом с портом, в нежилом, «производственном» районе Мельбурна, и завален этот двор битыми лимузинами, автобусами, тракторами, ломаными станками и прочей разной техникой. Пройдя через его черномозолистые, огромные, как лопаты, но бережные, даже нежные руки, вся эта техника снова станет работать во благо. В нашей приснопамятной «Правде» лет двадцать назад вполне мог бы появиться «Очерк об уральском мастере – золотые руки Викторе Маслобоеве, дарящем вторую жизнь машинам во имя торжества светлого будущего всего человечества». Урал – родина предков Виктора, на воротах его владения начертано: URAL. И ты невольно вскрикнешь мысленно «ура», неожиданно узрев эту надпись после целого дня хождения-езды по англоязычному городу. И в гараже-мастерской-приемной австралуральского мастера тебе тут же чисто по-русски нальют сто грамм и дадут закусить соленым огурчиком. Святое дело!

Виктор Маслобоев – параллельно с тетушкой Молли – шефствовал над нашими пароходами: тоже возил моряков по городу, по магазинам и кабакам, угощал и одаривал чем мог. «Кум» несомненно и его взял на заметку, но Виктор об этом не думал. Он просто, увидев русский пароход, всем существом тянулся к нему совершенно произвольно, как притягивается к планете комета или болид. Железный левиафан, приплывший оттуда, из такой далекой и такой родной страны, дышал сердечным теплом, от него веяло ароматами русских степей, лугов, соснового бора. И россиянину, заброшенному судьбой за десять морей от родины, застило глаза березовым маревом. И как тут, Боже Ты мой, не вспомнить было стихи великого Набокова:

Бывают ночи: только лягу,
В Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать...
Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг.

А нашим матросикам нужна была Австралия, экзотическая страна с ее вечным теплом, неразбазаренным и умело, в отличие от России, используемым богатством, с ее долларами

и шикарными супермаркетами, до самой крыши набитыми красивым добром *made in...*, то есть будущими дорогими подарками родным бабам и «короедам», с этими замечательными *kasquette*, трех-четырёх-пятилитровыми «кирпичиками» белого сухого вина с чудесным букетом. И этот здоровенный русский мужик, эмигрант, заблудшая неволей душа, наивный, как ребенок, всем во всём помогает, бесплатным таксистом часами катает их по городу, каждому *русскому из России* он готов отдать все. И отдает с легким сердцем, с добродушной улыбкой. Он привозит их к себе в гости и вместе с ними радуется, читая на воротах заветное имя *URAL*. Он дарит им швейные машинки, автомобильные приемники и магнитофоны, запчасти к их японским лимузинам, да все, что ни попросишь. И матросские души распахиваются ответно, отдавая Виктора хлебом из судовой пекарни, селедкой и... чем бы еще отблагодарить его, технаря, механика, добрую такую душу, влюбленную в железяки и в их страну, которой он в глаза не видел, ну да, чем бы еще? Ага, вот что у нас есть, гляди, Виктор (ему хоть и шестьдесят, а все с ним на «ты», правда, все равно уважительно), может, сгодится тебе, вот глянь, списанный кинопроектор «Украина», но ничего что списанный – он как новенький, ага, и трансформатор к нему...

Виктор улыбается детской своей улыбкой и благодарит за подарок. Господи, да для него главный-то подарок – просто видеть их, эти *родные русские лица*. Просто побывать на участке, на клочке родной земли, хоть и таком вот, железном, стальном, на корабельной палубе...

Под просторным гаражным навесом землевладения *URAL*, словно в запаснике музея отечественной кинематографии, со временем скопилось больше двух десятков «Украин».

– Бери, – Виктор широко повел рукой по всему гаражу, где стояли и станки, токарный и сверлильный, и два мотора от австралийского «холдена» возвышались на верстаке, и много всего другого висело по стенам и лежало хорошо и удобно, по-хозяйски ладно.

На обратном пути я как раз собирался купить в Японии стиралку, ну и кивнул на один из трансформаторов от «Украины»: вот, мол, его возьму. Мы с Виктором прощались по-русски – в гараже, с бутылкой. Он расчувствовался, я таким его еще не видел. Закурил, потом бросил сигарету под ноги, раздавил ботинком сорок шестого размера и, потерянно на меня взглянув, выдал, именно выдал – взволнованно, как с трибуны, чего с ним раньше никогда не бывало:

– Передай там, в России, что я приеду и все деньги, что заработал в Австралии, привезу в Россию!

Капитан Евгений Федоров, влюбившись в Пятый континент, основал во Владивостоке Дальневосточный Центр дружбы с Австралией, ДВЦДА. Народу собралось немало, я тоже стал ходить туда, чего-то рассказывать людям, живо и радостно тоскующим по красивой нездешней жизни. Однажды и о Викторе им поведал. Симпатия лет так тридцати семи-восьми, вдовушка, смуглянка, на нее я и сам был непрочь положить глаз, загорелась:

– Я бы хотела познакомиться с вашим другом, пригласить его сюда. Пусть пожил бы в России, посмотрел... У меня и квартира просторная, и дача есть...

Мне понравилось, что она в самого Виктора влюбилась, а не в его сытую, обетованную страну, как большинство членов нашего ДВЦДА. И написал о ней Виктору.

Увы, сваха из меня, видать, никудышная. На что я надеялся, на то, что любовь к России гармонично соединится с любовью к женщине? Но – не суждено, знать! Богом данную судьбу не повернуть никаким произволом. Любовь к свободе, знаю это по себе, сильнее многих и многих привязанностей. Да что там говорить! Возьмите Лойко Зобара и красавицу Радду...

Деятикилограммовый *агрегат* так и стоит в моей прихожке, блестя, как собака из «Огнива» Андерсена, огромным, «словно чайное блюдце», глазом вольтметра. Виктор пишет мне письма, в которых от души, по-детски целомудренными словами ругает писак,

сбежавших из России в Австралию и поливающих родину грязью. В каждом конверте я неизменно нахожу десятку – красивые австралийские доллары с мужскими портретами в ковбойских шляпах и маленьким прозрачным окошком в уголке пластиковой купюры.

«Вот уже шесть или семь лет как мы с тобой не виделись, время летит. А смотрю новости: дома все еще порядка нет. Шахтеры стучат касками, заводы и фабрики стоят в бездействии, рабочие возделывают клочки земли, выращивают себе пропитание, задолженность иностранцам исчисляется в миллиардах \$... Вот так нам рисуют Россию, закрываю глаза и не хочется верить. И будет ли этому конец? Ну да ладно, это на *TV*. Может быть, и неправда, очень уж хотелось бы, чтобы неправда. Боря, черкни писульку...»

Я перечитываю его письмецо много раз, как некогда мама перечитывала нам с братом письма отца с фронта. И каждый раз глаза застывают на этой фразе: *дома все еще порядка нет... Д о м а!*..

Ох, Витя, когда же ты приедешь-то? Домой.

2001, Владивосток

Светлой памяти капитана Виктора Чистякова

1. ТБ и ПТ на МФ, или Не меняется только дурак!

Новичок ты на флоте или, как говорится, корма твоя по третьему разу обросла ракушками, это не имеет значения, когда ты приходишь устраиваться на работу в море. Перво-наперво и всенепременно тебя посылают не очень далеко – в кабинет ТБ, техники безопасности, для прохождения инструктажа. Нудное и нужное одновременно дело!

Итак, открываем толстую, 400-страничную книгу с длинным названием «Правила техники безопасности и противопожарной техники на судах морского флота СССР». Или почти в точности такую же для судов ФРП, то есть флота рыбной промышленности. Авторы – целые институты: ЦНИИМФ в первом случае, ГИПРОРЫБФЛОТ во втором.

Итак, открываем, начинаем читать и... закрываем на хрен: враньё! Почти сплошное враньё, читать тошно. Можете мне верить, ребята: я десять лет работал в отделе ТБ главка «Дальрыба». В море работалось неплохо, а вот на берегу – точно тошно, потому как чисто бумажная работа, а на самом вершине бумажной той пирамиды – жуткая эта Книга.

Ну что тут можно сказать. Когда врут в газете «Правда», оно понятно: не зря ж она в кавычках, а вот враньё по ТБ, от которой, моряк, твоя жизнь зависит, – это уже конец света. Ну так что, верно говорят в таких случаях: туши лампу, бросай гранату?

Нет, ребята, тут и гранатой делу не помочь... Институты бездельников медленно, но неуклонно искореняются с помощью пока единственно, как выяснилось, верного учения – капитализма. Однако наследие их, книги по ТБ, живы еще и успешно воинствуют. Во всяком случае, на берегу. Но куда ж ты от него денешься, от берега-то... Ну, ладно, хорошо, а как же в море спастись?..

А вот, вот он, рядом висит, прямо на леерах, у парадного трапа, красивый такой, круглый, красно-белый, с черной надписью – названием твоего парохода, да-да, он самый, **спасательный круг**, воспетый даже Маяковским. Помните стихи, посвященные «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»? Там есть такие строчки: *В блюдечках-очках спасательных кругов*. Так что бросай лучше не гранату, а его, спасательный круг. Но, предупреждаю, очень большое «НО»: бросай очень и еще раз очень осторожно! Ибо это бывает смертельно опасно. Нередко притом бывает. И вовсе не потому, о чем тебе сейчас подумалось...

Давай внимательно посмотрим на сей предмет, ну то есть на героя нашей истории. Изначально, в допенопластовый период, делали его из легчайшего пробкового дерева, обтянутого парусиной, крашенной той самой двухцветной краской. О да, краска, само собой, масляная, водоотталкивающая, а как же иначе! Опоясывает круг прочная, плетеная пеньковая или полипропиленовая веревочка-штерт (в словаре для морских волков строго замечено: не шкерт!), свободно провисающая и мудро разделенная на четверых утопающих. Диаметр круга немного больше 70 сантиметров, а внутренний диаметр – 43 см – рассчитан, видимо, на талию утопающего средней упитанности. Ну а тем, у кого талия нерасчетная, до похудения, в морской среде наступающего быстро, суток за двое, остается вышеозначенный, как говорится в инструкциях, штерт.

Позволю себе крошечное полулирическое отступление, совершенно, как ты убедишься впоследствии, необходимое для нашего повествования. Если ты биолог или хотя бы иногда смотришь телепередачу «Диалоги о животных», ты знаешь, что лет так примерно миллионов за 200 даже с живыми тварями происходят дивные метаморфозы: всякие там ихтиозавры из океанских, водных превращаются в земноводных, потом вообще в земных, а стоило вет-

рам посквозить пару миллиончиков годков – в небесных. Что уж говорить о материи неживой!..

Было это во Владивостоке, в бухте Золотой Рог, на борту замечательного парохода, причем именно еще паро-хода, переоборудованного в рыбообрабатывающую плавбазу под названием «Десна». Славный, незабвенный пароход, уникал! В тот год, а было это тридцать лет назад, мы отмечали на его борту редчайший для судна полувековой юбилей. Между прочим, есть сведения о том, что это чудо водоплавающее и посейчас живо: где-то, говорят, в Индии фирма, купившая «Десну» по цене металлолома, превратила ее в плавучий отель. Умели же в старину металл делать для флота! Но не о том речь. Просто юбилей «Десны» совпал (а такие совпадения, известно же, чреваты) с оформлением отхода из Владивостока на промысел. Пожаловал на наш борт, как оно водится, инспектор портнадзора, проверил судовые документы, сыграл – юморист! – учебную шлюпочную тревогу, полюбовался на нас, толкавшихся у шлюпок, полупьяных, да что уж там – и пьяных тоже (за юбилей же поднимали тосты), но ничего, все вроде сошло с рук, человеком, значит, он оказался. А потом, уже на трапе, прощаясь и пожелав «семь футов под килем», инспектор возьми вдруг и скажи старпому: «А ну-ка бросьте этот кружок за борт». Чиф репетовал приказ матросу, и красно-белый наш спасательный круг с четкой надписью П/Б «ДЕСНА» полетел за борт. На морской поверхности, однако, он не задержался ни секунды и благополучно ушел прямиком на дно. Боцман, стоявший неподалеку, дернулся было спасти корабельное имущество, за которое он материально ответственен, но нам удалось в несколько пар рук его охмутать. Отход задержали на два часа, пока мотались на склады получать новые спасательные круги...

Второй аналогичный случай произошел в другом, Южном, полушарии и не на рыбацком уже, а, как на флоте говорят, на «пароходском» судне, контейнеровозе «Новиков-Прибой». О нем мне поведал сам капитан его Виктор Андреевич Чистяков, старый морской волк, о котором ниже – чуть подробнее. Судну к тому времени исполнилось 22 года. Однажды застряли они на рейде австралийского порта Брисбен: случилась непредвиденная задержка, какие-то разборки с грузом, с контейнерами, ну и старпом решил воспользоваться этим для очередной, плановой покраски парохода. Тем более, что погода выдалась на редкость – солнышко, штиль. Красить наружный борт доверили «салаге», молодому матросику. Соорудили по-быстрому беседку, доску то есть на двух капроновых концах-петлях, надежных, по мнению боцмана, на двести процентов, спустили туда кандейку с краской, дали хлопцу поролоновый валик на длинном трубчатом алюминиевом черенке и пожелали, как говорится, вдохновения, ну, не без легкой, конечно, матерной приправы, обычно заменяющей на флоте инструктаж по той самой ТБ: гляди, мол, стриж, не улети, мать твоя, значит, переживать будет...

Где-то через час подходит к борту катер и высаживает ревизора, грузового, то есть, помощника капитана, который докладывает о ходе разборки с контейнерами в офисе фирмы, а потом – между прочим – добавляет, что видел с катера, как неровно, неумело кладет матросик мазки краской по борту. Капитан вызывает боцмана, слегка дрючит, и вот уже летит «дракон» к беседке, драконит «салагу», но, видя уставившиеся на него снизу вверх невинные глаза агнца, сползает крабом на ту доску, чтобы личным, значит, примером научить, показать, но... По известному в ученном мире закону пакости, двухсотпроцентная надежда подводит именно его, творца беседки: то ли перегрузил ее сам боцман, в одной будучи весовой категории с Тарасом Бульбой (помнишь, как там у Гоголя: *Бульба вскочил на своего Черта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя*), то ли просто ногой зацепил петлю, то ли «салага», постороняясь, освобождая наставнику место, качнул доску, да только она вдруг срывается с той петли, и боцман, бескрылый, увы, «дракон», пикирует в воду. Матросик, успев вцепиться во вторую петлю, повис, как клоун на канате, пере-

дразнивающий канатоходцев. Кандейка с краской, слава Богу, тоже висит на кончике, и вот за эту-то именно предусмотрительность боцману все простится: разлив мазута ли, краски в иностранном порту – это ЧП, это сумасшедший валютный штраф и пр. и др. . .

Капитан находился как раз на мостике, ну и самолично сыграл тревогу «Человек за бортом». Он мог, конечно, не тревожить весь экипаж, а просто послать вахтенного матроса помочь боцману выбраться по шторм-трапу, но тревога – это ж не только проверка, а и тренаж. И звонки громкого боя (может, уже в тысячный раз за долгую его жизнь!) пронзили все закоулки судна-ветерана. Члены экипажа действовали быстро и четко: экипаж визированный, это вам не «Десна», да к тому же еще и в заграничье. Каждый на ять знал свои обязанности по тревожному расписанию: одни бросились к шлюпочным таям, другие к спасательным плотам, третьи вели наблюдение с бака, четвертые – с кормы. Вахтенный матрос среагировал, естественно, первым и бросил любимому «дракону» прямо с крыла мостика спасательный круг с надписью Т/Х «**НОВИКОВ-ПРИБОЙ**». Матрос был опытный и кинул круг прицельно, то есть не в боцмана прицельно, а рядом. Но боцман все равно схватиться за круг не успел. Он увидел только, что его «имущество» погибает, идет ко дну. Допустить такое, поверь, друг, ни у одного нормального боцмана и в мыслях быть не может ни за что и ни-ко-гда! И потому двадцатипудовый «дракон» контейнеровоза «Новиков-Прибой» шумно, как кит, только без фонтана, вздохнул и нырнул в прозрачную глубину бухты Мортон, на берегу которой нежится красавец Брисбен.

О, какими ж долгими бывают минуты и даже секунды! Целых тридцать этих самых безмерных, бездонных секунд пропал в подводном царстве наш «человек за бортом». Но вот он вынырнул, под мышкой у него алело свежим, влажным суриком «имущество» . . .

И почему ж он, зараза, тонет, этот «спасательный» круг, спросишь наивно ты. И тогда я переадресую тебя с твоим вопросом к капитану Чистякову, ибо этот старый морской волчара, стопроцентно соответствующий идеалу, сформулированному флотским народом: безукоризненно одет, гладко выбрит и слегка пьян (между прочим, это «слегка» не разглядеть ни в бинокль, ни в монокль), да к тому же чистый философ-материалист, Демокрит, Спиноза, ответит на твой вопрос лучше меня:

– Две-три покраски в год умножь на 22 и сосчитай, сколько свинца и железа бедный тот круг принял на себя и в себя от свинцового и железного сурика . . .

А помолчав, недолго вроде, но с нелегкой думой на морщинистом челе, добавит:

– Да возьми ты даже **коммунизм** . . . «светлое будущее» . . . недоношенное дитя «сладкой парочки» Маркса-Энгельса . . . Уж как у нас кутали его в плакатно-лозунго-флажные пеленки, потом как щедро, обильно поливали густой кровью . . . Вот он тебе и будет наш спасательный круг!

Слушая вместе с тобой капитана Чистякова, я невольно люблюсь им: он столько впитал, как спасательный круг сурика, тропического солнца, он так закопчен им и так прекрасно пахнет (словно в ту коптильню плеснули чуть духов и немного хорошего виски), он в свои 60 настолько всегда бодр и молод душой, что в него неизменно влюбляются даже самые молоденькие буфетчицы. А сколько он знает стихов! И любит повторять вслед за Пушкиным: *не меняется только дурак!*

А еще я вспомнил владивостокского портнадзирателя, утопившего «десновский» круг, и подумал: нет, никакой он не юморист, он просто реалист: знал он, прекрасно знал, в какой стране живет!

2002

2. Автобус на Марсе (Из задушевных рассказов капитана)

Это было на самой заре перестройки. Да, где-то вторая половина 80-х. Украина даже еще не успела стать «вильной». Но уже, значит, готовилась! Зерновоз, черноморец «Семен Голопупенко» (это вроде бы имя Героя Гражданской войны), строили его для экспортных перевозок, то есть он должен был вывозить, значит, украинское зерно, но пришел как раз наоборот – за зерном в Китай. Да, в порт Далянь, бывший наш Дальний. Загрузился там кукурузой, десять или двенадцать тысяч тонн, не помню точно, ну и – домой...

Одесситы не были б однако одесситами, если бы прошли мимо Страны Восходящего Солнца, которая лопалась от старых «тойот», значит, «ниссанов» и «мазд». На «западе» еще не наладили автопоток «БМВ» из Германии, «вольво» из Скандинавии и прочих разных «роллс-ройсов». Да и мы, дальневосточники, только-только начинали осваивать этот рынок, да нет, еще даже не рынок, а просто, значит, японские свалки-скрапы. На одной такой авто-свалке в Кобе¹⁰ мы с братьями-одесситами и познакомились. Они поначалу косились на нас: конкуренты ж, куда там, ага. А та-а-м, Господи, да всему миру хватило б! Ну, рыщут они по скрапу, значит, целеустремленные такие, озабоченные, глазами всю свалку бы на пароход свой утащили. Цены и в самом деле тогда были бросовые: за сто, за двести долларов можно было, значит, взять семи-восьмилетний «цедрик», к примеру. А что такое семь лет по японским дорогам? Да на наших за семь дней его больше ухайдокаешь!

Мои ребята уже выбрали что хотели, мы ж раньше пришли, ну и стоят, значит, у конторки владельца скрапа, торгуются, оформляют купчие бумаги. Двое шустряков-одесситов подошли, уши отвесили, слушают. Ну, наши – куда ж там, аборигены! – учат их, делятся секретами: где лучшие машины стоят, как, значит, сподручнее обштопать «японку мать» и тэ дэ, и тэ пэ. Кого учат – одесситов, ты ж понимаешь!.. Короче, познакомились и, как оно бывает, давай уже брататься: матрос с матросом, моторист с мотористом, буфетчица с буфетчицей. Подходит и капитан их. Ручкаемся, говорим о погоде, о грузе, о рейсовом маршруте. Ну, дело к обеду, значит, мы забираем свои лимузины и возвращаемся на судно.

Вечером к нам на борт пожаловали гости, чуть не полэкипажа «Голопупенки». Стоять нам надо было, значит, еще до утра, и мы приняли гостей по полной программе. Не знаю, как там боцман принимал боцмана, механики и радисты – коллег, а я выставил на стол все, что у меня было, короче, все полученные в Японии представительские: «Сантори-виски», двухлитровку сакэ, светлое пиво «Асахи-бир», что-то там еще. Я же знаю, даже наши, дальневосточные капитаны, не говоря уже об одесских, стараются эти самые представительские брать не натурой, как оно положено, а валютой. А капитан-одессит притащил ко мне еще и «деда» своего, стармеха. Буфетница мигом спроворила, короче, классный закусон: салатик из свежих японских огурцов, помидоров, бутерброды с икоркой, ветчина, жареная курица. Короче, «хорошо сидим», как говорил Евгений Леонов в «Осеннем марафоне». Сидим, значит, разговариваем. Есть же о чем потолковать морякам с разных морей. Вот повезет «Голопупенко» 10 или там 12 тысяч тонн кукурузы к себе в Одессу, неужели, спрашиваю я, на Украине своей «кукурудзы» мало? Да, говорят, значит, не хватает. Наши пароходы сотнями тысяч тонн возят в Китай азотные и всякие другие удобрения, китайцы народ супер-трудолюбивый, землю свою, короче, они эксплуатируют в хвост и в гриву, без допинга она уже рождать не в силах, а на всем, что рождает, полным-полно, значит, – с нашей помощью – нитратов, нитритов, пестицидов... Ну что ж, отвечают гости, наше-то ведь дело ишачье: навьючили – вези. Резонно, соглашаюсь я, а сюда, за машинами, миль четыреста кругалю дали, как вам это

¹⁰ Кобе – порт на юге японского о-ва Хонсю.

удалось? Мне просто, как капитану, значит, интересно. И гости доверительно делятся своим одесским «страшным секретом»: заход в Японию им дали для закупки... канцпринадлежностей! Да, для самоуважных, короче, подразделений пароходства – парткома и отдела кадров. Ну, конечно, не только за ручками там, за цветными скрепками, а еще и оргтехнику брали, значит, компьютеры. В парткоме ж, известно, без компьютеров что за работа! Особенно если они без игровых приставок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.